

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2023 Vol. 6 № 2 (20)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

"Caucasian Science Bridge" journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 24.11.2023. Подписано в печать 11.12.2023. Выход в свет 14.12.2023.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 12,32. Тираж 550 экз. Заказ № 9277.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верецагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор;
Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный феде-
ральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет
Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце
Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела междуна-
родных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский универси-
тет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санк-
Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Между-
народный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-
Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат со-
циологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований
«Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор;
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский
институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Социология образования и молодежи

Салогуб А.М., Арсельгова М.А.

Социальная ответственность научных учреждений как фактор обеспечения конкурентоспособности и национально-технологического суверенитета России 12

Богданова О.В.

Дополнительное образование в новых социальных условиях:

факторы трансформации 23

Чилингарова Д.Н.

Образовательные потребности старшеклассников

как индикатор готовности к онлайн-обучению 31

Ковалев В.В.

Магистратура в зеркале реформы российского высшего образования 40

Капанян Н.Н.

Интернет в жизнедеятельности учащейся молодежи поколения Z:

сравнительный анализ студентов вузов и колледжей Ростовской области 47

Шелгинская В.А.

Ожидания и опасения молодежи на городских социокультурных мероприятиях

(ивент-мероприятиях) 55

По следам всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку»

(г. Ростов-на-Дону, 20–21 апреля 2023 г.)

Яскевич Д.В.

Риски и угрозы национальной безопасности России

в Азиатско-Тихоокеанском регионе 70

Зекунова П.А.

Комфортная городская среда: система общественного транспорта

в оценках жителей г. Ростова-на-Дону 78

Иванова А.Д.

Возможности и барьеры профессиональной самореализации молодежи

в современной России 83

Киселев Д.А.

Предупреждение конфликтов между украинскими беженцами

и принимающим российским обществом

на фоне проведения специальной военной операции 87

Полякова Е.А.

Риски и социокультурные угрозы эпохи цифровизации 93

Информация для авторов 97

CONTENTS

SOCIOLOGY OF EDUCATION AND YOUTH

Salogub A.M. Arselgova M.A.

Social responsibility of scientific institutions as a factor
in ensuring competitiveness and national technological sovereignty of Russia 13

Bogdanova O.V.

Additional Education in The New Social Conditions:
Factors of Transformation..... 23

Chilingarova D.N.

Educational needs of high school students as an indicator
of readiness for online learning..... 31

Kovalev V.V.

Magistracy in the Mirror of the Russian Higher Education Reform..... 40

Kapanyan N.N.

The Internet in generation Z students' life activities:
comparative analysis of university and college students in Rostov Region 47

Shelginskaya V.A.

Fears and expectations of student youth on socio-cultural city events and festivals 55

FOLLOWING THE ALL-RUSSIAN CONFERENCE OF STUDENTS, GRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS "THE WAY TO SCIENCE" (ROSTOV-ON-DON, APRIL 20-21, 2023)

Yaskevich D.V.

Risks and threats to Russia's National Security in the Asia-Pacific region 70

Zekunova P.A.

Comfortable urban environment: public transport system
in the estimates of residents of Rostov-on-Don 78

Ivanova A.D.

Opportunities and barriers to professional self-realization
of young people in modern Russia..... 83

Kiselev D.A.

Prevention of conflicts between Ukrainian refugees
and the host Russian society against the background of a special military operation 87

Polyakova E.A.

Risks and sociocultural threats of the digitalization era..... 93

INFORMATION FOR THE AUTHORS

К читателю

Дорогой читатель! Журнал «Caucasian Science Bridge» представляет очередной номер 2023 г., который включает два раздела: «Социология образования и молодежи» и «По следам всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых “Путь в науку”». Собственно, представляемый номер нашего журнала во многом посвящен молодежи – и как объекту исследования в научных статьях, и как субъекту научно-исследовательской деятельности, поскольку лучшие из работ по итогам ежегодно проводимой на площадке Института социологии и регионоведения Южного федерального университета конференции были включены в текущий номер журнала. Следует заметить, что такая возможность – опубликоваться в нашем журнале по итогам участия в научно-практической конференции – молодым исследователям предоставляется не впервые, и мы надеемся, что это станет доброй и хорошей традицией и для журнала «Caucasian Science Bridge», и для молодых начинающих исследователей, определяющихся в выборе своих научных приоритетов и траектории профессионального становления.

Как известно, на результат профессионализации во многом влияет система образования, имеющая многоуровневый характер. И в связи с этим хотелось бы обратить внимание на две статьи представляемого номера, раскрывающие особенности функционирования и трансформации дополнительного образования и магистратуры в условиях новых социальных реалий.

В статье О.В. Богдановой «Дополнительное образование в новых социальных условиях: факторы трансформации» обоснованно доказывается трансформационный переход дополнительного образования в статус базового (классического) образования в университетах, а объясняется такая трансформация самой эволюцией социума, его переходом в формат информационного общества, в котором обновление полученных в высшей школе знаний, умений и навыков требуется на протяжении всей жизни, и значительно чаще и в большем объеме, чем это было в обществе индустриального типа. Таким образом, вывод автора вполне закономерен: дополнительное образование в современном обществе становится не просто надстройкой на фундаменте полученного в высшей школе профессионального образования – оно обеспечивает возможность соответствовать актуальным требованиям на рынке труда.

В статье В.В. Ковалева «Магистратура в зеркале реформы российского высшего образования» анализируется статус магистратуры в системе высшего образования России, который, по сути, очень важен в траектории образовательной деятельности и определяет возможности продолжения образования после окончания бакалавриата с перспективой последующего поступления в аспирантуру. Однако, как констатируется в статье В.В. Ковалева, в реальных образовательных практиках оба аспекта статуса магистратуры в системе образования России проявляются формально: теряется связь с бакалавриатом и не приобретает с аспирантской подготовкой. Автор поднимает вопрос о целесообразности сохранения магистратуры в ее сложившемся виде и приходит к отрицательному выводу.

В статье А.М. Салогуб и М.А. Арсельговой поднимаются не менее важные вопросы, безусловно, связанные с образовательной тематикой, поскольку научная сфера общества и эффективность научных учреждений базируются на институте образования, и именно конкурентоспособность научных учреждений стала предметом исследования в указанной статье. Актуализируется и анализируется она в контексте проблемы обеспечения национально-технологического суверенитета России. Обосновывается возможность эффективного использования потенциала социальной ответственности научных учреждений для укрепления национальной конкурентоспособности России.

Отталкиваясь от данных опроса, проведенного среди руководителей социального блока 22 научно-исследовательских учреждений России, представляющих пять федеральных округов, авторы статьи выявили недостатки в системе обеспечения конкурентоспособности российских научных учреждений и внесли свои предложения по внедрению в них системного управления социальной ответственностью как важного фактора обеспечения конкурентоспособности научных учреждений и формирования национального технологического суверенитета.

Конкурентоспособность научных и образовательных учреждений страны определяется многими факторами (управленческими, организационными, инфраструктурными, экономическими), но прежде всего, конечно же, фактором человеческого потенциала. И в связи с этим исследования, ориентированные на изучение образовательных потребностей и траекторий учащейся молодежи, ее способности и готовности к обучению, к познанию в условиях новых реалий цифровой эпохи, занимают особое место в российской социологии молодежи и образования. В этом номере нашего журнала данная проблематика раскрывается в двух статьях. Так, в статье Д.Н. Чилингаровой «Образовательные потребности старшеклассников как индикатор готовности к онлайн-обучению» на основе массового социологического опроса, проведенного среди старшеклассников г. Ростова-на-Дону, был оценен уровень развития образовательных потребностей последних и сделан вывод о нецелесообразности перевода средних школ на онлайн-обучение, так как это может привести к снижению качества и интенсивности учебной деятельности старшеклассников. Несколько иначе ставится проблема обучения молодежи в эпоху господства интернета в статье Н.Н. Капанян «Интернет в жизнедеятельности учащейся молодежи поколения Z: сравнительный анализ студентов вузов и колледжей Ростовской области». В ходе исследования, используя эмпирические источники (результаты опроса, проведенного среди ведущих вузов и колледжей Ростовской области, а также вторичные социологические данные), автор стремился выявить зависимость между использованием интернета и уровнем образовательной подготовки студентов. В итоге делается вывод о том, что выбор и потребление информационного контента отличаются у студентов вузов и колледжей, а также во многом зависят от уровня образовательной подготовки. Вместе с тем автор полагает, что выявленные различия в жизнедеятельности студентов вузов и колледжей в интернете не являются кардинальными, что дает возможность рассматривать их как единое поколение, проходящее значительную часть социализации в киберпространстве.

Однако социализация современной молодежи проходит не только в киберпространстве. Важную роль по-прежнему играют социокультурные мероприятия, о влиянии которых в социализационном контексте можно узнать из статьи «Ожидания и опасения молодежи на городских социокультурных мероприятиях (ивент-мероприятиях)» В.А. Шелгинской. Организация подобного рода мероприятий наиболее привлекательна для молодежи, если тема мероприятия доминирует в информационном поле потенциального посетителя, т.е. становится «ивентом». Но, как отмечает автор, следует учитывать и вовремя отслеживать изменения в ожиданиях и предпочтениях молодежи, динамично меняющихся в условиях современной реальности и имеющих поколенческую специфику. Авторское исследование позволило оценить уровень сформированности у молодых людей ожиданий относительно мероприятия или собственного видения того, каким должно быть идеальное мероприятие, как невысокий, а также выделить ряд возможных причин, объясняющих эту ситуацию. Среди них и недостаточный опыт посещения мероприятий, и тот факт, что выбор мероприятий не всегда определяется самими молодыми людьми.

В связи с этим нельзя не отметить ту молодежь, которая добровольно и сознательно, мотивированная научным поиском, принимает участие в научно-исследовательских мероприятиях, делая первые шаги в науке. В частности, речь идет о тех, кто принял участие в ежегодной всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку», проходившей на базе Института социологии и регионоведения Южного федерального университета 20–21 апреля 2023 г., и представил тезисы в редакцию нашего журнала.

Тематика, к которой обратились молодые исследователи в рамках своих выступлений на конференции, разнообразна и актуально отражает современные реалии и проблемы жизнедеятельности общества в целом и отдельных социальных групп. По понятным причинам молодых исследователей заинтересовала проблема профессиональной самореализации молодежи, и ее изучение позволило А.Д. Ивановой прийти к ряду выводов относительно возможностей и барьеров самореализации российской молодежи в профессиональной сфере жизнедеятельности, однако в целом автор приходит к положительному выводу о возможностях реализации молодежью своих профессиональных способностей в современной России, о сокращении с каждым годом барьеров на пути профессионального становления молодых россиян.

Результаты исследования П.А. Зекуновой, основанные на онлайн-опросе жителей г. Ростова-на-Дону, нельзя назвать столь же оптимистичными. В центре ее внимания оказалась ростовская система общественного транспорта с точки зрения оценки ее комфортности в глазах жителей. Оценка опрошенными жителями транспортной инфраструктуры города в целом не превысила удовлетворительного уровня, но при этом центральный район Ростова-на-Дону с этой точки зрения получил более высокие оценки.

Не только проблемы организации повседневной жизнедеятельности граждан привлекают внимание молодых исследователей. События и последствия, связанные с СВО, также нашли отражение в их исследовательском поиске. В частности, Д.А. Киселев посвятил свою работу изучению влияния специальной военной операции на конфликты между украинскими беженцами и принимающим российским обществом. Отталкиваясь от гуманитарных принципов как единственно верных в данной ситуации, автор приходит к выводу о том, что для достижения взаимопонимания между беженцами и принимающим обществом необходима двусторонняя работа по обеспечению социальной адаптации и интеграции вынужденных переселенцев.

Обеспечение национальных интересов и национальной безопасности страны предполагает учет широкого круга факторов геополитического характера в силу географического положения РФ и статуса в координатах международных отношений. Одним из уязвимых регионов с точки зрения национальной безопасности РФ является Азиатско-Тихоокеанский регион. Именно он в контексте анализа факторов, вызывающих нестабильность в данном регионе, а также рисков и угроз национальной безопасности России в зоне АТР, стал объектом исследовательского интереса и внимания Д.В. Яскевича. В результате проведенного исследования автор не только дал оценку военного потенциала России, но и предложил меры по повышению безопасности и «москитному» формированию защитных сил страны в изучаемой зоне.

Современный мир полон рисков и угроз, и в работе Е.А. Поляковой они предстают как производные от цифровизации, влияние которой испытывает как все мировое сообщество, так и отдельные социальные группы. Взяв за основу студенческую группу, автор пришел к ряду интересных выводов. В частности, опрос студентов показал, что наибольшую опасность для них представляют такие риски, как информа-

ционный стресс или мошенничество, кибератаки в интернете, т.е. те риски, с которыми сталкивались в своей повседневной жизни сами студенты.

Цифровизация как глобальный процесс оказывает влияние на различные сферы жизни общества и социальные институты. Институт образования в результате наступившей эпохи «цифры» претерпел самые глубокие трансформации, осмысление которых находится в фокусе научно-исследовательского дискурса. И в нашем номере в первой рубрике уже представлялись работы, раскрывавшие особенности влияния информационной эпохи, цифровизации на образовательные потребности и жизнедеятельность учащейся молодежи. Для молодых исследователей – участников конференции «Путь в науку» данная проблематика также не прошла незамеченной. Так, в работе А.А. Кирпилева влияние цифровизации актуализируется и анализируется в контексте оценки качества среднего образования в России. Предположив, что цифровизация в том виде, в каком происходит на данный момент ее реализация в средних учебных заведениях России, негативно сказывается на качестве образования, автор предложил критерии и индикаторы оценки этого влияния, что определяет перспективы последующей эмпирической верификации выдвинутых в работе тезисов.

Дорогой читатель! Редакция журнала «Caucasian Science Bridge» благодарит всех, кто прислал свои работы в наш журнал, кто не остается равнодушным к актуальным проблемам российского общества и современной социологии.

Ждем новых статей и желаем удачи!

Заместитель главного редактора журнала
«Caucasian Science Bridge»
А.В. Верещагина

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 338.24

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.1

EDN AQQAUT

**Социальная ответственность научных учреждений
как фактор обеспечения конкурентоспособности
и национально-технологического суверенитета России****Анжела М. Салогуб¹**¹Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

e-mail: salogubam@yandex.ru

Марина А. Арсельгова²²Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

e-mail: marinaarselgova@mail.ru

Аннотация

Введение. Авторы обращают внимание на возможности обеспечения технологического суверенитета России через развитие научных учреждений и их вовлечение в обеспечение национальной конкурентоспособности. Стратегический потенциал улучшений усматривается в формировании и целевом управлении социальной ответственностью научных учреждений.

Новизна исследования заключается в том, что в нем обоснованы возможности эффективного использования потенциала социальной ответственности научных учреждений, способствующего увеличению вклада исследовательского сектора в укрепление национальной конкурентоспособности России и тем самым в обеспечение национального технологического суверенитета.

Методы. Исследование основано на концепциях тройной спирали инновационного развития и социальной ответственности. Проведен опрос среди руководителей социального блока 22 научно-исследовательских учреждений России, представляющих пять федеральных округов.

Результаты и их обсуждение. Были получены следующие результаты: аргументировано, что формирование и укрепление национального технологического суверенитета выступает стратегическим ресурсом обеспечения сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, а повышение конкурентоспособности научных учреждений в данной сфере может играть определяющую роль. Показаны недостатки в системе обеспечения конкурентоспособности российских научных учреждений, среди которых видную роль занимает нерезультативное или отсутствующее управление социальным развитием и социальными взаимодействиями, резко контрастирующее с социальной сущностью научных учреждений. Обращается внимание на исключительный потенциал управления социальной ответственностью в повышении конкурентоспособности научных учреждений. Выработаны предложения по постановке системного управления научными учреждениями в России, включающие в себя определение целей и задач, разработку стратегии, создание системы мониторинга и оценки эффективности управления, вовлечение сотрудников научных учреждений в процесс управления, активацию потенциала академического сообщества и сотрудничество с государственными и общественными организациями, занимающимися вопросами социальной ответственности. В заключение делается вывод о том, что внедрение системного управления социальной ответственностью в научных учреждениях России является важным шагом для обеспечения конкурентоспособности научных учреждений и формирования национального технологического суверенитета.

Ключевые слова: социальная ответственность; научное учреждение; национальный технологический суверенитет; конкурентоспособность; внешняя среда; системное управление социальной ответственностью; социальное управление; Россия.

Для цитирования: Салогуб А.М., Арсельгова М.А. (2023). Социальная ответственность научных учреждений как фактор обеспечения конкурентоспособности и национально-технологического суверенитета России, *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 12–22. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.1>

Social responsibility of scientific institutions as a factor in ensuring competitiveness and national technological sovereignty of Russia

Anzhela M. Salogub¹

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
e-mail: salogubam@yandex.ru

Marina A. Arselgova²

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
e-mail: marinaarselgova@mail.ru

Abstract

Introduction. The authors draw attention to the possibilities of ensuring Russia's technological sovereignty through the development of scientific institutions and their involvement in ensuring national competitiveness. The strategic potential for improvement is seen in the formation and targeted management of the social responsibility of scientific institutions.

The novelty of the study lies on the fact that it substantiates the possibilities of effectively using the potential of social responsibility of scientific institutions, contributing to increasing the contribution of the research sector to strengthening the national competitiveness of Russia and, thereby, ensuring national technological sovereignty.

Methods. The study is based on the concepts of triple helix of innovative development and social responsibility. A survey was conducted among heads of the social block of 22 research institutions in Russia, representing five federal districts.

Research results and its discussion. The following results were obtained: it was argued that the formation and strengthening of national technological sovereignty is a strategic resource for ensuring balanced and sustainable socio-economic development of the Russian Federation, and increasing the competitiveness of scientific institutions in this area can play a decisive role. The shortcomings in the system for ensuring the competitiveness of Russian scientific institutions are shown, among which a prominent role is occupied by ineffective or absent management of social development and social interactions, which sharply contrasts with the social essence of scientific institutions. Attention is drawn to the exceptional potential of social responsibility management in increasing the competitiveness of scientific institutions. Proposals have been developed for establishing systemic management of scientific institutions in Russia, including defining goals and objectives, developing strategy, creating a system for monitoring and evaluating management effectiveness, involving employees of scientific institutions in the management process, activating the potential of the academic community and cooperation with government and public organizations, dealing with issues of social responsibility. In conclusion, it is come to that introduction of systemic management of social responsibility in Russian scientific institutions is an important step to ensure the competitiveness of scientific institutions and the formation of national technological sovereignty.

Keywords: social responsibility, scientific institution, national technological sovereignty, competitiveness, external environment, systemic management of social responsibility, social management, Russia.

For citation: Salogub A.M., Arselgova M.A. (2023). Social responsibility of scientific institutions as a factor in ensuring competitiveness and national technological sovereignty of Russia, *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 12–22. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.1>

Введение

Масштабные отклонения во внешней среде, вызванные прежде всего беспрецедентными односторонними санкциями, произвольно введенными «коллективным Западом» против Российской Федерации, и разрывом международного сотрудничества, дополнительно актуализировали давно назревший вопрос об обеспечении национально-технологического суверенитета России. Институты, занимающиеся научной деятельностью (научные учреждения, исследовательские организации) традиционно входят в первый состав субъектов, призванных поддерживать и укреплять национальный технологический суверенитет (Юревич, 2022). Однако до последнего времени развитие научного сектора в России имело преимущественно инерционный характер (Яковлев, 2022). В настоящей публикации предлагается обратить внимание на социальные аспекты активации потенциала повышения конкурентоспособности

научных учреждений России для достижения целей и задач обеспечения национально-технологического суверенитета России.

Методы

Настоящее исследование опирается на сочетание следующих концептуальных подходов к оценке возможностей повышения конкурентоспособности научных учреждений в контексте активации стратегического ресурса обеспечения национально-технологического суверенитета России:

- концепция тройной спирали (Г. Ицковиц, Л. Лейдесдорф), обосновывающая, что истинный технологический прорыв в национальной экономике может быть обеспечен исключительно благодаря конвергенции усилий государства, предпринимателей и исследовательских институтов (научных учреждений) (Leydesdorff, Etzkowitz, 1998);
- концепция социальной ответственности (СО), объясняющая масштабный потенциал повышения конкурентоспособности научных учреждений за счет системного и всестороннего управления СО (Labib Eid, Robert Sabella, 2014).

Материалы исследования опираются на результаты опроса, проведенного во втором квартале 2023 г. авторами среди руководителей социального блока 22 научно-исследовательских учреждений России, представляющих пять федеральных округов, в ходе которого по 10-балльной шкале предлагалось оценить текущее состояние управления конкурентоспособностью учреждений по выбранным направлениям, включая организацию социального управления и социального взаимодействия.

Положения научной публикации дополнены материалами глобальной аудиторской компании Deloitte (2023), иллюстрирующими взаимосвязь между уровнем организации управления СО и активацией конкурентного потенциала научных учреждений.

Результаты

В настоящее время, как было сказано во введении, стратегическим ресурсом обеспечения сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации выступает формирование и укрепление национального технологического суверенитета, преследующее следующие цели (Квинт, Новикова, Алимуратов, Сасаев, 2022; Polosin, Chikharev, Samoilova, Medvedev, 2021):

1. Комплексное повышение конкурентоспособности экономики. Наличие сильной национальной технологической базы позволяет создавать и продвигать на мировом рынке высокотехнологичные продукты и услуги, что способствует росту экспорта и увеличению ВВП, а также позволит результативно противостоять разноплановым кризисным явлениям, в том числе формируемым заведомо недружественными действиями, происходящими из внешней среды.

2. Независимость от иностранных технологий. Россия имеет значительные запасы природных ресурсов и технологических возможностей, но часто вынуждена прибегать к импорту технологий и оборудования. Национальный технологический суверенитет позволяет снизить зависимость от иностранных поставщиков, которая сформировалась в период неконтролируемых и во многом болезненных рыночных трансформаций 1990-х – начала 2000-х гг., и обеспечить независимость в различных сферах экономики.

3. Безопасность страны. Наличие сильной национальной технологической базы позволяет обеспечить безопасность страны в различных сферах, включая обо-

ронную, кибербезопасность, энергетическую, продовольственную безопасность и по целому ряду других направлений.

4. Развитие науки и образования. Формирование национального технологического суверенитета способствует развитию науки и образования, что, в свою очередь, способствует повышению квалификации населения и увеличению инновационной активности. Россия располагает соответствующим ресурсным и интеллектуальным потенциалом для того, чтобы вопреки всем попыткам внешнего давления не просто вписаться в мейнстрим технологического развития новейшего уклада (цифровизация и экономика знаний), но и возглавить соответствующие процессы на международном уровне, стать общепризнанным лидером (Petrenko, Makoveichuk, Chetyrbok, Petrenko, 2017).

Существует целый ряд подходов к определению понятия национально-технологического суверенитета, большая часть которых не имеет радикальных отличий и так или иначе характеризует способность удовлетворить потребности государства и общества в технике и технологиях, необходимых и достаточных для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, собственными силами (Шестопал, Мамычев, 2020). Синтезируя существующие определения, можно дать следующее определение национально-технологического суверенитета: способность государства контролировать и защищать свои технологические ресурсы, развивать и использовать собственные технологии, а также обеспечивать независимость в области технологического развития и инноваций. Данное понятие включает в себя не только технологические достижения, но и правовые, экономические и социальные аспекты, связанные с использованием технологий в интересах государства и его народа (Афанасьев, 2022; Crespi, Caravella, Menghini, Salvatori, 2021; Edler, Blind, Kroll, Schubert, 2023).

Ключевыми угрозами национальному технологическому суверенитету России на сегодня могут быть названы следующие:

1. Зависимость страны от импорта технологий и оборудования, что может привести к утрате контроля над ключевыми отраслями экономики и угрозе национальной безопасности.

2. Недостаточное финансирование научных и технологических исследований, которое может привести к отставанию в развитии новых технологий и потере конкурентоспособности на мировом рынке.

3. Низкий уровень инновационной активности, обуславливающий риск потери конкурентоспособности на мировом рынке и утраты контроля над ключевыми отраслями экономики даже безотносительно вводимых санкционных ограничений.

4. Недостаточная защита интеллектуальной собственности, которая может привести к краже технологий и потере контроля над ключевыми отраслями экономики.

5. Дефицит кадрового потенциала и утечка мозгов, которые в своей совокупности могут привести к отставанию в развитии новых технологий и потере конкурентоспособности на мировом рынке, а также к невозможности содействовать расширенному воспроизводству инноваций на перспективу.

Для комплексного и всестороннего преодоления существующих угроз, формирования и укрепления национального технологического суверенитета важно развивать научный сектор, в том числе укреплять конкурентоспособность научных учреждений.

Под конкурентоспособностью научных учреждений следует понимать их способность успешно конкурировать с другими научными учреждениями в области научных исследований, привлечения финансирования, талантливых ученых и научных

кадров, а также внедрения результатов научных исследований в практику (Solanki, Uddin, Singh, 2016). Конкурентоспособность научных учреждений зависит от многих факторов: это наличие квалифицированных научных кадров, современного оборудования и технологий, финансирования, партнерских отношений с другими научными учреждениями и промышленными предприятиями, а также уровень научных достижений и репутация научного учреждения.

Безусловно, индикаторы конкурентоспособности – внешнее отражение многочисленных глубинных аспектов, характеризующих потенциал российских научных учреждений, который может быть использован в интересах обеспечения и укрепления национально-технологического суверенитета страны. В качестве таковых могут быть определены показатели коммерциализации изобретений, число и динамика публикаций в авторитетных качественных изданиях с высоким импакт-фактором, количество патентов и изобретений, уровень финансирования и самофинансирования, показатели кадрового потенциала, а также интенсивность международного сотрудничества.

Конкурентоспособность научных учреждений является стратегическим ресурсом обеспечения национально-технологического суверенитета России по нескольким причинам:

1. Научные исследования и разработки являются основой для создания новых технологий и продуктов, которые могут стать ключевыми элементами экономического развития страны. Конкурентоспособные научные учреждения способны создавать инновационные продукты и технологии, которые могут быть успешно проданы на мировых рынках.

2. Конкурентоспособные научные учреждения привлекают талантливых ученых и специалистов, которые могут стать ключевыми игроками в развитии науки и технологий в России, позволяя сохранять и развивать научный потенциал страны.

3. Конкурентоспособные научные учреждения могут привлекать инвестиции и финансирование от государства и частных компаний, что даст им возможность развиваться и реализовывать свои научные проекты.

4. Конкурентоспособные научные учреждения могут стать ключевыми игроками в развитии национальной безопасности и обороны. Они могут разрабатывать новые технологии и продукты для использования в оборонной сфере.

Можно назвать следующие проблемы формирования конкурентоспособности российских научных учреждений, ключевой источник которых преимущественно заключается в том, что системная работа в данной области в последние десятилетия практически не проводилась (Belokurova, Pizikov, Petrenko, Koshebayeva, 2020; Salimova, Guskova, Krakovskaya, Sirota, 2019):

- недостаточное финансирование научных исследований и разработок;
- низкий уровень квалификации научных кадров;
- отсутствие эффективной системы управления научными проектами и программами;
- недостаточное внедрение научных разработок в производство и повседневную жизнь;
- отсутствие эффективной системы оценки результатов научной деятельности и конкурентоспособности научных учреждений;
- недостаточное взаимодействие между научными учреждениями и бизнес-сектором;
- отсутствие механизмов поддержки инновационных проектов и стартапов;
- недостаточное использование современных информационных технологий и цифровых инструментов в научной деятельности.

Некоторый разворот в государственной политике управления фундаментальной и прикладной наукой в Российской Федерации наметился лишь в последние полтора десятилетия. Однако одной из слабых сторон обеспечения конкурентоспособности российских научных учреждений, как показал проведенный опрос, выступает организация социального управления и социального взаимодействия.

В данном контексте представляется необходимым обратиться к вопросу о необходимости внедрения системного и профессионального управления СО научных учреждений и о том, каким образом соответствующие меры могут оказать позитивное влияние на конкурентоспособность российской науки в интересах обеспечения национально-технологического суверенитета.

Идея о том, что управление СО организации обеспечит многочисленные конкурентные преимущества, не нова (разработка ведется применительно к корпоративному сектору с середины XX в.), а ее положения во многом кажутся очевидными, лежащими на поверхности.

Под СО учреждений в наиболее общем смысле можно назвать принятие и реализацию ими опережающих мер реагирования на запросы социального характера, поступающие как из внутренней, так и из внешней организационной среды (Hernández, Ripoll, de Velazco, Hernández, 2020).

Социальную ответственность принято разделять на два уровня: внутреннюю (перед работниками) и внешнюю (перед внешней средой). Активация управления СО позволяет рассчитывать на синергетическое воздействие по каждому из направлений.

Например, ответственное поведение работодателя перед работниками мотивирует последних, формирует условия для повышения удовлетворенности трудом и производительности, для патерналистских отношений (Adebayo, Govender, 2020). Ответственность перед внешней средой (речь идет не только о спонсорстве и меценатстве, но, скажем, в отношении научных учреждений – об ответственности перед обществом за достоверность, качество и результаты исследований, их этичность и безопасность при применении) обеспечивает одобрение деятельности организации со стороны общества и позволяет улучшать взаимодействие между внутренней и внешней средой, тем самым всесторонне способствуя достижению целей и задач существования организации. Наконец, лучшему достижению целей и задач организационного развития, в том числе в системе научных учреждений, способствуют инструменты управления СО, например отчетность, материалы которой доводят сведения о стратегии и действиях в сфере СО до всех заинтересованных сторон, а также выступают ориентиром для идентификации недостатков и их системного устранения.

Научные учреждения как социальные организации в еще большей степени зависят от одобрения внешней среды и согласованности взаимодействия с ней. От данных обстоятельств зависит и их конкурентоспособность, поскольку внешняя среда может оказывать влияние на финансирование, научные программы, научные связи и репутацию учреждения. Конкурентоспособность научных учреждений напрямую связана с их способностью привлекать и удерживать талантливых ученых, получать гранты и инвестиции, публиковать научные статьи в высокорейтинговых журналах, а также с их репутацией в научном сообществе. Конкурентоспособность также может быть повышена за счет развития сотрудничества с другими научными учреждениями и промышленными партнерами, а также за счет развития инновационной деятельности и коммерциализации научных разработок.

При этом управление СО научных учреждений должно иметь системный характер, т.е. соответствовать следующим характеристикам (FitzGibbon, 2021):

- наличие органов (работников) и локальных актов, непосредственно осуществляющих регулирование как внутренней, так и внешней СО;
- профессионализм в управлении;
- наличие стратегии и планов в предметной области;
- утверждение и финансирование специализированных фондов денежных средств;
- публикация отчетности, сбор обратной связи и производство системных улучшений в сфере управления СО.

Потенциал влияния системного управления СО научных учреждений на их конкурентоспособность обусловлен тем обстоятельством, что оно позволяет им не только выполнять свои основные научные функции, но и учитывать интересы общества и окружающей среды. Это может привести к повышению доверия общества к научным учреждениям, улучшению их репутации и привлечению новых партнеров и финансирования. Кроме того, системное управление СО может способствовать развитию инноваций и созданию новых продуктов и услуг, что также может повысить конкурентоспособность научных учреждений. Исследования, эмпирически подтверждающие влияние СО на конкурентоспособность организаций, сравнительно многочисленны, и в последние годы охватывают также некоммерческий сектор (Deloitte, 2023). Значительный интерес представляют результаты исследования Deloitte, которые позволили констатировать, что, как показано на рис. 1, по итогам 2022 г. наблюдалась тесная корреляция (коэффициент Пирсона 0,9939 при $p = 0,00001$) между исчисляемым по методике данной организации индексом управления СО и индексом конкурентоспособности, отражающим полноту использования конкурентного потенциала.

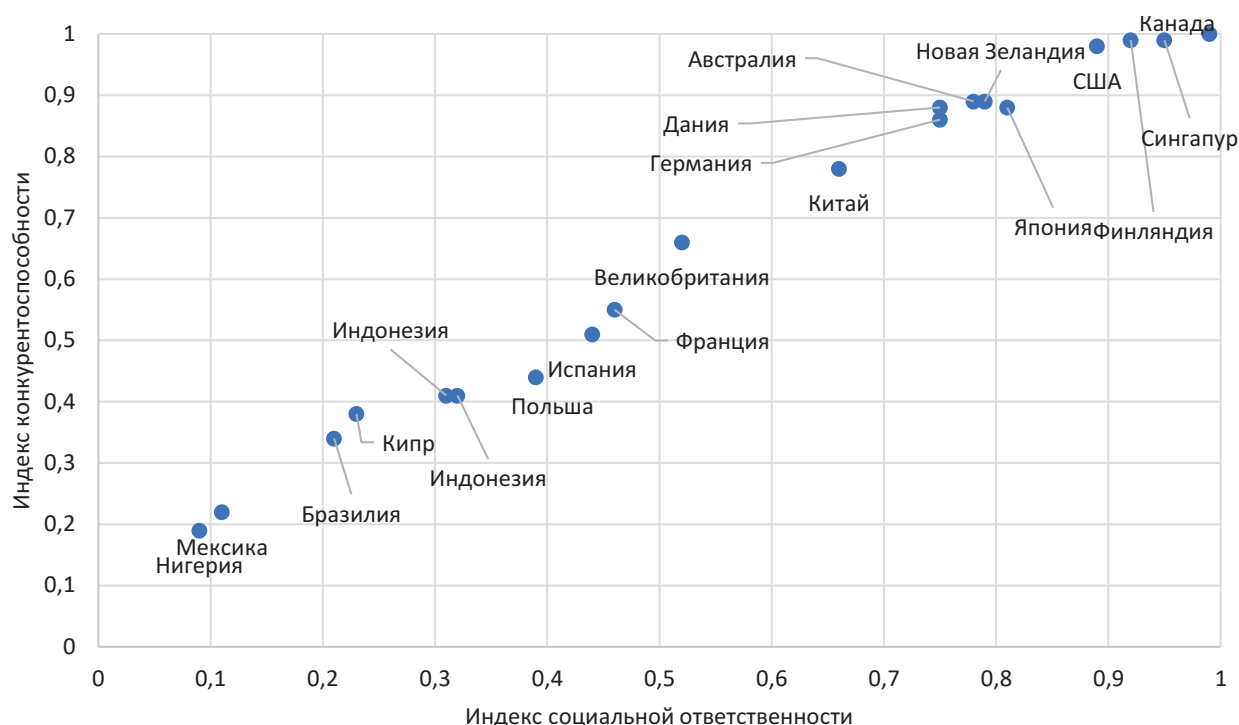

Рисунок 1. Распределение национальных исследовательских университетов ряда стран мира по индексу управления СО и индексу конкурентоспособности в 2022 г. (Deloitte, 2023).

При этом важно отметить, что релевантные исследования, касающиеся уровня организации специализированного управления СО в российской науке, а также влияния управления СО на показатели конкурентоспособности до настоящего времени

не проводились. Имеющиеся обзоры (Салогуб, Арсельгова, 2022) позволяют констатировать, что управление СО проводится фрагментарно и не охватывает основную часть научных учреждений России.

Поскольку, как было показано выше, конкурентоспособность научных учреждений является стратегическим ресурсом обеспечения национально-технологического суверенитета России, представляется важным обратить внимание на потенциал системного управления СО.

Установление системного управления СО в научных учреждениях России может быть достигнуто следующими шагами:

1. Определение целей и задач управления СО научных учреждений. Соответствующие действия могут включать в себя улучшение условий труда, повышение качества образования и научных исследований, участие в социальных проектах и т.д.

2. Разработка стратегии управления СО, которая будет включать в себя конкретные меры и инструменты для достижения поставленных целей. Стратегия должна охватывать как внутреннюю, так и внешнюю СО.

3. Создание системы мониторинга и оценки эффективности управления СО. Мониторинг позволит научным учреждениям оценить результаты своих усилий и внести необходимые корректировки в стратегию управления.

4. Вовлечение сотрудников научных учреждений в процесс управления СО, которое в принципиальном смысле может быть достигнуто через проведение обучающих программ, создание комитетов по СО и т.д.

5. Сотрудничество с государственными и общественными организациями, которые занимаются вопросами СО. Вовлечение в подобное сотрудничество позволит научным учреждениям получить дополнительную поддержку и ресурсы для реализации своих целей.

6. Активация роли академического сообщества в управлении СО научных учреждений, которой представляется целесообразным уделить особое внимание. Академическое сообщество выступает ключевым элементом научного сообщества и обладает значительным влиянием на принятие решений в научной сфере. Представители академического сообщества обладают значительным потенциалом для активации СО научных учреждений, проводя инициативы, направленные на популяризацию науки и знаний, повышение осведомленности и понимания общественности об исследованиях, а также на развитие научных проектов, которые вносят положительный вклад в общество. Кроме того, академическое сообщество может оказывать давление на социальных партнеров для принятия ответственных решений и учета их социальных и экологических последствий. В интересах активации СО научных учреждений силами академического сообщества целесообразно обеспечить организацию и проведение обучающих программ, конференций, семинаров и других мероприятий.

В результате установления системного управления СО научных учреждений России они смогут повысить свою конкурентоспособность за счет улучшения своей репутации и привлечения большего числа талантливых сотрудников и студентов.

Заключение

Установление системного управления СО в научных учреждениях России является важным шагом для обеспечения конкурентоспособности научных учреждений и формирования национального технологического суверенитета. Управление СО позво-

лит улучшить организацию социального управления и социального взаимодействия, а также повысить уровень научных достижений и репутацию научных учреждений. Для достижения поставленной цели необходимо определить цели и задачи управления СО, разработать стратегию управления, создать систему мониторинга и оценки эффективности управления, вовлечь сотрудников научных учреждений в процесс управления, активировать потенциал академического сообщества в предметной сфере, а также сотрудничать с государственными и общественными организациями, занимающимися вопросами СО.

Литература

- Афанасьев, А.А. (2022). Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания. *Journal of Economics*, 12(9). DOI: 10.18334/epp.12.9.116243.
- Квинт, В.Л. (2022). Концепция стратегирования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 164.
- Квинт, В.Л., Новикова, И.В., Алимуратов, М.К., Сасаев, Н.И. (2022). Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики. *Управленческое консультирование*, 9. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67.
- Салогуб, А.М., Арсельгова, М.А. (2022). Социальная ответственность научного учреждения: социолого-управленческий анализ. *Гуманитарий Юга России*, 11(4), 84–102. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.4.6.
- Шестопал, С.С., Мамычев, А.Ю. (2020). Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды. *Балтийский гуманитарный журнал*, 9(1 (30)), 398–403. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0098.
- Юревич, М.А. (2022). Кооперация университетов и бизнеса как фактор формирования технологического суверенитета. *Проблемы развития территории*, 26(4), 47–60. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.4.
- Яковлев, П.П. (2022). Российская экономика в условиях меняющегося мироустройства: вызовы и ответы. *Перспективы. Электронный журнал*, 3 (30), 27–42. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-3-27-42.
- Adebayo, R.O., Govender, J.P. (2020). Marketing as an enabler for churches to fulfill their social responsibility. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, 19(55), 3–19.
- Belokurova, E.V., Pizikov, S.V., Petrenko, E.S., Koshebayeva, G.K. (2020). The institutional model of building the digital economy in modern Russia. In *Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality*. Cham: Springer, 64–70. DOI: 10.1007/978-3-030-29586-8_8.
- Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., Salvatori, C. (2021). European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 56(6), 348–354. DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.
- Deloitte (2023). CSR of non-profitables. Newest outlook in digital era. London, 68.
- Edler, J., Blind, K., Kroll, H., Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, 52(6), 104765. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
- FitzGibbon, A. (2021). Non-profit theatre managers as multi-stakeholder managers: The plate-spinning of accountability. *Financial Accountability & Management*, 37(4), 440–459. DOI: doi.org/ 0.1111/faam.12284.
- Hernández, A.C.C., Ripoll, R.R., de Velazco, J.J.H.G., Hernández, I.V.R. (2020). University social responsibility in the organizational happiness management. *Utopía y Praxis Latinoamericana*, 25(2), 427–440. DOI: 10.5281/zenodo.3815332.
- Labib Eid, N., Robert Sabella, A. (2014). A fresh approach to corporate social responsibility (CSR): partnerships between businesses and non-profit sectors. *Corporate Governance*, 14(3), 352–362. DOI: 10.1108/CG-01-2013-0011.
- Leydesdorff, L., Etzkowitz, H. (1998). The triple helix as a model for innovation studies. *Science and public policy*, 25(3), 195–203. DOI: https://doi.org 10.1093/spp/25.3.195.
- Petrenko, S.A., Makoveichuk, K.A., Chetyrbok, P.V., Petrenko, A.S. (2017). About readiness for digital economy. In 2017 IEEE II International Conference on Control in Technical Systems (CTS), 96–99. DOI: doi.org/10.1109/CTS.2017.8109498.
- Polosin, A.V., Chikharev, I.A., Samoilova, E.S., Medvedev, V.V. (2021). Transformation of the scientific, technical and industrial complex of municipalities as a factor in ensuring the technological sovereignty of Russia. In *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 740(1), 012023. DOI: 10.1088/1755-1315/740/1/012023.
- Salimova, T., Guskova, N., Krakovskaya, I., Sirota, E. (2019). From industry 4.0 to Society 5.0: Challenges for sustainable competitiveness of Russian industry. In *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 497(1), 012090. DOI: 10.1088/1757-899X/497/1/012090.
- Solanki, T., Uddin, A., Singh, V.K. (2016). Research competitiveness of Indian institutes of science education and research. *Current Science*, 110(3), 307–310. DOI: 10.18520/cs/v110/i3/307-310.

References

- Adebayo, R.O., Govender, J.P. (2020). Marketing as an enabler for churches to fulfill their social responsibility. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, 19(55), 3–19.
- Afanasiev, A.A. (2022). Technological sovereignty as a scientific category in the system of modern knowledge. *Journal of Economics*, 12(9). DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243>.
- Belokurova, E.V., Pizikov, S.V., Petrenko, E.S., Koshebayeva, G.K. (2020). The institutional model of building the digital economy in modern Russia. In *Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality*. Cham: Springer, 64–70. DOI: 10.1007/978-3-030-29586-8_8.
- Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., Salvatori, C. (2021). European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy. *Intereconomics*, 56(6), 348–354. DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.
- Deloitte (2023). CSR of non-profitables. Newest outlook in digital era. London, 68.
- Edler, J., Blind, K., Kroll, H., Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, 52(6), 104765. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.
- FitzGibbon, A. (2021). Non-profit theatre managers as multi-stakeholder managers: The plate-spinning of accountability. *Financial Accountability & Management*, 37(4), 440–459. DOI: [doi.org/ 0.1111/faam.12284](https://doi.org/10.1111/faam.12284).
- Hernández, A.C.C., Ripoll, R.R., de Velazco, J.J.H.G., Hernández, I.V.R. (2020). University social responsibility in the organizational happiness management. *Utopía y Praxis Latinoamericana*, 25(2), 427–440. DOI: 10.5281/zenodo.3815332.
- Kvint, V.L. (2022). The concept of strategizing. Moscow: Publishing House of Moscow University, 164.
- Kvint, V.L., Novikova, I.V., Alimuradov, M.K., Sasaev, N.I. (2022). Strategizing the national economy during a period of burgeoning technological sovereignty. *Administrative Consulting*, 9. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67.
- Labib Eid, N., Robert Sabella, A. (2014). A fresh approach to corporate social responsibility (CSR): partnerships between businesses and non-profit sectors. *Corporate Governance*, 14(3), 352–362. DOI: 10.1108/CG-01-2013-0011.
- Leydesdorff, L., Etzkowitz, H. (1998). The triple helix as a model for innovation studies. *Science and public policy*, 25(3), 195–203. DOI: <https://doi.org/10.1093/spp/25.3.195>.
- Petrenko, S.A., Makoveichuk, K.A., Chetyrbok, P.V., Petrenko, A.S. (2017). About readiness for digital economy. In 2017 IEEE II International Conference on Control in Technical Systems (CTS), 96–99. DOI: [doi.org/ 10.1109/CTS.2017.8109498](https://doi.org/10.1109/CTS.2017.8109498).
- Polosin, A.V., Chikharev, I.A., Samoilova, E.S., Medvedev, V.V. (2021). Transformation of the scientific, technical and industrial complex of municipalities as a factor in ensuring the technological sovereignty of Russia. In *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 740(1), 012023. DOI: 10.1088/1755-1315/740/1/012023.
- Salimova, T., Guskova, N., Krakovskaya, I., Sirota, E. (2019). From industry 4.0 to Society 5.0: Challenges for sustainable competitiveness of Russian industry. In *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 497(1), 012090. DOI: 10.1088/1757-899X/497/1/012090.
- Salogub, A.M., Arselgova, M.A. (2022). Social responsibility of a scientific institution: sociological and managerial analysis. *Humanitarian of the South of Russia*, 11(4), 84–102. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.4.6/
- Shestopal, S.S., Mamychev, A.Yu. (2020). Sovereignty in the global digital dimension: current trends. *Baltic Humanitarian Journal*, 9(1 (30)), 398–403. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0098.
- Solanki, T., Uddin, A., Singh, V.K. (2016). Research competitiveness of Indian institutes of science education and research. *Current Science*, 110(3), 307–310. DOI: 10.18520/cs/v110/i3/307-310.
- Yakovlev, P.P. (2022). The Russian economy in a changing world order: challenges and responses. *The prospects. Electronic journal*, (3 (30)), 27–42. DOI: 10.32726/2411-3417-2022-3-27-42.
- Yurevich, M.A. (2022). Cooperation between universities and business as a factor in the formation of technological sovereignty. *Territory development problems*, 26(4), 47–60. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.4.

Дата получения рукописи: 16.06.2023

Дата окончания рецензирования: 16.07.2023

Дата принятия к публикации: 1.08.2023

Информация об авторах

Салогуб Анжела Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, главный научный сотрудник, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, e-mail: salogubam@yandex.ru

Арсельгова Марина Адамовна – аспирант, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, e-mail: marinaarselgova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Salogub Anzhela Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Creative and Innovative Management and Law, Chief Researcher, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, e-mail: salogubam@yandex.ru

Arselgova Marina Adamovna – Postgraduate student, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, e-mail: marinaarselgova@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.344.34

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.2

EDN NKKCAG

**Дополнительное образование в новых социальных условиях:
факторы трансформации****Оксана В. Богданова¹**

¹ Социально ориентированная автономная некоммерческая организация
«Первый консалтинговый институт социального развития», г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются факторы трансформации дополнительного образования в новых социальных условиях. Под ними понимается актуализированная переходом на стадию информационного общества потребность в обновлении образования в течение всей жизни. Устаревание информации, необходимость в перманентном обновлении знаний, умений и навыков обуславливают новый статус дополнительного образования, которое становится равноценным высшему профессиональному образованию. В качестве трансформирующих его статус факторов рассмотрены деградация дополнительного образования в высшей школе, распространение онлайн-обучения и транспрофессионализация. Цель статьи: сформулировать и описать основные факторы трансформации дополнительного образования в новых социальных условиях.

Методы. Проведенное исследование выстроено с применением общенаучных методов анализа и синтеза, сравнительного метода, прогностического подхода, применяемого для оценки установления векторов развития дополнительного образования в условиях воздействия на него трансформационных факторов.

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что дополнительное образование в настоящее время переживает трансформационные процессы. Это связано с переходом его социальной значимости в статус образования, которое равноценно получаемому в классических университетах. Данный статус обуславливается новым этапом социального развития, переходом на стадию информационного общества, в котором обновление полученных в высшей школе знаний, умений и навыков требуется на протяжении всей жизни, и значительно чаще и в большем объеме, чем это было в индустриальном обществе. Дополнительное образование становится не просто надстройкой на фундаменте полученного в высшей школе профессионального образования, оно обеспечивает возможность соответствовать актуальным требованиям на рынке труда.

Ключевые слова: дополнительное образование; онлайн-обучение; рынок труда; мотивация; трансформация; эффективность; классическое образование; транспрофессиональность.

Для цитирования: Богданова О.В. (2023). Дополнительное образование в новых социальных условиях: факторы трансформации. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 23–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.2>

**Additional Education in The New Social Conditions:
Factors of Transformation****Oksana V. Bogdanova¹**

¹ Socially oriented autonomous non-profit organization
“First consulting institute for social development”, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the factors of additional education transformation in new social conditions. They are understood as a need actualized by the transition to the stage of information society, obtaining lifelong learning. Information obsolescence, the need for permanent updating of knowledge, skills and abilities determine the new status of additional education, which becomes equal to higher professional education. The degradation of additional education in higher education, the spread of online learning and

transprofessionalization are considered as factors transforming its status. Purpose of the article: to formulate and describe the main factors of additional education transformation in the new social conditions.

Methods. The study is built using general scientific methods of analysis and synthesis, comparative method, predictive approach used to assess the establishment of vectors of additional education under the impact on it transformational factors.

Results and its discussion. As a result of the study we came to the conclusion that additional education is currently undergoing transformational processes. This is associated with the transition of its social significance in the status of education equal to that received in classical universities. This status is conditioned by a new stage of social development, the transition to the stage of information society, in which the updating of knowledge, skills and abilities received in higher education is required throughout life, and much more often and in greater volume than it was in the industrial society. Supplementary education is not just a superstructure on the basis of professional education, obtained in higher education, it provides the ability to meet the current requirements of the modern labor market.

Keywords: additional education; online learning; labor market; motivation; transformation; efficiency; classical education; transprofessionalism.

For citation: Bogdanova O.V. (2023). Supplementary education in the new social conditions: factors of transformation. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 23–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.2>

Введение

Дополнительное образование стоит на пороге больших перемен. Их необходимость и высокая степень вероятности обусловлены фундаментальным изменением социальной ситуации, в которой развивается образование как комплексная социальная система, включающая в себя все его разновидности: школьное, среднетехническое, высшее и, конечно, дополнительное.

Перемены назревают по многим причинам, но в первую очередь они вызваны изменением отношения самого общества к ценности получаемых знаний. С одной стороны, значимость информации растет. Это неудивительно, так как мы постепенно входим в информационное общество, где приоритетным капиталом выступает информация. Владелец информационных потоков, продавец информации, производитель информации – это обладатели наиболее ликвидного в наши дни товара. С другой стороны, в современном динамично развивающемся обществе информация очень быстро превращается в социальный мусор, приобретая эффект ценности «вчерашних газет». Информация способна очень быстро и безнадежно устареть, потеряв все свойства ожидаемой полезности. И каковой бы ни была ее исходная цена, за которую она приобреталась социальным актором, стоимость ее может стремительно опуститься до нуля, если она окажется вытесненной по релевантным причинам более актуальной информацией.

Все сказанное в полной мере относится и к образовательной информации. Знания, умения и навыки, приобретаемые в учреждениях среднего и высшего образования, являются основой для интеллектуального развития, социализации и профессионального обучения. Они жизненно необходимы для того, чтобы социальный актор имел возможность занять свое место в социальной структуре. И чем более ценной будет имеющаяся у него информация для окружающих, тем на более высокое место в социальной иерархии он может рассчитывать.

Но это лишь одна сторона вопроса. Вторая заключается в высокой степени вероятности устаревания приобретенных знаний. Мы не ставим под сомнение профессионализм учителей и преподавателей, но в новой социальной реальности, когда стремительно меняются условия для профессиональной деятельности, знаний «на всю жизнь» не существует. В этой ситуации дополнительное образование из второстепенного постепенно начинает трансформироваться в основной вид образования, который уже сейчас становится таким же равноценным для получателей образова-

тельных услуг социальным институтом, каким является базовое профессиональное образование или средняя общеобразовательная школа.

В свете обозначенных тенденций мы можем определить цель данной статьи. Она состоит в том, чтобы сформулировать и описать основные факторы трансформации дополнительного образования в новых социальных условиях.

Методы

Первый фактор: деградация дополнительного профессионального образования в государственных образовательных учреждениях высшего образования.

Во времена СССР функционировала тщательно разработанная и отвечающая всем необходимым запросам времени система дополнительного образования. Ее основными институциональными единицами были два типа структурных образований, один из которых существовал на уровне Министерства высшего и среднего специального образования СССР, а второй интегрировался в уже существующие образовательные учреждения. Первый представлял собой разветвленную сеть институтов повышения квалификации. Они создавались на уровне различных министерств и ведомств, а методически курировались общесоюзным министерством образования. Второй тип структурной единицы – факультеты дополнительного образования, организовывавшиеся для реализации образовательных потребностей действовавших на тот момент высших учебных заведений. Высокая эффективность их деятельности обеспечивалась организационной самостоятельностью и наличием четких целей, связанных с основным профилем учебной работы (Гвоздева, 2010).

В первое десятилетие после 2000 г. высшие учебные заведения России перешли на менеджеристскую модель управления эффективностью (Дятлов, Ковалев, Асланов, 2021). Для нее характерно растворение ответственности на низовом уровне, а значит, слом традиционной организационной структуры. В качестве основного «сборщика показателей» были определены под личную ответственность руководители структурных подразделений в вузах, а главными производителями благ (услуг) в системе дополнительного образования стали рядовые преподаватели университетов. По сути, никакого дополнительного образования не сохранилось. Все действующие ИПК и факультеты дополнительного образования расформировали, а вместо этого была введена система показателей, реализацию которых должен был обеспечивать ППС.

Данная реформа исходила из нескольких принципов. Во-первых, она отталкивалась от признания значимости дополнительного образования как особого блага. С первых дней применения менеджеристской модели институционализируется ценность, в соответствии с которой ни один сотрудник вуза не может считать себя высококвалифицированным работником, если хотя бы раз в два-три года, а желательно намного чаще, не прошел повышение квалификации. Эти установки подкрепляются принятием формальных правил императивно-побудительного характера. Так, если сотрудник вуза подает заявление на конкурс ППС, то в качестве обязательного документа в сдаваемом ученому секретарю пакете документов должна быть ксерокопия сертификата о прохождении дополнительного образования по одному из преподаваемых им учебных курсов. Во-вторых, каждый преподаватель может, а в некотором роде даже обязан, создавать собственные курсы повышения квалификации. Мало того что популярность, востребованность таких курсов отождествляется с его личной эффективностью в обществе знания, эффективность автоматически приобретает структурное подразделение и в целом само учебное заведение, так как одним из важнейших индикаторов эффективного управления по канонам менеджизма выступает объем заработанных средств, приобретенных за счет проданных на рынке образо-

вательных услуг предложений в системе услуг дополнительного профессионального образования. В-третьих, произошла деструктуризация управления дополнительным образованием через, как мы уже отмечали, размывание управленческой ответственности. Для преподавателей участие в процессах, связанных с дополнительным образованием, стало императивной обязанностью. Причем эта обязанность проявляется в обоих статусных компонентах: и с позиции потребителя образовательных услуг (без сертификата нельзя пройти по конкурсу отбора на должность ППС), и с точки зрения производителя образовательных услуг (каждый сотрудник обязан обеспечить личную (через индивидуальный рейтинг) и общеуниверситетскую (в рамках межвузовской конкуренции) эффективность).

Данная реформа не могла пройти без последствий для дополнительного образования. Необдуманные, не имеющие под собой ресурсного обеспечения преобразования фактически привели к развалу продуктивно работавшей в государственных образовательных учреждениях системы дополнительного образования. Основным способом деятельности сотрудников вузов стал сводиться к имитации своего участия в ДПО. Это коснулось и создания образовательных проектов, и их потребления. Нормой стало формальное повышение квалификации, когда весь смысл сертификата, вся его информационная ценность сводятся к возможности получить право подавать документы на конкурс должностей ППС. В ином качестве его ценность значительной частью преподавателей не воспринимается. То же касается и другой стороны – сотрудников вузов, предлагающих свои услуги для повышения профессиональной квалификации. Качество и образовательная значимость предлагаемых программ ДПО невысоки. Но их продвижение обеспечивается системой договоренностей, цель которой состоит в создании системы взаимных обязательств по выполнению предписанных ректоратом показателей.

При таких институциональных условиях система дополнительного образования в российских университетах постепенно приходит в состояние деградации.

Второй фактор: новые возможности онлайн-обучения. Если для классического образования, в том числе реализуемого в высшей школе, онлайн-обучение выступает мощным вызовом, способным видоизменить до неузнаваемости всю сложившуюся конфигурацию высшего профессионального обучения, то для дополнительного образования это, напротив, новые возможности (Журавлева, 2021). Цифровизация учебной деятельности вполне способна придать институту дополнительного образования новые импульсы развития, подняв его по степени релевантности на один уровень с классической школой и даже позволяя в чем-то потеснить ее на рынке образовательных услуг. В первую очередь потому, что дополнительное образование благодаря процессу цифровизации постепенно становится независимым, самостоятельным субъектом в образовательной системе. Оно может позволить себе находиться вне организационной структуры государственных и частных университетов, работающих в очном, аудиторно-контактном формате. Это отдельный актор в системе общего и профессионального обучения. Его услуги по преимуществу носят коммерческий характер, и, следовательно, находящаяся на этапе становления новая модель дополнительного образования располагается на стыке институциональных полей предпринимательства и образования.

Итак, онлайн-образование выступает весомым фактором, содействующим становлению автономного от классической школы субъекта образовательной деятельности. Детализируя, мы можем выделить три основных аспекта воздействия данного фактора на предмет нашего исследования:

1. Широкий территориальный охват слушателей. То, что благодаря онлайн-обучению в виртуальных образовательных классах могут находиться тысячи человек,

является результатом развития современных информационно-коммуникативных технологий. Мгновенная передача информации на расстояние, возможность ее оцифровки и применение альтернативных способов доставки расширяют перспективы организации бизнес-проектов без умаления качества собственно самого образования. На основе цифровизации можно создавать образовательные платформы и вовлекать в учебную работу одновременно тысячи людей. То же самое касается онлайн-лекций, вебинаров и т.п. Главное, чтобы информационный контент был полезен заказчику. И тогда потребитель в информационном обществе на него обязательно найдет.

2. Отказ или существенное снижение учебной деятельности в аудиторно-контактном формате. Онлайн-обучение снимает зависимость в ходе организации образовательного процесса от привязки к определенному территориальному месту (в случае с классическим университетом – к комплексу зданий учебно-административного характера). Дополнительное образование нового типа можно организовать из обычного офиса. Это сильно облегчает организационно-административные возможности и создает большой потенциал для заключения массовых контрактов с потребителями образовательных услуг.

3. Снижение издержек на штат сотрудников. В классическом вузе, построенном на принципах аудиторно-контактной работы, высок процент издержек на образование. Онлайн-образование их существенно снижает: не нужен постоянный штат преподавателей, нет трат на аренду зданий и помещений, отсутствует необходимость оплачивать услуги охраны, ЖКХ, клининговых компаний, систематически делать ремонт и т.п. Остаются лишь те, кто вовлечен в непосредственный образовательный процесс. Это повышает рентабельность бизнеса, позволяя рассчитывать на высокие прибыли и устойчивый доход от коммерческой деятельности на рынке образовательных услуг.

Онлайн-обучение обеспечивает институту дополнительного образования безграничный потенциал для развития. И тем не менее имеются в этом формате свои трудности, которые особенно актуальны на этапе начальной стадии организации бизнеса. Здесь можно обратить внимание на два сюжета.

Во-первых, любое качественное образование нельзя выстроить без надлежащих информационных ресурсов и преподавательских кадров (Ковалев, Дятлов, Лацвеева, 2022). В первом случае имеются в виду онлайн-курсы и образовательные программы-симулякры. Для классического вуза это не проблема. У него есть свой собственный штат ППС, который готов обеспечить подготовку и проведение образовательного процесса. Государственное финансирование позволяет закупать все (или хотя бы частично) необходимые информационные ресурсы, включая программное обеспечение. По этой причине многие структуры, создаваемые в системе дополнительного образования, находятся в тесной связи с действующими университетами. Так, например, функционируют многочисленные МООСы (массовые открытые онлайн-курсы). Самостоятельный статус организации дополнительного образования предполагает или наличие большого стартового капитала для начала ведения бизнеса, или выстраивание автономной модели сотрудничества с университетами.

Во-вторых, нельзя не сказать и об уже ставшей пресловутой проблеме мотивации. У онлайн-обучения в этом плане не самая лучшая репутация (Лацвеева, 2022). Но надо заметить, что сформировалась она через опыт работы в цифровом формате именно государственных образовательных учреждений, которые были переведены на дистант в принудительном порядке. Не будем скрывать, что снижение мотивации присуще поточным моделям онлайн-обучения. Купировать эту проблему можно исключительно за счет набора высокомотивированных слушателей и предоставления им качественного образовательного контента.

Третий фактор: транспрофессионализация на рынке труда. Мы сейчас не будем останавливаться на разночтениях этого термина, сложившихся в тех или иных дискурсивных практиках, а сразу перейдем к тому, какая позиция разделяется нами относительно его интерпретации. Транспрофессионализм в данной работе понимается как возможность выйти за рамки узкопрофессиональных знаний и приобрести способность к коллективной или индивидуальной деятельности на стыке нескольких смежных по специфике реализации трудовых функций профессий (Транспрофессионализм..., 2019).

Считается, что транспрофессионализм стал новым этапом развития профессиональной структуры социума в постиндустриальном обществе (Бельграй, 2022). Если в индустриальном мире доминирующими были две группы профессий – высококвалифицированные работники и малоквалифицированный персонал, то на современном этапе развития основой профессиональной структуры выступают транспрофессиональные компетенции. Они позволяют выходить на новый уровень возможностей и обеспечивать обществу необходимый креативный потенциал для дальнейшего стимулирования прогресса.

Результаты

Отталкиваясь от означенных позиций, выдвинем следующий тезис: классическое образование строится на началах профессионального обучения и не закладывает транспрофессиональные компетенции. Частично в таком качестве могут рассматриваться универсальные компетенции, с которых обычно начинается обучение на первых двух курсах бакалавриата или специалитета, но они могут рассматриваться лишь как основание для развития транспрофессиональных компетенций, но отнюдь не сами компетенции, позволяющие работать на стыке нескольких профессий (Лазарева, 2022).

Из сказанного допустимо сделать вывод, что классическая школа несколько отстает от главных трендов современности. Следовательно, функции по развитию транспрофессиональных компетенций может взять на себя социальный институт дополнительного образования. Для этого у него есть все необходимые возможности. Он не стиснут жесткими образовательными стандартами, нацелен на работу по пожеланиям клиента, может перестраивать образовательный процесс в связи с новыми потребностями и запросами, корректировать допущенные упущения и исправлять совершенные ошибки, приглашать на вебинары и открытые лекции профессионалов из разных направлений деятельности и т.п. (Иванченко, 2022).

Здесь нужно также обратить внимание на разные целевые ориентиры профессионально-предметного и дополнительного образования. Первое ориентировано на формирование фундамента из знаний, умений и навыков; второе – на решение конкретных образовательных потребностей клиента, необходимых для выполнения строго определенного рода профессиональных задач. С этой точки зрения дополнительное образование формирует у обучающегося внутренне взаимосвязанный репертуар из разных профессиональных компетенций, позволяющих трудиться в режиме транспрофессиональности.

Заключение

Дополнительное образование в настоящее время переживает трансформационные процессы. Это вызвано переходом его социальной значимости в статус образования, равноценного получаемому в классических университетах. Данное положение обуславливается новым этапом социального развития, переходом на стадию информа-

ционного общества, в котором обновление полученных в высшей школе знаний, умений и навыков требуется на протяжении всей жизни, и значительно чаще и в большем объеме, чем это было в индустриальном или позднеиндустриальном обществе. Дополнительное образование становится не просто надстройкой на фундаменте полученного в высшей школе профессионального образования, оно обеспечивает возможность соответствовать актуальным требованиям на современном рынке труда. Мы уверены, что более глубокое изучение данной проблематики раскроет новые смыслы и перспективы, но даже означенные преимущества дополнительного образования позволяют при правильной организации дела позиционировать его как современный тип образования, способный вместить в себя все необходимые запросы общества.

Литература

- Бельграй, Н.В. (2022). Феномен транспрофессионализма в профессиональном образовании. *Вестник Луганского государственного педагогического образования. Сер. 1. Педагогические науки. Образование*, 90, 5–9.
- Гвоздева, Н.М. (2010). Система повышения квалификации партийных и советских служащих в СССР: исторический экскурс. *Вестник Поволжского института управления*, 3, 28–31.
- Дятлов, А.В., Ковалев, В.В., Асланов, Я.А. (2021). Методологический конструкт исследования менеджистских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института)*, 14(4), 23–35. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-4-23-35.
- Журавлева, И.А. (2021). Особенности развития дополнительного образования детей и взрослых в России. *Социология*, 1, 103–114.
- Иванченко, О.С. (2022). Воспроизводство молодых ученых как социально-профессиональной группы в современных российских реалиях. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 99–107. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.10.
- Ковалев, В.В., Дятлов, А.В., Лацвеева, А.В. (2022). Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения. *Наука. Культура. Общество*, 2, 57–69.
- Лазарева, Г.Ю. (2022). Профессиональная социализация студентов: опыт социального партнерства технических вузов Ростовской области. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 108–118. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.11.
- Лацвеева, А.В. (2022). Социальный портрет сторонника онлайн-обучения. *Caucasian Science Bridge*, 5(2), 60–68.
- Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности (2019). Э.Ф. Зеер, В.С. Третьякова (ред.). Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 143.

References

- Belgray, N.V. (2022). The phenomenon of transprofessionalism in vocational education. *Bulletin of the Lugansk State Pedagogical Education. Series 1. Pedagogical Sciences. Education*, 90, 5–9.
- Dyatlov, A.V., Kovalev, V.V., Aslanov, Ya.A. (2021). Methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal government. *Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)*, 14(4), 23–35. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-4-23-35.
- Gvozdev, N.M. (2010). The system of advanced training of party and Soviet employees in the USSR: a historical digression. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 3, 28–31.
- Ivanchenko, O.S. (2022). Reproduction of young scientists as a socio-professional group in modern Russian realities. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 99–107. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.10.
- Kovalev, V.V., Dyatlov, A.V., Latsveeva, A.V. (2022). The quality of higher education in Russia: cognitive resources of online learning. *The science. Culture. Society*, 2, 57–69.
- Latsveeva, A.V. (2022). Social portrait of a supporter of online learning. *Caucasian Science Bridge*, 5, 2, 60–68.
- Lazareva, G.Yu. (2022). Professional socialization of students: the experience of social partnership of technical universities of the Rostov region. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 108–118. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.11.
- Transprofessionalism of subjects of social and professional activity (2019). E.F. Zeer, V.S. Tretyakova (Ed.). Yekaterinburg: Publishing house of Russian State Vocational Pedagogical University, 143.
- Zhuravleva, I.A. (2021). Features of the development of additional education for children and adults in Russia. *Sociology*, 1, 103–114.

Дата получения рукописи: 30.06.2023

Дата окончания рецензирования: 05.08.2023

Дата принятия к публикации: 15.08.2023

Информация об авторе

Богданова Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, генеральный директор Социально ориентированной автономной некоммерческой организации «Первый консалтинговый институт социального развития», г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Bogdanova Oksana Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, General Director, Socially oriented autonomous non-profit organization “First consulting institute for social development”, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: oksanavelo9@bk.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.344.34:373

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.3

EDN NMPWER

**Образовательные потребности старшекласников
как индикатор готовности к онлайн-обучению****Диана Н. Чилингарова¹**¹ МАОУ школа № 22, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: diana5554777@rambler.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется готовность старшекласников к учебной деятельности в условиях онлайн-обучения. Индикатором проверки выступают образовательные потребности. Обзор научной литературы позволил прийти к выводу, что наличие развитых и хорошо отрефлексированных образовательных потребностей является одним из важнейших условий, обеспечивающих возможность перехода средней общеобразовательной школы на онлайн-обучение. Цель статьи: выявить у старшекласников уровень развития образовательных потребностей.

Методы. Методологическую базу исследования составили два теоретических подхода: общенаучная модель социального исследования, разработанная А.В. Лубским (идея методологического конструкта и деление научного поиска на логически завершённые фрагменты), и концепция молодежи Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, в основе которой лежит представление о молодежи как о социальной группе с неустойчивой, лабильной системой потребностей. Эмпирическая база исследования формировалась на основе массового социологического опроса, проведенного в январе–феврале 2022 г. В исследовании приняло участие 860 старшекласников, 1246 родителей и 636 учителей, проживающих в Ростове-на-Дону.

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что уровень развития образовательных потребностей старшекласников не позволяет перевести среднюю школу на онлайн-обучение, так как высока вероятность снижения качества и интенсивности учебной деятельности. Представления сторонников онлайн-образования об обучающихся старших классов как высокомотивированных школьниках, четко понимающих, зачем они учатся, и имеющих ясные цели по предмету обучения, выглядят несколько надуманными. Но также нельзя не принимать во внимание тот факт, что среди старшекласников, очевидно, должна быть определенная часть обучающихся, интеллектуально и социально готовых к полному переходу на цифровой формат обучения. И искать их необходимо главным образом в группе наиболее мотивированных к учебной деятельности.

Ключевые слова: потребности; старшекласники; художественная литература; научная литература; онлайн-обучение; учебная деятельность; интеллектуальная готовность.

Для цитирования: Чилингарова Д.Н. (2023). Образовательные потребности старшекласников как индикатор готовности к онлайн-обучению. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 31–39. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.3>

**Educational needs of high school students as an indicator
of readiness for online learning****Diana N. Chilingarova¹**¹School №22, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: diana5554777@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes high school students' readiness for learning activities in the conditions of online learning. The indicator of verification is educational needs. The review of scientific literature has led to the conclusion that the presence of developed and well-reflected educational needs is one of the most important conditions for the transition of high school to online learning. The aim of the article: to identify the level of development of educational needs in high school students.

Methods. Two theoretical approaches formed the methodological basis of the research: general scientific model of social research developed by A.V. Lubsky (the idea of methodological construct and division of

scientific search into logically complete fragments), and the concept of youth by Yu.A. Zubok and V.I. Chuprov, based on the idea of youth as a social group with unstable, labile system of needs. The empirical basis of the research was formed on the basis of mass public opinion poll, which was conducted in January–February, 2022. The research involved 860 high school students, 1246 parents and 636 teachers living in Rostov-on-Don. **The results and its discussion.** As a result of the study we came to the conclusion that the level of development of educational needs of high school students does not allow transferring high schools to online learning, because there is a high probability of reducing the quality and intensity of learning activities. The assumptions of supporters of online education about high school students as highly motivated students who clearly understand why they study and have clear goals in the subject of education look a bit far-fetched. But we also cannot ignore the fact that among high school students there must obviously be a certain part of students who are intellectually and socially ready for a full transition to digital learning. And look for it, mainly, in the group of the most motivated to learning activities.

Keywords: needs; high school students; fiction; scientific literature; online learning; learning activities; intellectual readiness.

For citation: Chilingarova, D.N. (2023). Educational needs of high school students as an indicator of readiness for online learning. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 31–39. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.3>

Введение

В настоящее время в актуальной повестке научного и общественного дискурса находится обсуждение возможности перевода средней школы на онлайн-обучение. Сейчас, после преодоления последствий, связанных с пандемией COVID-19, градус споров несколько снизился, но окончательного решения о судьбе цифровизации средней школы не последовало. Общеобразовательные средние школы работают в обычном режиме, как во времена, предшествовавшие самоизоляции и социальному дистанцированию. Однако это вовсе не означает, что проблема утратила свою актуальность. Вопросы о переводе школы в онлайн-режим поднимались и до объявления пандемии в марте 2020 г. И дело не только в пресловутых проектах Германа Грефа, которые он начал реализовывать через Сбербанк еще в 2016 г., планируя постепенный перевод всех школьников на разработанные в его корпорации онлайн-платформы. В этот процесс активно включилось само Министерство просвещения, определяя индикаторы оценки эффективности работы средней школы через степень распространенности онлайн-обучения (Приказ Министерства, 2019). В настоящий момент лоббисты цифрового образования лишь затаились, взяв паузу из-за крайне отрицательной реакции общественности, озвученной в период насильственного перевода всей образовательной системы в режим дистанционного образования. Также не приносит популярности онлайн-обучению современное противостояние с коллективным Западом, откуда идеи цифровизации образования, как многие не без основания убеждены, экспортируются. Но не стоит сомневаться, что появление более благоприятных условий для онлайнизации неизбежно воскресит старые споры об уместности этого формата в общеобразовательной школе.

Цель нашей статьи находится несколько на обочине прямых столкновений между сторонниками и противниками онлайн-обучения, но имеет с указанной полемикой опосредованную связь. Нам важно понять, имеется ли у старшеклассников интеллектуальная готовность к учебной деятельности в цифровой среде. Для измерения данной готовности мы используем в качестве индикатора характеристики их образовательных потребностей.

Методы

Теоретическая концепция статьи выстроена на основе методологических подходов, разработанных А.В. Лубским (Лубский, 2017). Центральной категорией его методологических построений выступает понятие «методологический конструкт».

Ученый дает ему следующее определение: это методологический конструкт мультидисциплинарного социологического исследования представляет собой когнитивную модель рационально-проектного содержания, задающую его предметное поле, стратегию, способы и методы решения научно-исследовательских задач (Патриотизм..., 2018). Из определенных параметров методологического конструкта у нас представлены методология, результаты операционализации базовых понятий, предмет исследования, эмпирические методы.

Наиболее продуктивным для решения задач нашего исследования считаем подход, выработанный в процессе совместной научной работы Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым (Зубок, Чупров, 2020). Авторы называют его полипарадигмальным, объединяющим наиболее интересные результаты, достигнутые в предшествующей научной традиции по изучению молодежи, и основанным на нескольких методологических платформах. В заслугу социологам можно поставить интеграцию базовых признаков, на основе которых конструируются современные определения молодежи. «Многообразие этих признаков определяет сложную внутреннюю структуру молодежи, ее дифференциацию и различия, в которых раскрываются ее сущностные свойства. Таковыми являются переходность социального статуса, лабильность, экстремальность, трангрессивность сознания, нарастающая глобализированность и новые формы стандартизации» (Зубок, Чупров, 2017, 16). Молодежь характеризуется социальной неустойчивостью, переменой интересов, подвижным перемещением ценностных акцентуаций в иерархии собственных потребностей. Личностные свойства данной возрастной группы чрезвычайно мобильны, и это неизбежно сказывается на свойствах социальных интеракций молодых людей. Молодежи трудно фиксировать интерес на чем-то одном, ей требуется смена впечатлений, постоянное ощущение новизны. Этой группе свойственно стремление к двигательной активности, что вступает в конкуренцию с учебной деятельностью, которая предполагает необходимость хотя бы временного покоя и сосредоточенности.

Предметом исследования выступают образовательные потребности старшеклассников, которые изучаются с целью понять, соответствуют ли они требованиям учебной деятельности в условиях онлайн-обучения.

Эмпирическая база исследования формировалась на основе массового социологического опроса, проведенного в январе–феврале 2022 г. Опрос проводился на платформе Google Forms с последующей конвертацией в программу SPSS 22. В исследовании приняло участие 860 старшеклассников, 1246 родителей и 636 учителей, проживающих в Ростове-на-Дону.

Результаты

Для установления характера познавательной активности старшеклассников нами определена задача выяснить: имеются ли у обучающихся интеллектуальные и социальные возможности к учебной деятельности в условиях онлайн-обучения без снижения качества и интенсивности учебной работы. У нас есть гипотеза: не готовы; и антигипотеза, в соответствии с которой старшеклассники по своему интеллектуальному и социальному развитию вполне способны эффективно обучаться на онлайн-уроках. Теперь нам следует выявить распределение полученных данных в пользу гипотезы и антигипотезы.

В процессе опроса установлено, что чуть более половины опрошенных (66,6%) явно выражают свои намерения перейти в дистанционный формат. Однако это еще не означает, что в результате цифрового обучения будут достигнуты цели, поставленные перед школьниками старших классов. Нужно понять, имеются ли у них для

этого интеллектуальные и социальные возможности. Даже простейшие сопряжения переменных, которые были сделаны по таким индикаторам, как «Снижалась ли у вас интенсивность учебной деятельности в условиях онлайн-обучения?», «Заметили ли вы у себя снижение мотивации к обучению при переходе на дистант?», «Как часто вы занимались посторонними делами во время дистанционных уроков?», показали, что не менее 25% старшеклассников выбирают онлайн-модель лишь для того, чтобы выйти из-под контроля учителя и снизить свою образовательную активность. Готовы ли оставшиеся 25–30% заявивших о желании учиться онлайн демонстрировать учебные достижения по меньшей мере не хуже, чем в традиционном аудиторно-контактном образовании? На этот вопрос нам и предстоит ответить в данной статье.

Сторонники онлайн-обучения высказывают мнение, что чем больше старшеклассник проявляет познавательную активность, тем в большей степени он готов к обучению (Лацвеева, 2022; Соловьева, Семенова, 2020). Мы можем это проверить, одновременно выяснив, какой процент обучающихся читает художественную литературу и интересуется наукой. Для этого сделаем обычное частотное измерение и одновременно выполним сопряжение с вопросом, позволяющим нам понять отношение респондентов к онлайн-обучению. Воспользуемся в этих целях двумя переменными: «Читаете ли вы художественную литературу?» и «Читаете ли вы научную литературу?».

Среднее частотное измерение по вопросу по обоим переменным дано в скобках. В табл. 1 можно увидеть по крайней мере два любопытных момента. Гипотеза сторонников онлайн-обучения отчасти подтвердилась. Рассмотрим результаты по позиции «Это одно из моих любимых увлечений». Именно способных к самостоятельной интеллектуальной работе сторонники онлайн-обучения ориентируют на учебу в цифровом формате. И надо заметить, в этой группе 64,2% респондентов выбрали вариант ответа «Оно содержит больше возможностей для обучения, чем учеба в школе». Это примерно в полтора раза чаще, чем по среднечастотным позициям (64,2% > 46%). А вот активных противников онлайн-образования («Это просто дань моде, время учиться онлайн еще не наступило») среди любителей художественной литературы оказалось меньше, чем по средним частотам (17,6% < 27,7%). Значит ли это, что по уровню развития потребностей старшеклассники готовы к переходу на онлайн? Нет, не значит. Группа активно читающих самая немногочисленная. Всего 20,9%. И на массиве всей выборки 64,2% – это всего лишь 13,4%. Еще более критичными показали себя родители. Только 10,8% опрошенных посчитали, что у их детей чтение входит в систему приоритетных потребностей. Поскольку по принятой технологии опрашивались родители опрашиваемых старшеклассников, то разницу в полученном результате можно объяснить разностью представлений об активности чтения, сложившуюся между двумя поколениями.

Сделаем еще одно проверочное измерение, воспользовавшись сопряжением по другой переменной (табл. 2).

Данное сопряжение выбрано для того, чтобы дополнительно проверить достоверность зависимостей, выявленных в табл. 1. Они подтвердились примерно в тех же пропорциях. В самом деле, в группе читающих художественную литературу оказалось больше, чем в сравниваемой переменной, старшеклассников, способных решать больший объем учебных задач в условиях онлайн-обучения. Это хорошо видно по первой строчной записи в табл. 2. Во второй строчной записи, где зафиксировано уменьшение объема решаемых учебных задач, разница несущественная, так как весь отток респондентов произошел на вариант «Затрудняюсь ответить».

Далее перейдем к сопряжению результатов по второй переменной – «Читаете ли Вы научную литературу?» (табл. 3).

Таблица 1

Сопряжение ответов на вопросы: «Читаете ли вы художественную литературу?» и «Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?», %

Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?	Читаете ли вы художественную литературу?		
	Это одно из моих любимых увлечений (20,9)	Читаю, но не часто (52,1)	Краткое изложение в интернете для уроков литературы (27,0)
Оно содержит больше возможностей для обучения, чем учеба в школе (46,0)	64,2	44,5	33,8
Потому что классно-аудиторная система обучения устарела (18,3)	19,3	16,9	19,8
Оно более удобное (38,7)	33,5	42,4	36,0
Это просто дань моде, время учиться онлайн еще не наступило (27,7)	17,6	27,9	35,6

Таблица 2

Сопряжение ответов на вопросы: «Читаете ли вы художественную литературу?» и «Снижалась ли у вас интенсивность учебной деятельности в условиях онлайн-обучения?», %

Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?	Читаете ли вы художественную литературу?		
	Это одно из моих любимых увлечений (20,9)	Читаю, но не часто (52,1)	Краткое изложение в интернете для уроков литературы (27,0)
Я решал(а) больше учебных задач, потому что мне интереснее и удобнее учиться дистанционно (32,2)	48,3	28,4	27,6
Я решал(а) меньший объем учебных задач из-за переутомления, снижения контроля со стороны учителя и потери возможности вовремя получать разъяснения учителя (30,9)	27,0	30,7	32,9
Затрудняюсь ответить (36,9)	24,7	40,9	39,5

Таблица 3

Сопряжение ответов на вопросы: «Читаете ли вы научную литературу?» и «Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?», %

Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?	Читаете ли вы научную литературу?		
	Да, для общего развития (34,6)	Да, чтобы успешно сдать ЕГЭ (34,8)	Наукой не интересуюсь (42,1)
Оно содержит больше возможностей для обучения, чем учеба в школе (46,0)	54,6	45,5	43,2
Потому что классно-аудиторная система обучения устарела (18,3)	19,4	21,7	18,6
Оно более удобное (38,7)	36,6	42,7	42,0
Это просто дань моде, время учиться онлайн еще не наступило (27,7)	24,6	26,6	30,2

По критерию «Читаете ли вы научную литературу?» никаких мало-мальски значимых результатов обнаружить не удалось. Виден относительно небольшой рост в группе читающих для общего развития (54,6% > 46,0%), но его нельзя признать значимым. Следовательно, каких-то существенных различий в интеллектуальном развитии между интересующимися наукой старшеклассниками и индифферентными к ней в сопряжении с отношением к онлайн-обучению не выявлено. Хотя небольшое смещение в рамках тех же позиций, что и в табл. 1, 2, увидеть можно. Сопряжения, проведенное по вопросу «Снижалась ли у вас интенсивность учебной деятельности в условиях онлайн-обучения?», показало еще менее значимые результаты, чем представленные в табл. 3. По данному вопросу мнение родителей с небольшими расхождениями совпало с позицией их детей, что подтверждает достоверность полученных результатов.

Сторонники онлайн-образования утверждают, что уровень развития познавательной активности старшеклассников обеспечивает все необходимые возможности для перехода на цифровую модель обучения, так как учащиеся старших классов в качестве приоритетной потребности начинают воспринимать именно учебную деятельность, а не общение со сверстниками (Гречушкина, 2022). Чтобы проверить эту гипотезу, соответствующий вопрос был задан школьникам, учителям и родителям (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Что для вас (большинства старшеклассников, вашего ребенка) более приоритетно?», %**

Заданные значения	Ответы		
	старшеклассники	учителя	родители
Учебная деятельность	18,0	5,4	7,2
Общение со сверстниками	19,4	20,0	14,6
Одинаково важно и то и другое	62,6	69,4	67,9
Затрудняюсь ответить	0,0	5,2	10,3

Приоритеты получились достаточно четко выраженными: подавляющему большинству старшеклассников одинаково важно и то и другое. А по такой амбивалентной группе делать какие-то категоричные выводы бессмысленно. Не внесли ясность и сопряжения по использованным ранее индикаторам. Значимых распределений и здесь не обнаружено. Иными словами, те старшеклассники, которые выбрали в качестве приоритетного вариант ответа «Учебная деятельность», не проявляли к нему большего интереса, чем те, для которых приоритетным было общение со сверстниками.

Воспользуемся еще одной позицией, которая позволит нам дать интерпретацию потребностей старшеклассников в контексте установления их готовности к учебной деятельности в условиях онлайн-обучения (табл. 5, 6).

Данные в табл. 5 частично подтверждают гипотезу сторонников онлайн-обучения, утверждающих, что степень готовности старшеклассников к онлайн-обучению прямо пропорциональна степени их познавательной активности. Старшеклассники в группе «Учусь на отлично» примерно в полтора раза чаще (65,3% > 46,0%) подтверждали, что онлайн-обучение содержит больше возможностей для образования, чем учеба в школе. Однако частичное подтверждение происходит потому, что эта зависимость видна лишь на крайне малой группе, всего 7,4% от общей выборки. В оставшейся части значимых зависимостей в пользу онлайн-обучения не обнаруживается.

Таблица 5

**Сопряжение ответов на вопросы: «Какова ваша успеваемость в школе?»
и «Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?», %**

Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?	Какова ваша успеваемость в школе?			
	Учусь на «отлично» (11,7)	Учусь на «хорошо» и «отлично» (42,3)	Учусь на «хорошо» и «удовлетворительно» (34,5)	В основном «удовлетворительно» (11,5)
Оно содержит больше возможностей для обучения, чем учеба в школе (46,0)	65,3	49,6	40,1	31,5
Потому что классно-аудиторная система обучения устарела (18,3)	20,4	19,4	15,8	19,6
Оно более удобное (38,7)	30,6	41,0	39,4	37,0
Это просто дань моде, время учиться онлайн еще не наступило (27,7)	22,4	23,9	32,4	31,5

Таблица 6

**Сопряжение ответов на вопросы: «Какова ваша успеваемость в школе?»
и «Снижалась ли у вас интенсивность учебной деятельности в условиях онлайн-обучения?», %**

Почему онлайн-обучение иногда называют современным образованием?	Какова ваша успеваемость в школе?			
	Учусь на «отлично» (11,7)	Учусь на «хорошо» и «отлично» (42,3)	Учусь на «хорошо» и «удовлетворительно» (34,5)	В основном «удовлетворительно» (11,5)
Я решал(а) больше учебных задач, потому что мне интереснее и удобнее учиться дистанционно (32,2)	53,1	32,0	28,9	21,9
Я решал(а) меньший объем учебных задач из-за переутомления, снижения контроля со стороны учителя и потери возможности вовремя получать разъяснения учителя (30,9)	28,6	30,6	32,0	29,2
Затрудняюсь ответить (36,9)	18,3	37,4	39,1	49,0

В табл. 6 выявлены те же закономерности, что и в табл. 5. Четко видна связь между учебой на «отлично» и решением большего объема учебных задач в условиях онлайн-обучения. Также в пользу сторонников онлайн-обучения говорит то, что отличники реже, чем три остальные группы старшеклассников, затруднялись в ответе на вопрос о своей способности оценивать объем решения учебных задач в условиях онлайн-обучения. Однако еще раз вернемся к тому, что эта группа малочисленна и, следовательно, не может быть взята за основу в принятии решения о переводе средних школ на онлайн-формат как наиболее эффективный. Тем более что даже не все обучающиеся на «отлично» выразили намерение полностью уйти на цифровую модель обучения.

Заключение

Сделаем общие умозаключения. Представления сторонников онлайн-образования об обучающихся старших классов как о высокомотивированных школьниках, четко понимающих, зачем они учатся, и имеющих ясные цели по предмету обучения, выглядят несколько надуманными. Это отражается и во мнениях учителей и родителей, которые в данной ситуации выступают в роли экспертов и уж наверняка разбираются в образовательных потребностях старшеклассников лучше лоббистов онлайн-обучения. Но также нельзя не принимать во внимание тот факт, что среди старшеклассников, очевидно, должна быть определенная часть обучающихся, интеллектуально и социально готовых к полному переходу на цифровой формат обучения. И искать их необходимо главным образом в группе наиболее мотивированных к учебной деятельности. Точные масштабы этой группы, особенно на этой стадии исследования, мы вряд ли сможем установить, но наметить некоторые контуры вполне в наших возможностях. Для этого необходимо обратиться к иным компонентам социальности старшеклассников, которые помогут нам установить их совместимость с требованиями и условиями, необходимыми для успешного обучения в цифровом формате.

Литература

- Гречушкина, Н.В. (2022). Цифровые навыки старшеклассника и его готовность к самостоятельной познавательной деятельности. *Педагогические науки*, 3, 68–73.
- Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. (2020). Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 304.
- Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. (2017). Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы. *Россия реформирующаяся*, 15, 4–21.
- Лацвеева, А.В. (2022). Социальный портрет сторонника онлайн-обучения. *Caucasian Science Bridge*, 5(2), 60–68.
- Лубский А.В. (2017). Методология социального исследования. М.: ИНФРА-М, 154.
- Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России (2018). Волков Ю.Г. (ред.). Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 410.
- Соловьева, М.В., Семенова, Е.С. (2020). К вопросу о развитии грамматических навыков у школьников на среднем этапе обучения с использованием технологий Веб 2.0. В Актуальные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков. Сборник научных статей. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева.
- Приказ Министерства просвещения РФ от 17 апреля 2019 г. № 179 «Об утверждении методик расчета целевых показателей федеральных проектов национального проекта «Образование» (2019). Режим доступа: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minprosvescheniya-Rossii-ot-17.04.2019-N-179>.

References

- Grechushkina, N.V. (2022). High school student's digital skills and his readiness for independent cognitive activity. *Pedagogical Sciences*, 3, 68–73.
- Latsveeva, A.V. (2022). Social portrait of a supporter of online learning. *Caucasian Science Bridge*, 5 (2), 60–68.
- Lubsky, A.V. (2017). Methodology of social research. Moscow: INFRA-M, 154.
- Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia (2018). Volkov Yu.G. (Ed.). Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education, 410.
- Solovieva, M.V., Semenova, E.S. (2020). On the development of grammatical skills in secondary school students using Web 2.0. In Actual problems of linguodidactics and methodology of teaching foreign languages. Collection of scientific articles. Cheboksary: I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University.
- Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2017). Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches. *Russia Reforming*, 15, 4–21.
- Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2020). Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow: Norma, 304.
- Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated April 17, 2019 No. 179 "On approval of methods for calculating the target indicators of federal projects of the national project "Education" (2019). Available at: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minprosvescheniya-Rossii-ot-17.04.2019-N-179>.

Дата получения рукописи: 17.07.2023

Дата окончания рецензирования: 15.08.2023

Дата принятия к публикации: 25.08.2023

Информация об авторе

Чилингарова Диана Нораировна – заместитель директора по учебно-воспитательной работе МАОУ школа № 22, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: diana5554777@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Chilingarova Diana Norairovna – Deputy Director for Educational Work, School № 22, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: diana5554777@rambler.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.344.34

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.4

EDN PFKQPR

Магистратура в зеркале реформы российского высшего образования**Виталий В. Ковалев¹,**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования проистекает от наличия большого количества проблем, связанных со статусом магистратуры в системе высшего образования России. Магистратура по действующей образовательной модели является, с одной стороны, логичным продолжением бакалавриата, с другой – ступенькой, предшествующей поступлению в аспирантуру. Однако в реальных образовательных практиках оба аспекта ее статуса проявляются формально, теряя связь с бакалавриатом и не приобретая с аспирантской подготовкой. Цель работы состоит в том, чтобы определить перспективы сохранения магистратуры как ступени высшего образования по итогам нового витка реформ высшей школы.

Методы. Статья имеет преимущественно прикладной характер и написана на основе анализа нормативных документов, регулирующих формальные условия функционирования магистратуры как образовательной ступени.

Результаты и их обсуждение. Автор пришел к выводу, что сохранение магистратуры в том виде, в котором она существует сейчас, – нецелесообразно. В реальных образовательных практиках она является не столько жизненно необходимой ступенью образования, сколько придатком к бакалавриату, имея функции не образовательного, а административно-управленческого характера. Ее ценность состоит исключительно в возможности расширения контингента обучающихся, что участниками образовательного процесса признается значимым лишь в контексте увеличения объема финансирования высшего образования. Подобное обусловлено инвазивностью концепции реформы образования, результатом которой стало появление магистратуры. Переход (или возвращение) к национальной системе образования актуализирует вопрос о полном ее упразднении в системе высшего образования России.

Ключевые слова: магистратура; болонский процесс; реформа; высшее образование; аспирантура; бакалавриат; система образования; реформа магистратуры.

Для цитирования: Ковалев В.В. (2023). Магистратура в зеркале реформы российского высшего образования. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 40–46. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.4>

Magistracy in the Mirror of the Russian Higher Education Reform**Vitaliy V. Kovalev¹,**¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic stems from the presence of a large number of problems associated with the status of master's degree in the system of higher education in Russia. Master's degree, according to the current educational model, is, on the one hand, a logical continuation of Bachelor's degree, and, on the other hand, a stepping stone to postgraduate education. However, in actual educational practices, both aspects of its status manifest themselves formally, losing their connection with the undergraduate degree and not acquiring it with postgraduate training. The aim of the paper is to determine the prospects of preserving the master's degree as a level of higher education after a new round of higher school reforms.

Methods. The article has predominantly applied nature and is written on the basis of analysis of regulatory documents, regulating formal conditions of Master's degree as an educational level.

Results and their discussion. The author came to the conclusion that the preservation of master's degree in the form in which it exists now – is inappropriate. In real educational practices it is not so much a vital level of education, as an appendage to the Bachelor's degree, having not educational, but administrative and managerial functions. Its value lies solely in the possibility of expanding the number of students, which is recognized by

the participants of the educational process only in the context of increasing funding for higher education. This stems from the invasiveness of the concept of education reform, which resulted in the emergence of the master's degree. The transition (or return) to the national system of education actualizes the question of its complete abolition from the system of higher education in Russia.

Keywords: master's degree; Bologna process; reform; higher education; graduate school; baccalaureate; education system; master's degree reform.

For citation: Kovalev V.V. (2023). Magistracy in the mirror of the reform of Russian higher education. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 40–46. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.4>

Введение

Актуальность темы исследования проистекает от наличия большого количества проблем, связанных со статусом российской магистратуры. Первый вопрос, который возникает при первичной оценке этого образовательного звена, состоит в определении его необходимости. Магистратура с самого начала своего появления в отечественной высшей школе вызывала множество вопросов. Она изначально выглядела неким случайным образованием, плохо обоснованным институционально и структурно избыточным с точки зрения принципа системности. Однако еще больше сомнений в значимости этой ступени образования стало возникать по итогам состоявшегося выхода России из Болонской системы. Термины «бакалавриат» и «магистратура» появились в жесткой привязке к западной образовательной традиции. В российской модели высшего образования они ранее не встречались. Само их возникновение стало не просто сменой вывески, а попыткой встроиться в западное образовательное пространство, стать его органической частью. Переход на обучение в магистратуре и бакалавриате осуществлялся одновременно с трансформацией иных аспектов высшего образования, выступая частью тщательно продуманной стратегии преобразований. Следовательно, анонсированная Президентом России новая реформа высшей школы (Указ Президента, 2023), по которой бакалавриат заменяется на базовое высшее образование, а магистратура – на специализированное высшее образование, – это лишь начало длительного процесса глубокой перестройки всех нормативных правил и адаптации к ним академического сообщества. По всей видимости, впереди нас ожидают новые масштабные реформы, которые продлятся не один год.

В свете сказанного цель исследования представляется возможным сформулировать следующим образом: определить перспективы сохранения магистратуры как ступени высшего образования по итогам нового витка реформ высшей школы.

Результаты

Недостатки действующей модели магистратуры в высшей школе России. В соответствии с пп. 3 п. 5 ст. 10 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон, 2012) магистратура относится ко второй ступени высшего профессионального образования. Если ориентироваться и далее на законодательные дефиниции, прежде всего с точки зрения перспектив, предоставляемых статусом магистерского диплома, то смысловые ориентации магистратуры закладывались инициаторами реформы с целью расширения возможностей в сфере обучения в аспирантуре. Второй целевой вектор магистерской подготовки ориентирован на углубление и совершенствование навыков профессиональной специализации.

Иными словами, можно сказать, что магистратура создавалась как промежуточный мостик в системе высшего образования между бакалавриатом и аспирантурой, а также как принципиально новая образовательная ступень, обеспечивающая более дифференцированные и, очевидно, значимые знания, умения, навыки в области профессиональной социализации.

Рассмотрим, насколько эти декларированные цели реализовались в социальных практиках российского высшего образования.

По прошествии десятилетия с начала реализации этих замыслов можно сказать, что ни одна из этих двух целей в полной мере не оказалась достигнутой.

Не совсем понятно, какие функции выполняет магистерское обучение в контексте подготовки кадрового резерва для высшей школы. Учебные планы, реализуемые в магистерских программах, никак не связаны с учебными планами аспирантуры. Обучение в магистратуре едва ли может содействовать тому, чтобы выводить обучающегося на новый уровень компетенций, имманентно присущих профилю научной деятельности. После изменения статуса аспирантуры, когда она перестала быть третьим уровнем профессиональной подготовки, было логичным изменить и магистерские программы, приблизив их содержательно к тем программам аспирантской подготовки, которые имеются в структурных подразделениях. Однако ничего подобного сделано не было. Магистратура по-прежнему отделена от аспирантуры, сохраняя в большей степени свою содержательную связь с бакалаврскими программами. Это верно не только в свете схожих по содержанию с бакалавриатом учебных курсов, но и по самой направленности образования. С определенного момента из учебных планов был убран термин «магистерская диссертация», который в первоначальных замыслах статуса магистратуры должен был приблизить ее к сфере научной деятельности и найти точки соприкосновения с учебной деятельностью в аспирантуре. Отчетный проект магистранта в итоге получил такое же название, как и у бакалавра, – выпускная квалификационная работа (ВКР), что резко понизило уровень восприятия магистратуры в контексте ее исходной целевой природы быть переходным этапом подготовки к обучению в аспирантуре.

В целом можно отметить, что к настоящему моменту магистратура является логическим продолжением бакалавриата, сохраняя с ним связь по форме и содержанию. Следовательно, можно было бы предположить, что основная цель магистратуры состоит в повышении качества профессиональной подготовки специалиста. То есть по преимуществу ориентирована на вторую цель – профессиональную социализацию в предметных рамках, заданных бакалавриатом. Между тем эта цель, так же как и предыдущая, в значительной степени достигается формально. На уровне обывательских представлений трудно понять, зачем студенту получать два диплома, если и один из них дает возможность трудоустройства по профессии. Чтобы преодолеть эти негативные установки, на уровне слухов распространялись внеинституциональные представления о якобы неполноценности бакалаврского образования. И подобного рода действия нередко инициировались самими же преподавателями, ориентированными на заполнение бюджетных вакансий в магистратуру. Однако с точки зрения сложившихся нормативных правил они не находили своего подкрепления. Исключение составляли лишь некоторые профессии, где совершенно искусственным образом принимались институциональные ограничения в виде запретов занимать определенные должности без магистерского образования (Ребрин, Шолина, Жилин, 2019).

Широкого распространения такие практики не получили, кроме, пожалуй, сферы юриспруденции и управления, и, таким образом, вопрос о смысле магистратуры до сих пор остается открытым.

В качестве примера можем сослаться на нормативные предписания, принятые для регулирования вступления в должность прокурора. В соответствии с п. 1 ст. 40.1 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 09.01.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» «прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие по имеющим государственную аккредитацию образовательным про-

граммам высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция», или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»» (Закон, 1992).

Содержательно обучение в магистратуре отчасти дублирует бакалавриат, но в какой-то мере основывается и на некотором углублении уже полученных знаний (Ломакина, Идрисова, 2019). Приоритет, пожалуй, остается за первой тенденцией. Эта двойственность отражает противоречивый характер самой магистратуры. С одной стороны, она является второй образовательной ступенью. Следовательно, уровень профессионального обучения в ней должен быть заметно выше, чем в бакалавриате. Однако если это и так, то лишь частично. Тому, чтобы более значимый характер имела вторая тенденция, т.е. способность магистратуры обеспечивать более глубокий уровень профессионального образования, препятствует ряд ее институциональных особенностей. Одна из них заключается в частичном противоречии собственному же статусу второго уровня профессионального образования. Дело в том, что право учиться по магистерским программам имеют не только выпускники профильного бакалавриата, но даже те, кто обучался по другим укрупненным направлениям подготовки. Иными словами, бакалавр-геолог может учиться на магистра-юриста. При этом может складываться любопытная ситуация, свидетельствующая о том, что в реальных образовательных практиках статус магистратуры является более низким, чем статус бакалавриата. Еще раз сошлемся на цитированную нами ст. 40.1 Закона о прокуратуре. В ней право работать прокурором может получить лишь тот выпускник магистратуры, который имеет бакалаврский диплом по направлению «Юриспруденция».

Неопределенность статуса магистратуры объективно ведет к перемешиванию в магистерских группах выпускников разных направлений, часть из которых хорошо знает содержание магистерских учебных планов, и для них происходит возвращение к уже освоенному, а другая часть начинает свое образование с азов овладения профессией (Кривошеев, 2021). При таких обстоятельствах преподаватели не знают, на чем ставить свои акценты: на подтягивании отстающих или огранке профессионализма ушедших далеко вперед.

Президентский проект реформы магистратуры. Не будет преувеличением сказать, что основные акторы российской высшей школы так и не поняли, для решения каких задач была создана магистратура. Поэтому ни у кого не вызвал удивления Указ Президента России от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования», в котором термин «магистратура» в пилотном проекте реформирования высшего образования теряет свою семантическую связь с бакалавриатом. Реформа эта была ожидаемой.

Один из главных вопросов, который сейчас задает себе академическая общественность в контексте поднятого аспекта: действительно ли мы имеем дело с фундаментальной трансформацией системы высшего образования или только с заменой уже устоявшихся понятий? Основанием тому стал пп. «а» п. 2 Указа, согласно которому бакалавриат заменяется на базовое высшее образование, а магистратура становится составной частью специализированного высшего образования. Споры возникли в связи с тем, что в Указе отсутствует концепция реформы, какое-либо ее внятное обоснование. Между тем даже критикуемая действующая модель концептуально проработана. Существующая на данном этапе многоуровневая система высшего образования отталкивается от особого отношения к профессии в новой социальной реальности. Бакалавриат позиционируется как образовательная ступень, на которой обучающиеся приобретают не столько профессию, сколько предзаданный

ФГОСами уровень компетенций, необходимый для последующей профессиональной социализации в течение всей своей жизни, в том числе на этапе магистратуры. Данное понимание строится на мобильности рынка труда и профессий, изменчивости требований к профессиональным учениям, необходимости постоянно доучиваться и переучиваться. Поэтому в дипломах выпускников перестали писать профессию, заменив ее указанием направления образовательной подготовки. Подпоркой этому стал компетентностный подход, который, как считается, может служить источником, обеспечивающим обучающимся ориентир для самостоятельной проверки своей профессиональной подготовленности. Магистратура в этой системе была не чем иным, как институционализированной ступенью для повышения профессиональной компетентности.

В этом контексте нетрудно понять, что магистратура и бакалавриат – это не просто дань вступлению в болонский процесс. За ними стоит определенное понимание статуса высшего образования в мобильной, постоянно изменяющейся профессиональной среде, к которой выпускник должен уметь приспосабливаться через развитие навыков самообразования. Поэтому отказ от бакалавриата и прежнего статуса магистратуры не может быть осуществлен через простую рокировку терминов. Требуется более фундаментальное обоснование.

Чтобы осмыслить место магистратуры в новой системе высшего образования, необходимо понять, какие задачи решает базовое высшее образование. По пилотному проекту, инициированному на период с 2023 по 2026 г., длительность обучения составляет четыре-шесть лет. То есть оно вмещает в себя сроки, которые в действующей образовательной модели отводятся на обучение в бакалавриате (четыре года), очном специалитете (пять лет) и заочном специалитете (шесть лет). Есть вероятность, что на местах, в шести попавших в выборку вузах, отталкиваясь от принятых учебных планов, просто поменяют название на строке, где прописывается образовательная ступень. С учетом дефицита времени, в котором оказались попавшие в экспериментальную выборку вузы, так, скорее всего, и произойдет. Сработает элементарная нацеленность на минимизацию ресурсов. Кроме того, академическая общественность еще не вполне адаптировалась к менеджеристским реформам в системе образования и не совсем оправилась от них, пережив настоящий шок из-за реформ последних двух десятилетий. Поэтому любые образовательные инновации воспринимаются с недоверием, в лучшем случае как проект, имеющий нулевую вредность и примерно такую же полезность. Следовательно, «нормальной» реакцией может стать формальный подход к инициативе Президента. На этом реформа может и завершиться, включая попытки понять место магистерской подготовки в многоступенчатой системе высшего образования.

Такой вероятности следует избежать. Однако это будет невозможно сделать, если не изменить содержательные характеристики первой ступени образования. По нашему мнению, необходимо вернуть подлинное профессиональное, а не компетентностное обучение. Высшая школа должна учить именно профессии, а не компетенциям. Если на этом сюжете не сделать акцент, то вся реформа превратится в банальную смену вывесок.

Заключение

Сейчас трудно сказать, каким будет будущее у российской магистратуры. Однако мы твердо убеждены, что нельзя хирургическим путем удалить один из важнейших элементов образовательной системы, не повредив при этом ее целостность. Предложенный Президентом шаг, как нам представляется, неизбежно должен по-

влечь за собой другие реформы. И если мы ориентированы на создание национальной образовательной системы, то реформировать нужно не только одну магистратуру, и даже не только все звенья системы образования, а в первую очередь сами принципы образовательной системы как основополагающие ориентиры, смысловую опору всей конфигурации российского образования.

Выявленные проблемы магистерского обучения нуждаются в специальном исследовании их причинного комплекса. На данном этапе объяснение этому может быть сделано в рамках более общих менеджеристских процессов, которые оказались запущенными в годы пребывания в должности Президента Д.А. Медведева. Если говорить не об экспериментальных проектах, а о системной реализации реформистских замыслов, появлению магистратуры мы обязаны вхождением в болонскую систему. Иными словами, данная образовательная ступень не столько обладала самоценностью, сколько прилагалась к более общему образовательному проекту, имевшему непосредственно не связанные с магистратурой целевые ориентации. Магистратура же создавалась для того, чтобы быть «как в Европе». Разрыв отношений с западным миром ставит в качестве актуальной повестки вопрос об уточнении статуса магистратуры в системе российского высшего образования.

Литература

- Кривошеев, В.В. (2021). Магистратура и магистры: проблемы реализации Болонского проекта в России. *СОТИС – социальные технологии, исследования*, 4, 73–79.
- Ломакина, Т.Ю., Идрисова, О.И. (2019). Проблема неоднородности учебных групп в педагогической магистратуре. *Педагогическое образование в России*, 3, 15–20.
- Ребрин, О.И., Шолина, И.И., Жилин, А.С. (2019). Исследование проблем профессионализации студентов и выпускников программ магистратуры. *Современные проблемы науки и образования*, 6. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29372>.
- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 28.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (2023). Режим доступа: <https://www.consultant.ru/search/?q=об+образовании>.
- Закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 09.01.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» (2023). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/980c5bed88eea1e544b1ea2c043b583024f2310d/.
- Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (2023). Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1623647/>.

References

- Krivosheev, V.V. (2021). Masters and Masters: problems of implementing the Bologna Project in Russia. *SOTIS – Social Technologies, Research*, 4, 73–79.
- Lomakina, T.Yu., Idrisova, O.I. (2019). Problem of heterogeneity of study groups in pedagogical magistracy. *Pedagogical Education in Russia*, 3, 15–20.
- Rebrin, O.I., Sholina, I.I., Zhilin, A.S. (2019). A study of the problems of professionalization of students and graduates of graduate programs. *Modern problems of science and education*, 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29372>.
- Federal law of December 29, 2012 №273-FZ (ed. from 28.02.2023) “On Education in the Russian Federation”. (2023). Available at: <https://www.consultant.ru/search/?q=ob+education>.
- Law of the Russian Federation from January 17, 1992 №2202-1 (ed. from 09.01.2023) “On Prosecutor’s Office of the Russian Federation”. (2023). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/980c5bed88eea1e544b1ea2c043b583024f2310d/.
- Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2023 № 343 “On some issues of improving the system of higher education”. (2023). Available at: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1623647/>.

Дата получения рукописи: 05.07.2023

Дата окончания рецензирования: 14.08.2023

Дата принятия к публикации: 25.08.2023

Информация об авторе

Ковалев Виталий Владимирович – доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону; Россия; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kovalev Vitaly Vladimirovich – Associate Professor, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.5

EDN QONRJJ

Интернет в жизнедеятельности учащейся молодежи поколения Z: сравнительный анализ студентов вузов и колледжей Ростовской области**Нина Н. Капанян¹**

¹ Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия
e-mail: ninakapanyan@rambler.ru

Аннотация

Введение. Показаны сферы жизнедеятельности учащейся молодежи, осуществляемые поколением Z в интернете. Уточняются коммуникативные практики учащейся молодежи в интернет-среде, которая стала естественной для поколения зуммеров уже в начале первичной социализации. Проанализировано использование интернета в количественном отношении, основные формы использования интернета, зависимость студентов от интернета, отношение к информации, предоставляемой интернетом. Проведен компаративный анализ по перечисленным позициям между студентами вузов и колледжей.

Методы. Эмпирическую базу статьи составляют результаты опроса, проведенного среди студентов ведущих вузов и колледжей Ростовской области, а также вторичные социологические данные. Теоретико-методологический корпус исследования составляет теория поколений и теория киберсоциализации.

Результаты и их обсуждение. Современные студенты не представляют свою жизнь без использования интернета, что является характерным признаком поколения Z. При этом количество времени, проводимое в интернете, несколько отличается в зависимости от уровня образовательной подготовки. Выбор и потребление информационного контента отличается у студентов вузов и колледжей. Первые в большей степени ориентированы на поиск литературы по их профессиональной подготовке. Практически полное единодушие выказали студенты в отношении коммуникации с друзьями, но следует отметить некоторое отличие в содержании информации, получаемой из интернета. Студенты колледжей в меньшей степени интересуются информацией социально-политического характера и значительно реже пользуются интернетом для проведения досуга.

Ключевые слова: студенческая молодежь; вузы; колледжи; интернет; поколение Z; уровень образования; социализация.

Для цитирования: Капанян Н.Н. (2023). Интернет в жизнедеятельности учащейся молодежи поколения Z: сравнительный анализ студентов вузов и колледжей Ростовской области. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 47–54. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.5>.

The Internet in generation Z students' life activities: comparative analysis of university and college students in Rostov Region**Nina N. Kapanyan¹**

¹Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
e-mail: ninakapanyan@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article shows student youth's spheres of life activity, carried out by generation Z on the Internet. The communicative practices of student youth at the Internet environment, which became natural for the generation Z at the beginning of primary socialization, are being clarified. The article analyzes using the Internet in quantitative terms, the main forms of using the Internet, the Internet addiction, attitude to the information provided by the Internet. A comparative analysis was carried out on the listed positions between university and college students.

Methods. The empirical base of the article is the results of a survey conducted among the leading universities and colleges of the Rostov region, as well as secondary sociological data. The theoretical and methodological body of the research is formed by the theory of generations and the theory of cyber-socialization.

Results and its discussion. Modern students cannot imagine their life without using the Internet, which is a characteristic feature of generation Z. At the same time, the amount of time spent on the Internet differs somewhat depending on the level of educational preparation. The choice and consumption of Internet content also differs between students of universities and colleges, the former are more focused on searching for literature on their professional training. Almost complete unanimity was expressed by students regarding communication with friends, but some difference should be noted in the content of information received from the Internet. College students are less interested in socio-political information and, oddly enough, are much less likely to use the Internet for leisure activities.

Keywords: student youth; universities; colleges; the Internet; generation Z; level of education; socialization.

For citation: Kapanyan N.N. (2023). The Internet in generation Z students' life activities: comparative analysis of university and college students in Rostov Region. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 47–54. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.5>.

Введение

В настоящее время в процессе формирования находится поколение, получившее название «поколение Z». Выделение его в отдельную возрастную группу основано на теории поколений, основателем которой считается К. Мангейм, утверждавший, что поколение – это группа людей одного возраста в похожем социальном окружении, которые обладают схожим социальным и историческим опытом, дифференцирующим одну поколенческую когорту от другой (Мангейм, 2000), что позволяет рассматривать концепцию поколений как важную социетальную категорию. Вследствие погружения представителей поколения Z в интернет-среду американские социологи акцентируют внимание в контексте теории поколений на роли информационных технологий в его социализации (Howe, Strauss, 2000). Это направление исследований было развито американским психологом Дж. Твенги (Твенги, 2019), которая показала специфику поколения, рожденного уже в XXI в. Она его определила как «Я-поколение» («iGen»), что синонимично «поколению Z», показав на обширном эмпирическом материале межпоколенческого анализа американской молодежи значительные ценностные и поведенческие отличия этой возрастной группы молодежи. К характерным особенностям этого поколения в США отнесено: постоянное присутствие смартфона в руках, независимо от уровня доходов семьи; реализация всех коммуникаций в смартфонах; параллельное использование нескольких гаджетов. На гаджеты уходит все их свободное время (не менее шести часов в день) и значительная часть учебного времени. Предпочтительная форма коммуникации – короткие сообщения в мессенджерах. Широко распространено параллельное использование нескольких дел: писать сообщение в смартфоне, выкладывать фото в компьютере, «серфить» в интернете. Структура экранного времени включает текстовые сообщения (28%), интернет (24%), игры (18%), телевизор (24%), видеочаты (5%) (Твенге, 2019). Наблюдение за американской молодежью этой возрастной группы (период исследования – 2017–2018 гг.) показывает, что такая смена информационных инструментов вызвала отказ от самостоятельной работы с книгами (даже электронными), снижение навыков чтения и письма, отказ от освоения учебников, неготовность осваивать профессиональный и академический языки. «Айдженеры» тратят столько времени на смартфоны, что им некогда и неинтересно читать журналы, ходить в кино и смотреть телевизор (Твенге, 2019). Более детальное изучение предпочтений этой группы молодежи привело автора к выводу о том, что в их жизни смартфоны вытеснили любые виды деятельности, требующие личных контактов (Твенге, 2019). К факторам, которые обусловили специфичность социализации поколения Z, зарубежные ученые относят: экономические – замедление в развитии глобальных финансовых систем; технологические – айфоны, планшеты, социальные сети; социально-культурные – терроризм, войны в Ираке, Ливии, либеральные движения (Arora, Dubey, Vyas, 2021).

Российские ученые доказывают, что на социализацию молодежи оказывает влияние не только способ работы с информацией и постоянная включенность в информационные потоки, но также масштабные социальные события, переживаемые совместно в формативный период. В России эта концепция получила развитие в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. (Глотов, 2004; Отцы и дети..., 2005).

В. Радаев связал периодизацию поколений в России (СССР) с культурно-историческими периодами – Великая Отечественная война, оттепель, перестройка и др., в которых актуализировались проблемы идентичности, смысла жизни для всего общества и особенно для молодежи. При этом важным является практическое участие в этих событиях и их переживание именно в период взросления, на который приходится окончание школы с последующей интеграцией в сферу производственной жизни. В XX в. В. Радаев выделяет шесть поколений. В состав нынешней молодежи, возрастные рамки которой в России очерчивает Закон о молодежи в интервале 14–35 лет, входят два поколения – миллениалы, или поколение Y (период рождения 1982–2000 гг., период взросления – 2000–2016 гг.), и поколение Z (зуммеры, период рождения 2000–2017 гг., период взросления – с 2017 г.) (Радаев, 2020). Примерно этот же период отводят поколению Z американские ученые Н. Хоув и В. Штраус, которые определяют его в интервале 2003–2023 гг. (Howe, Strauss, 2000).

Таким образом, нынешняя учащаяся молодежь вузов и колледжей может быть отнесена к поколению зуммеров, которых называют «цифровыми аборигенами».

Беспокойство зарубежных ученых вызывает настроенность поколения зуммеров по отношению к предстоящей работе, поскольку именно данная группа уже начинает активно осваивать рынок труда. Данное поколение из-за опривыченности индивидуальной жизни в интернете не привыкло к командной работе, строгому руководству их деятельностью со стороны старших поколений, что, возможно потребует пересмотра менеджерской политики в различных компаниях и организациях (Maloni, Hiatt, Campbell, 2019).

В отечественной науке изучение медиапотребления поколением Z активно развивается. В работах Д.М. Вьюгиной и Н.С. Крамаренко (Вьюгина, 2017; Крамаренко, 2020) показывается переход в медиапространстве к интерактивным технологиям, которые открыли широкие возможности для вовлечения молодежи в создание собственного контента. Пилотное изучение медиапредпочтений поколения Z в Белоруссии в 2018 г. показало схожую картину с той, которая была описана Д. Твенге: высокий уровень ежедневного присутствия в интернете, одновременность использования двух и более гаджетов, вытеснение смартфонами телевизоров, печатных СМИ и книг (Касперович, 2019). В 2022 г. 96% российской молодежи в возрасте 12–17 лет и 95% в возрасте 18–24 лет были ежедневно охвачены интернетом (Ачкасова, 2022).

Перемещение жизнедеятельности современной учащейся молодежи в интернет сказывается на распределении времени для ее различных аспектов (учебная, досуговая, развлекательная). В большинстве исследований рассматривается молодежь, относящаяся к поколению Z, без акцентирования на специфике учебных заведений и специализации обучения, что представляется существенным фактором, влияющим на практики использования интернет-ресурсов. Для задач нашего исследования будут рассматриваться только ответы возрастной группы 14–17 лет, представители которой родились в период 2002–2005 гг. Именно эта подгруппа подпадает под категорию «поколение Z» в трактовке В. Радаева. Эта группа является предметом наблюдения в нашем исследовании (студентам I–II курса вузов сейчас 18–19 лет, колледжей – 15–17 лет).

Методы

Осенью 2022 г. нами было инициировано и реализовано социологическое исследование, одной из задач которого было выявление информационного поведения студентов первых курсов вузов и колледжей Ростова-на-Дону и Новочеркасска, выступающего важным индикатором отнесения молодежи региона к поколению Z. Всего было опрошено 859 человек: студентов вузов I–II курсов – 524 человека, студентов колледжей – 335 человек. Опрашивались студенты технических специальностей Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова (206 человек), студенты экономических и юридических специальностей Южного федерального университета – 114 человек, социально-исторических специальностей ЮФУ – 118 человек, педагогической специальности ЮФУ – 86 человек; а также учащиеся колледжей: 119 человек – политехнический колледж НПИ, 96 человек – юридический колледж, 120 человек – педагогический колледж. То есть в качестве объектов наблюдений выступили студенты и учащиеся одних и тех же направлений подготовки на уровне бакалавриата вуза и на уровне колледжа – технических, педагогических, социальных (включая юридические).

Согласно проведенному опросу, большая часть студентов вузов и колледжей проводит ежедневно значительную часть своего времени в интернете, что представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Как много времени вы проводите в интернете ежедневно?», %**

Вариант	Студенты вузов	Студенты колледжей
Около часа	3,6	6,8
От одного до трех часов	17,6	21,1
От трех до пяти часов	32,8	28,5
Более пяти часов	43,9	37,8
Я в интернете не каждый день	2,1	5,8
Всего	100	100

Более трех часов проводят в интернете 78,7% студентов вузов и 66,3% студентов колледжей. То есть на количество времени, проводимое в интернете, не оказывает заметного влияния профиль образовательной подготовки. Но уровень подготовки оказывает влияние на структуру потребления медиаконтента: у студентов вузов несколько выше потребление профессиональной литературы. Приоритетное место в структуре интернет-деятельности занимает у студентов вузов и колледжей общение с друзьями – 54 и 51,9% соответственно. Небольшое различие зафиксировано между студентами вузов и колледжей по направлению поиска информации социально-политического характера (25,0 и 17,3% соответственно), а также развлекательно-спортивной информации (34,4 и 27,8% соответственно), что видно по результатам, представленным в табл. 2.

Уровень подготовки оказывает различное влияние на роль интернета в организации повседневной жизни студентов вузов и колледжей. Так, почти по всем позициям студенты вузов указывают большее присутствие интернета в своей жизни, чем студенты колледжей, что представлено в табл. 3.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Чем именно вы занимаетесь в интернете ежедневно?», %**

Вариант	Студенты вузов		Студенты колледжей	
	почти все время	половину времени	почти все время	половину времени
Общение с друзьями в соцсетях	21,2	32,8	22,0	29,9
Знакомлюсь с новостями	13,9	24,2	11,4	24,0
Работаю с профессиональной (учебной) литературой	15,5	32,1	13,0	25,2
Смотрю кинофильмы	8,4	22,3	9,7	20,9
Знакомлюсь с анализом политико-экономической ситуации	7,1	16,0	7,4	10,3
Ищу развлечение, спортивную информацию	11,5	22,9	10,1	17,8
Ищу информацию по интересам (йога, кулинария и прочее)	10,9	28,1	11,7	20,9
Играю в видеоигры	11,1	17,7	10,3	14,4

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Чем является для вас интернет?», %

Вариант	Студенты вузов					Студенты колледжей			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Необходимым инструментом учебы или работы	68,9	74,1	84,7	80,2	75,2	68,1	67,7	65,6	66,5
Жизненным ресурсом – без соцсетей я как слепой и глухой	21,8	29,5	28	24,4	25,2	30,3	20,8	15,0	19,3
Удобной формой досуга	53,4	56,3	59,3	41,9	53,4	49,6	44,8	32,6	38,4
«Черной дырой» для времени	22,3	18,8	22,9	15,1	20,4	30,3	16,7	8,8	14,8
Удобным ресурсом любой информации	57,3	58	67,8	60,5	60,3	67,2	61,5	60,9	62,3
Другое	1,0	4,5	1,7	1,2	1,9	4,2	1,0	0,6	1,4

Примечания. Нумерация направлений подготовки студентов: 1 – технические специальности; 2 – экономико-юридические; 3 – историко-социологические; 4 – педагогические; 5 – сумма по всем специальностям вузов; 6 – технические специальности колледжей; 7 – юридическая специальность колледжей; 8 – педагогические специальности колледжей; 9 – сумма по всем специальностям колледжей.

Студенты вузов и колледжей практически совпадают в оценке интернета как инструмента учебной деятельности и ресурса любой информации. По всем остальным возможным коммуникационным аспектам студенты вузов в большей степени используют интернет, чем студенты колледжей. Существенная разница видна в отношении использования интернета в качестве предпочтительной формы досуга (53,4 и 38,4% соответственно). На свою зависимость от интернета («черная дыра» времени) указали 20,4% студентов вузов и 14,8% студентов колледжей. При этом четвертая часть студентов вузов (25,2%) отметила свою полную дезориентированность в ре-

альности без интернета («без соцсетей я как слепой и глухой»); этот эффект в наибольшей степени отмечают студенты социально-гуманитарных и экономико-юридических специальностей. Данные социокультурные риски дезориентированности в социальном пространстве без использования интернет-ресурсов, по мнению российских исследователей, влияют на социализацию молодого поколения, способствуя размыванию культурного пространства, вытеснению ценностей этнокультурных традиций, традиционных паттернов поведения. Вовлечение индивида в искусственную интернет-среду фрагментирует сознание: «Молодой человек в такой ситуации выбирает упрощенный путь “осмысления” жизни, то есть начинает сиюминутно “ловить” и фиксировать информацию. Разрушающаяся система – естественное социокультурное пространство, в которой осуществляется идентификация, – способствует формированию не мыслящего, а наблюдающего человека... в виртуальном пространстве разрывается идентификационная цепочка: семья – дошкольное учреждение – школа – вуз – социальные институты» (Шадже, Куква, 2013, 45).

Небольшая часть студентов как вузов, так и колледжей (7,2 и 3,9% соответственно) на веру воспринимает информацию из интернета. С долей сомнения воспринимает информацию примерно одинаковое количество студентов вузов и колледжей (24,5 и 29,1% соответственно). Не доверяют информации 11,7% студентов вузов и 9,4% студентов колледжей. При этом доверие к информации зависит от платформы и автора сообщения. Различия в ответах в зависимости от уровня подготовки носят незначительный характер, что видно по результатам, представленным в табл. 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Вы доверяете повседневной информации, полученной на интернет-платформах?», %

Вариант	Студенты вузов	Студенты колледжей
Да, в полной мере	7,2	3,9
Примерно пятьдесят на пятьдесят	24,5	29,1
Это зависит от платформы или от автора сообщения	56,7	57,6
Не доверяю	11,7	9,4
Всего	100	100

Недоверчивость к информации в интернете коррелируется и с общим трендом недоверия поколения зуммеров к тем, кто не входит в социальные группы интернет-сообществ, за исключением самого близкого круга людей – семья, одноклассники, студенческая группа, т.е. лиц непосредственного контактного общения. Но даже в рамках формальных коллективов (классов, студенческих групп) им свойственна настороженность и недоверие к чужакам, среди которых на первое место вышли представители других национальностей и религий. Этот же результат был выявлен при изучении доверия студентов первого курса и учащихся выпускных классов (т.е. возраст 16–18 лет) Юга России к «чужакам» (Denisova, Denisova, Litvinenko, Susimenko, 2019).

Заключение

Проведенное сравнение жизнедеятельности учащейся молодежи поколения Z (студентов вузов и колледжей) позволяют прийти к следующим выводам

- студенты вузов больше проводят времени в интернете по сравнению с учащимися колледжей;

- единодушие наблюдается в оценке интернета как удобного источника информации, однако полное доверие к получаемой информации выказывает меньшинство студентов, большая часть студентов как вузов, так и колледжей доверяет информации со знакомых платформ или от знакомых авторов информации. Данное обстоятельство показывает, что обеспокоенность, высказываемая педагогами, по поводу бездумного поглощения информации является несколько преувеличенной;
- фиксируется значительная разница в отношении зависимости от интернета между студентами вузов и колледжей, которая в большей степени характерна для студентов вузов;
- в отношении различных коммуникационных аспектов студенты вузов в большей степени используют интернет, чем студенты колледжей, особенно данное различие касается использование интернета как формы досуговой деятельности;
- разный уровень подготовки оказывает влияние на структуру потребления медиаконтента: у студентов вузов несколько выше потребление профессиональной литературы;
- практически полное совпадение выявлено между студентами вузов и колледжей в такой форме деятельности в интернете, как общение с друзьями, подтверждающее опасения по поводу переноса личной коммуникации в интернет, ослабляющего коммуникацию лицом к лицу, что может стать серьезной проблемой в случае, если будущая профессиональная деятельность будет связана с личными офлайн-взаимодействиями и/или работой в команде.

Думается, что выявленные различия в жизнедеятельности студентов вузов и колледжей в интернете свидетельствует о том, что уровень образовательной подготовки оказывает влияние на отношение студентов к интернет-ресурсам, но не является кардинальным, что дает возможность рассматривать их как единое поколение, проходящее значительную часть социализации в киберпространстве.

Литература

- Вьюгина, Д.М. (2017). От аудитории к медиапотребителю: трансформация концепции аудитории в медиаисследованиях. *Вопросы теории и практики журналистики*, 6(1), 119–127. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(1).
- Глотов, М.Б. (2004). Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, 10, 42–49.
- Крамаренко, Н.С. (2020). Проблемы «цифровой потребности» и информационной перегруженности обучающихся поколения Z. *Педагогика*, 4, 37–41.
- Мангейм, К. (2020). Проблема поколений. В *Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции*. М.: ИНИОН РАН.
- Отцы и дети: поколенческий анализ современной России (2005). Ю. Левада, Т. Шанин (ред.). М.: Новое литературное обозрение.
- Радаев, В.В. (2019). Миллинеалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Твенге, Д. (2019). Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: РИПОЛ классик.
- Шадже, А.Ю., Куква, Е.С. (2013). Влияние сетевых практик на идентификационные процессы в молодежной среде в условиях социокультурных рисков. *Теория и практика общественного развития*, 6, 44–47.
- Arora, S., Dubey, V., Vyas, S. (2020). Study of work values of Gen Z students. *International Journal of Technology and Globalisation*, 8, 240. DOI: 10.1504/IJTG.2020.10034407.
- Denisova, G., Denisova, A., Litvinenko, E., Susimenko, E. (2019). The roles of language and ethnocultural identity in integrating immigrant youth in southern Russia. *International Journal of Inclusive Education*, 26(1). DOI: 10.1080/13603116.2019.1645890.
- Howe, N., Strauss, W. (2000). *Millennials rising: the next great generation*. N.Y.: Vintage Books.
- Maloni, M., Hiatt, M., Campbell, S. (2019). Understanding the work values of Gen. Z business students. *The International Journal of Management Education*, 17, 11–32.

Ачкасова, К. Медиапотребление в 2022 г. (2022). Режим доступа: <https://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkri4ngauf1t1stsr0877w3jn5/CSTB>.

Касперович, О. Медиапредпочтения поколения Z: отказ от традиционных СМИ и жизнь в «цифре» (2019). Режим доступа: <https://mediana.by/rubriki/issledovaniya/1066-mediapredpochteniya-pokoleniya-z-otkaz-ot-traditsionnykh-smi-i->.

References

Arora, S., Dubey, V., Vyas, S. (2020). Study of work values of Gen Z students. *International Journal of Technology and Globalisation*, 8, 240. DOI: 10.1504/IJTG.2020.10034407.

Denisova, G., Denisova, A., Litvinenko, E., Susimenko, E. (2019). The roles of language and ethnocultural identity in integrating immigrant youth in southern Russia. *International Journal of Inclusive Education*, 26(1). DOI: 10.1080/13603116.2019.1645890.

Glotov, M.B. (2004). Generation as a category of sociology. *Sociological research*, 10, 42–49.

Fathers and sons: generational analysis of modern Russia (2005). Yu. Levada, T. Shanin (ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Howe, N., Strauss, W. (2000). Millennials rising: the next great generation. N.Y.: Vintage Books.

Kramarenko, N.S. (2020). Problems of “digital need” and information overload of generation Z students. *Pedagogy*, 4, 37–41.

Maloni, M., Hiatt, M., Campbell, S. (2019). Understanding the work values of Gen. Z business students. *The International Journal of Management Education*, 17, 11–32.

Mannheim, K. (2020). The problem of generations. In Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations. Competitiveness. Economic ambitions. Moscow: INION RAN, 2000.

Radaev, V.V. (2019). Millionials: how Russian society is changing. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.

Shadzhe, A.Yu., Kukva, E.S. (2013). Influence of network practices on identification processes in the youth environment in terms of socio-cultural risks. *Theory and practice of social development*, 6, 44–47.

Twenge, J. (2020). iGen: Why today’s super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy – and completely unprepared for adulthood. Moscow: RIPOL Classic.

Vyugina, D.M. (2017)/ From the audience to the media consumer: the transformation of the audience concept in media research. *Issues of theory and practice of journalism*, 6(1), 119–127. DOI 10.17150/2308-6203.2017.6(1).

Achkasova, K. Media consumption in 2022 (2022). Available at: <https://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkri4ngauf1t1stsr0877w3jn5/CSTB>.

Kasperovich O. Generation Z media preferences: rejection of traditional media and digital life (2019). Available at: <https://mediana.by/rubriki/issledovaniya/1066-mediapredpochteniya-pokoleniya-z-otkaz-ot-traditsionnykh-smi-i->.

Дата получения рукописи: 12.08.2023

Дата окончания рецензирования: 12.09.2023

Дата принятия к публикации: 20.09.2023

Информация об авторе

Капанян Нина Николаевна – старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: ninakapanyan@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kapanyan Nina Nikolaevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: ninakapanyan@rambler.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.65:316.35

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.6

EDN TOEAIC

**Ожидания и опасения молодежи на городских социокультурных мероприятиях
(ивент-мероприятиях)****Виктория А. Шелгинская¹**

¹Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, Россия
e-mail: victoria.shelg@yandex.ru

Аннотация

Введение. Социокультурные мероприятия играют важную роль в становлении и социализации молодых людей. Реализация общественно значимых функций повышает эффективность, если тема мероприятия доминирует в информационном поле потенциального посетителя, т.е. становится «ивентом». Поэтому при организации необходимо учитывать и вовремя отслеживать изменения в предпочтениях молодежи, ожидания и предпочтения которой динамично изменяются под влиянием поколенческих особенностей и условий внешней среды.

Методы. Цель исследования – установить составляющие и группы элементов социокультурного мероприятия, предпочитаемых современной молодежью, а также специфику их влияния на посетительское намерение и полученный опыт. Авторская структура исследования включала использование качественного метода, при этом вопросы были сформулированы и сгруппированы попарно-противоположным образом.

Результаты и их обсуждение. Выявлены предпочтения молодежи относительно различных составляющих мероприятия: элементы были классифицированы по двум типам – базовые (безусловно ожидаемые) и специальные (придающие добавленную ценность мероприятию). Выделены дополнительные элементы, позволяющие влиять на полученный опыт посещения положительно или отрицательно. Это позволило сформировать перечень элементов, разделенных по группам в зависимости от их значимости и влияния на опыт посещения, доступный к непосредственной практической реализации. Также выделен ряд рискованных ситуаций, характеризующихся негативно воспринимаемыми элементами, которые связаны с пересечением негативно воспринимаемых молодежью элементов мероприятия и предпочтенных к реализации организаторами. В заключение охарактеризованы особенности когнитивного процесса респондентов при формулировании ответов. Сделан вывод об определенной несформированности социокультурных ожиданий при наличии достаточно определенных требований материально-организационного характера.

Ключевые слова: ивент; досуг молодежи; ценности молодежи; праздник; поколение Z; студенческая молодежь; мотивация посетителей; организация досуга; культурное развитие; восприятие потребителя.

Для цитирования: Шелгинская В.А. (2023). Ожидания и опасения молодежи на городских социокультурных мероприятиях (ивент-мероприятиях). *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 55–68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.6>

Fears and expectations of student youth on socio-cultural city events and festivals**Victoria A. Shelginskaya¹**

¹ Ural Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia
e-mail: victoria.shelg@yandex.ru

Abstract

Introduction. Sociocultural city events play an important role in formation and socialization of the youth. The implementation of socially significant functions increases efficiency if the topic of the event dominates the information field of a potential visitor, i.e. special event. Therefore, it's necessary when organizing to understand and monitor the preference changes of young people, whose expectations are dynamically changing under the influence of generational characteristics and environmental conditions.

Methods. The purpose is to establish the components and groups of elements of a socio-cultural event preferred by modern youth, as well as the specifics of its influence on visitor's intention and experience. The study was conducted using a qualitative method, while the questions were formulated and grouped in pairwise-opposite ways.

Results and its discussion. The preferences regarding the various components of event were revealed: they were classified into two types, basic (unconditionally expected) and special (giving added value to the event). Additional elements that can influence the experience of visiting positively or negatively were highlighted. This allows to form a list of elements divided into groups depending on their significance and impact on the visit experience, available for direct practical implementation. A number of risk situations are also identified. In conclusion, the features of the respondents' cognitive process in answers formulation were characterized. The conclusion is made about a certain lack of formation of socio-cultural expectations, in the presence of fairly certain requirements of a material and organizational nature.

Keywords: youth leisure; life values; generation Z; digital generation; interactive ritual; participant motivation; event-management; creative industries; consumer behavior

For citation: Shelginskaya V.A. (2023). Fears and expectations of student youth on socio-cultural city events and festivals. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 55–68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.6>

Введение

Социокультурные праздничные мероприятия, привлекающие внимание разнообразных категорий населения (ивент-мероприятия), играют важную роль не только в деятельности самих организаций (формирование положительного имиджа, привлечение внимания и стимулирование продаж), но и с точки зрения реализации общественно значимых функций в городском пространстве, таких как общесоциальные (рекреационная, эстетическая, игровая) и социально-управленческие (идеологическую, социализирующую, воспитательную, интегрирующую и пр.) (Литвинова, 2019; Максимова, 2020). Их реализация, неразрывно связанная с качеством организации и проведения мероприятия и его соответствием поставленным целям, приобретает особую значимость при работе с молодежью: с точки зрения субъекта управления, мероприятие «выступает своего рода управленческим фактором» в становлении личности молодого человека (Краснобаева, 2019, 7).

Понимание мотивов молодых посетителей, их ожиданий или надежд относительно мероприятия позволяет повысить эффективность управления комплексом деятельности, связанной с проведением мероприятия, за счет более высокой персонализации, ориентации на ожидания посетителя. Однако со сменой поколений и трансформацией условий внешней среды меняются их предпочтения и, соответственно, ожидания. Молодежь в этом отношении – достаточно сложная для изучения социальная группа, поскольку является динамической, любопытной и критически настроенной ко многим происходящим процессам в обществе (Кернерман, 2022). Тем самым она требует регулярного мониторинга изменений.

Как отмечают в литературе, досугово-развлекательные, праздничные мероприятия стали для молодых людей привычной составляющей их жизни и больше не воспринимаются как нечто экстраординарное, то, что может запомниться «на века» (Рикель, 2018). Этот процесс обуславливает перераспределение восприятия значимости тех или иных элементов мероприятия. При этом последние представляют собой не просто эстетически привлекательное окружение, создающее ощущение праздника, но средства коммуникации с посетителем, донесения до него определенных смыслов (Алемасова, 2020; Максимова, 2020). Эта коммуникация на вербальном, визуальном, кинетическом и других уровнях проявляется в элементах инфраструктуры мероприятия и его концепции, за счет чего осуществляются функции социокультурных мероприятий. Однако «повседневность» мероприятий в купе с изменением значимости тех или иных элементов инфраструктуры мероприятия

приводит к тому, что снижается потенциал таких мероприятий как посредника при ценностном ориентировании молодежи, ее социализации и культурном просвещении и т.д. (Воловикова, 2018).

В этих условиях необходимо своевременно отслеживать происходящие изменения восприятия мероприятий молодежью и корректировать управленческие подходы сообразно им, а также развивать методологические разработки по выявлению ожиданий молодежи ввиду неопределенности параметров, определяющих ожидания и предпочтения молодых людей от мероприятия.

Обзор литературы

В научно-практической литературе фокус исследовательского внимания преимущественно относится к изучению досуговых предпочтений молодежи в целом, а также их удовлетворенности количеством рекреационных возможностей и т.д. (Белозерова, Крикун, 2020; Исаева, Павлова, Бондаренкова, 2020; Петрова, 2019; Ярошук, Иванова, 2021). Другое направление исследовательской мысли сосредоточено на установлении значимости различных праздничных событий как поводов к проведению мероприятия, или на предпочтении одного типа мероприятия перед другими, или на оценке частоты посещения различных типов мероприятий (Литвинов, 2022; Маркин, 2020; Мартышенко, 2020).

Ряд исследований был посвящен оценке восприятия инструментальных аспектов реализации праздника в глазах молодежи. В частности:

- оценке удовлетворенности качеством проводимых мероприятий, изучению критериев выбора того или иного мероприятия для посещения (Маркин, 2020; Мартышенко, 2020; Оселедчик, Велиев, 2017);
- оценке организационно-логистических аспектов, таких как значимость концертной программы и сценария, обслуживания (в том числе транспортного), время начало и т.д. (Маркин, 2020; Оселедчик, Велиев, 2017);
- оценке коммуникационных каналов получения информации о мероприятии (Мартышенко, 2020).

Примечательны выводы некоторых маркетинговых исследований, которые можно принять за ориентир при дальнейшей разработке вопроса и верификации результатов. В частности, акцентировано внимание на следующих характеристиках молодежи (Как понравиться..., 2019; «Окей, бумер»..., 2019; YouTube Culture, 2022):

- потребность в снятии стресса и отвлечении от действительности;
- ожидание аутентичности (искренности) от проведения мероприятия;
- потребность в визуально привлекательном («фотогеничном») контенте;
- потребность в вовлеченном участии;
- желание «быть услышанными», как-либо влиять на происходящее;
- потребность в соответствии содержания и аудитории их предположениям;
- преобладание важности процесса над результатом.

Интересно отметить некоторые зарубежные исследования, изучавшие:

- оценку восприятия и предпочтения двух различных типов мероприятий, где одно было бы реализовано более качественно с технической точки зрения, а другое – с художественной (Stricklin, Ellis, 2018);
- оценку зависимости удовлетворенности при посещении мероприятия от его информационной полезности, дизайна и гедонистических атрибутов (Ramli, Januri, Ghani, 2018);
- особенности информационно-коммуникационного взаимодействия молодежи с организаторами (их представителями) (Kisilowska, Mierzecka, 2019).

Как видно, эти исследования сконцентрированы либо на общих вопросах, связанных со значимостью повода к проведению мероприятия, либо на частных аспектах, характеризующих оценку молодыми людьми того или иного способа реализации мероприятия. В обоих случаях, на наш взгляд, за пределами исследовательского внимания оставалось установление конкретных элементов, составляющих ожидания молодых людей от мероприятия, а также их ранжирование в зависимости от вклада в получаемый посетителем опыт.

Ранжирование элементов позволяет разделить их совокупность на базовые, присутствие которых ожидается и не подвергается сомнению, и специальные, которые представляют собой своего рода элемент приятной неожиданности и за счет которых формируется так называемая дополнительная ценность при посещении мероприятия. В данном контексте дополнительная ценность может пониматься как дополнительная выгода для посетителя, материальная или нематериальная (Хелал, Палей, 2021). Несмотря на то, что добавленная ценность не всегда может осознаваться заранее, она предоставляет возможность удовлетворить определенные психологические потребности, побудить к повторному посещению и распространению информации о мероприятии (Никитина, 2021, 59).

Цель исследования заключается в установлении составляющих и групп элементов с учетом специфики их влияния на посетительское намерение и получаемый от посещения мероприятия опыт. Поставлены следующие задачи: выявить перечень элементов, значимых для молодых посетителей социокультурных мероприятий и позволяющих охарактеризовать их ожидания и мотивы при посещении; выделить группы элементов, создающих базовые условия для формирования привлекательной для посещения среды, и элементов, позволяющих создать дополнительную ценность; охарактеризовать особенности когнитивного процесса при формулировании ответов, выборе того или иного элемента респондентами.

Методы

Ранее не был сформирован достаточный перечень элементов, оценка которых позволила бы, во-первых, понять конкретные ожидания молодых людей от содержания мероприятия, во-вторых, выделить среди них те, которые действительно позволяют оценить посетительское намерение и удовлетворение от посещения. Структурированные ответы предоставляют меньше возможностей, так как могут не отражать реальный перечень элементов, имеющий значимость для респондента. Нивелируя данный недостаток, в данном исследовании нами был применен авторский подход, объединяющий качественный метод с антагонистическим принципом, представленным в исследовании В.И. Пищик, в котором изучаются в сравнительном виде поколенческие ценности и страхи (Пищик, 2019). Поскольку на практике люди не всегда руководствуются теми ценностями, которые считают для себя важными, принцип двойственности позволяет частично нивелировать субъективный фактор.

Принимая этот принцип за основу, мы проводили исследование следующим образом: респондентам было задано четыре открытых вопроса, подразумевающих краткую свободную форму ответа. При этом вопросы были сформулированы попарно-противоположно следующим образом:

1. Каковы ваши ожидания от мероприятия?
2. Каковы ваши опасения (чего вы боитесь не получить) от мероприятия?
3. Что, на ваш взгляд, обязательно должно быть на мероприятии?
4. Чего, на ваш взгляд, совершенно точно не должно быть на мероприятии?

При составлении вопросов сознательно не были установлены варианты ответов, для того чтобы не только получить ответы на интересующие вопросы, но и понять направление мысли опрашиваемого при формулировке ответа.

Обработка и анализ результатов проводились методом группировки, т.е. одинаковые или приближенные варианты ответов объединялись в одну категорию. В частности, таким образом были получены следующие категории:

1. Оформление и дизайн (элементы, связанные с визуальным восприятием мероприятия: дизайн, оформление площадки, выбор места, фирменная атрибутика и пр.).

2. Люди и компания (элементы, характеризующие социальные ожидания посетителей).

3. Организация и логистика (элементы, характеризующие ожидания посетителя относительно скоординированности действий организаторов, организации инфраструктуры и пр.).

4. Целесообразность и соответствие (элементы, характеризующие восприятие того, что было заявлено в анонсе, и того, что имелось на площадке).

Ответы дали около 200 респондентов в возрасте до 25 лет. При этом часть затруднилась с ответами (это также отражено в результатах), а часть дала достаточно развернутые ответы, что позволило сформировать большую базу упоминаний того или иного элемента.

Результаты и дискуссия

Первый этап. Группа вопросов «ожидания – опасения». Соотношение ожиданий и опасений представлено на рис. 1.

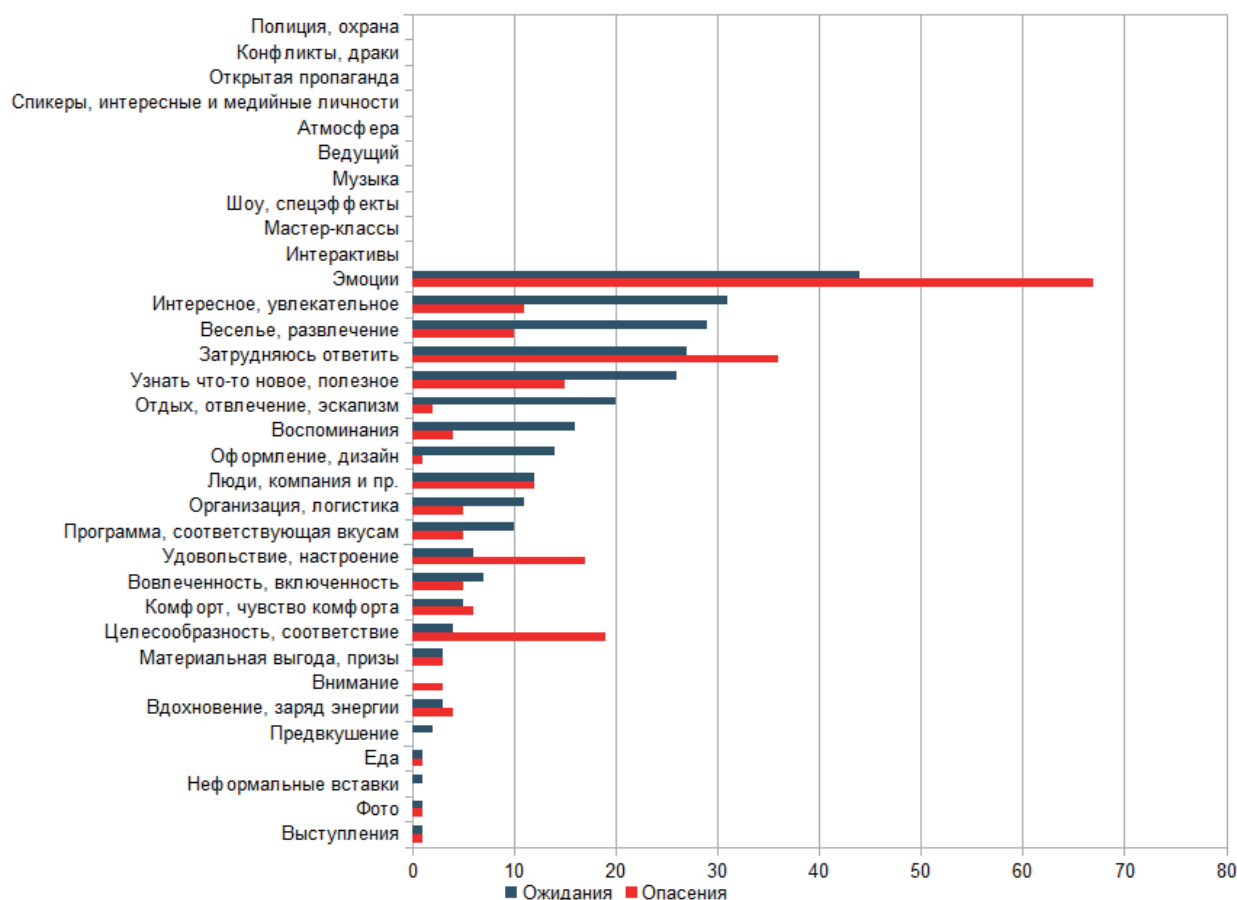

Рисунок 1. Ожидания и опасения молодежи относительно посещения социокультурного ивент-мероприятия

Ряд ответов достаточно абстрактен, чаще всего упоминается ожидание «эмоций» (часто без сопутствующего прилагательного). При этом ожидаемые «эмоции» (как, например, ожидаемое «качество» продукции или услуг) не существуют сами по себе, а являются результатом восприятия совокупности других факторов. К аналогичным абстракциям можно отнести такие качества, как «интересное», «веселое», «приносящее удовольствие».

Наиболее весомыми характеристиками, сформулированными респондентами конкретно, в данной группе ответов являются следующие:

- мероприятие должно быть познавательным (информативным, дающим возможность узнать что-то новое для себя);
- мероприятие должно создавать условия для морального отдыха;
- мероприятие должно запомниться;
- мероприятие должно быть эстетически привлекательным;
- на мероприятии необходимо хорошо провести время в общении с друзьями, знакомстве с новыми людьми;
- от мероприятия ожидается хорошая организованность сотрудников, зонирование и логистика, а также программа, проходящая без заминок.

Категории, упоминаемые реже, представляют отдельный интерес, поскольку указывают на некоторые аспекты, о которых организаторы мероприятий могут не задумываться. Таким, например, является «комфорт», интерпретируемый респондентами как ощущение свободы поведения и времяпрепровождения, а также объективные характеристики (например, отсутствие «толпы», скученности, наличие зон отдыха и возможности выбора каждым себе занятия по душе). Примечательно и выделение характеристики «целесообразность». Поскольку молодежь – это активные пользователи цифровых платформ и других информационных ресурсов, они априори сравнивают предварительную информацию о мероприятии (анонсы, рекламу) с тем опытом, который получают непосредственно на площадке, и им важно прийти к выводу, что они не зря потратили свое время. Как сформулировали некоторые респонденты, «хочу увидеть то, о чем говорили в рекламе этого мероприятия» и «должно быть все, что было заявлено».

Опасения молодежи относительно того, что они могут не получить на мероприятии (или получить не так, как им бы хотелось), позволяют охарактеризовать важность той или иной категории точнее, чем ожидания. Особенного внимания заслуживают категории, для которых опасения не получить того или иного элемента имеют большие показатели, чем показатели ожиданий. Установлено, что к таким относятся: эмоции, удовольствие, комфорт, целесообразность, вдохновение. Неожиданным стало выделение элемента «вдохновение» (или, как указали некоторые из опрошенных, «заряд энергии»). Молодежи важно не просто провести время на мероприятии, а провести его с некоторой пользой для себя. Это позволяет предположить, что получение вдохновения (мотивация, повышение уверенности в собственных силах и пр.) является фактором, определяющим эмоциональную удовлетворенность и целесообразность посещения. В целом элементы первой группы значимости характеризуют то, без чего мероприятие с большей вероятностью будет воспринято молодыми посетителями негативно или в лучшем случае нейтрально.

На втором месте (т. е. те категории, для которых показатели ожиданий и опасений практически равны) находятся такие элементы, как «люди», «вовлеченность», «материальная выгода». Эти элементы характеризуют те составляющие, которые формируют дополнительную ценность мероприятия, за счет чего оно превращается из простого факта в факт памятный, способный еще долго оставаться в

памяти посетителя и влиять на его повседневное поведение и восприятие действительности.

На третьем месте по значимости (т. е. те категории, для которых показатели ожиданий превышают показатели опасений) расположились практически все «абстрактные» категории.

При изложении своих опасений респонденты упомянули опасение не получить внимания на мероприятии (причем опасение не получить его превышало ожидание). Поскольку оно встречалось недостаточно часто, упоминание не было принято в расчет. Однако нельзя не отметить определенную корреляцию с такой ранее упомянутой характеристикой молодых людей, как «потребность быть услышанными», что представляет интерес для дальнейшего изучения с точки зрения его взаимосвязи с другими факторами, например с возрастом, личными или социальными особенностями и т.д.

Второй этап. Группа вопросов «присутствие – отсутствие». Как было отмечено, ряд категорий, выделенных молодыми людьми, достаточно абстрактен. Снизить степень неопределенности были призваны более конкретные вопросы относительно того, что обязательно должно присутствовать, а что отсутствовать на мероприятии. Так, эти вопросы позволили добавить девять новых элементов в дополнение к упомянутым ранее.

Соотношение необходимых и нежелательных элементов представлено на рис. 2.

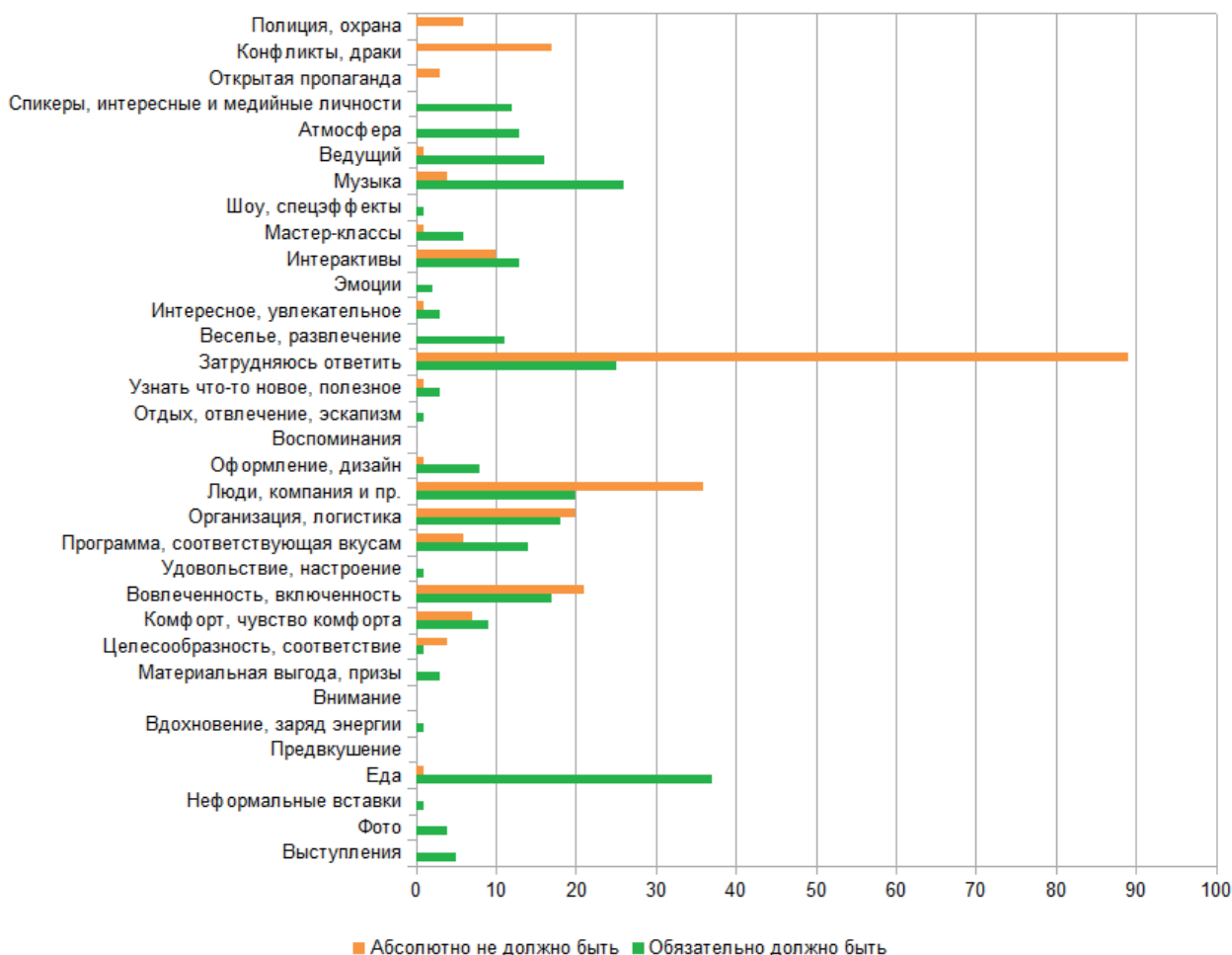

Рисунок 2. Необходимые и нежелательные элементы социокультурного ивент-мероприятия по восприятию молодежи

В данной группе наиболее часто упомянуты элементы (в порядке убывания частоты): еда, музыка, люди, вовлеченность, соответствующая программа, организация и пр. Здесь впервые упоминается значимость личности и поведения ведущего, наличия музыки, интерактивов и мастер-классов, присутствия медийных личностей (или других известных и значимых для молодых людей личностей), а также важность «атмосферы» (еще одна субъективная и комплексная категория, не проявленная ранее). Эти ответы гораздо более конкретны, чем ответы на схожий вопрос об ожиданиях. Молодые люди, выросшие в культуре потребления, достаточно четко представляют, что именно они хотят видеть представленным в инфраструктуре мероприятия и что, по их мнению, организатор обязан им предоставить.

Абстрактные категории, такие как ожидание «эмоций» или «интересность», здесь практически не были проявлены. Несмотря на преобладание возвышенных «духовных» ожиданий от мероприятия, перечень элементов, обязательных к присутствию на площадке мероприятия, в большей степени связывается с базовыми потребностями и комфортом, значимость которого уже отмечалась при анализе соотношения ожиданий и опасений.

Обратимся к ответам относительно состава элементов избегания на мероприятии и проанализируем соотношение неотъемлемых и исключаящихся элементов (аналогично тому, как это было реализовано в первой группе). Именно при ответе на этот вопрос резко выросла частота ответов «затрудняюсь».

Рост упоминаний избегания связан с негативными проявлениями следующих элементов (в порядке снижения частоты): самую значительную разницу показал элемент «люди», затем следуют элементы вовлеченности, организованности и логистики и целесообразности. В отношении остальных элементов упоминания отрицательных проявлений либо не превышают предпочтительные, либо вовсе отсутствуют.

Данная группа ответов дала еще три дополнительных элемента: конфликтные ситуации, присутствие охраны и открытая пропаганда чего-либо. Первые два элемента связываются с ожиданием комплексной характеристики «комфорта» и с потребностью эскапизма. Напоминание же о внешних опасностях нарушает «атмосферу» мероприятия, затрудняя передачу и восприятие на нем информации. Примечательно, что в ответах проявился и повторялся элемент «отсутствие открытой пропаганды». Приходя на мероприятия, молодежь хочет отвлечься не только от повседневной рутины, но и от активного вмешательства в свои собственные суждения. Таким образом, мы сталкиваемся с противоречием. В случае если мероприятие преследует общественно значимые, а не только рекреационные цели, оно так или иначе содержит элемент, связанный с донесением ценностей или идеалов. Это представляет фактор риска при организации мероприятий культурно-просветительской или патриотической направленности и обуславливает необходимость выбора «мягких» методов достижения целей, с потенциально возможным использованием элементов социальных технологий.

Третий этап. Сравнительная характеристика ответов. Объединяя данные рис. 1, 2, дадим комплексную характеристику ответов (рис. 3). В итоговый график вошли только те элементы, которые были упомянуты не менее чем в трех вопросах. При этом те элементы, которые упоминались во всех четырех, отмечены на рис. 3 знаком «*».

Дадим характеристику по каждому элементу, отмеченному на рис. 3 знаком «*» (при этом к базовым показателям мы будем относить те, которые могут быть охарактеризованы как безусловно ожидаемые и явно не проявляющиеся во второй паре вопросов, характеризующие необходимость присутствия того или иного элемента; а

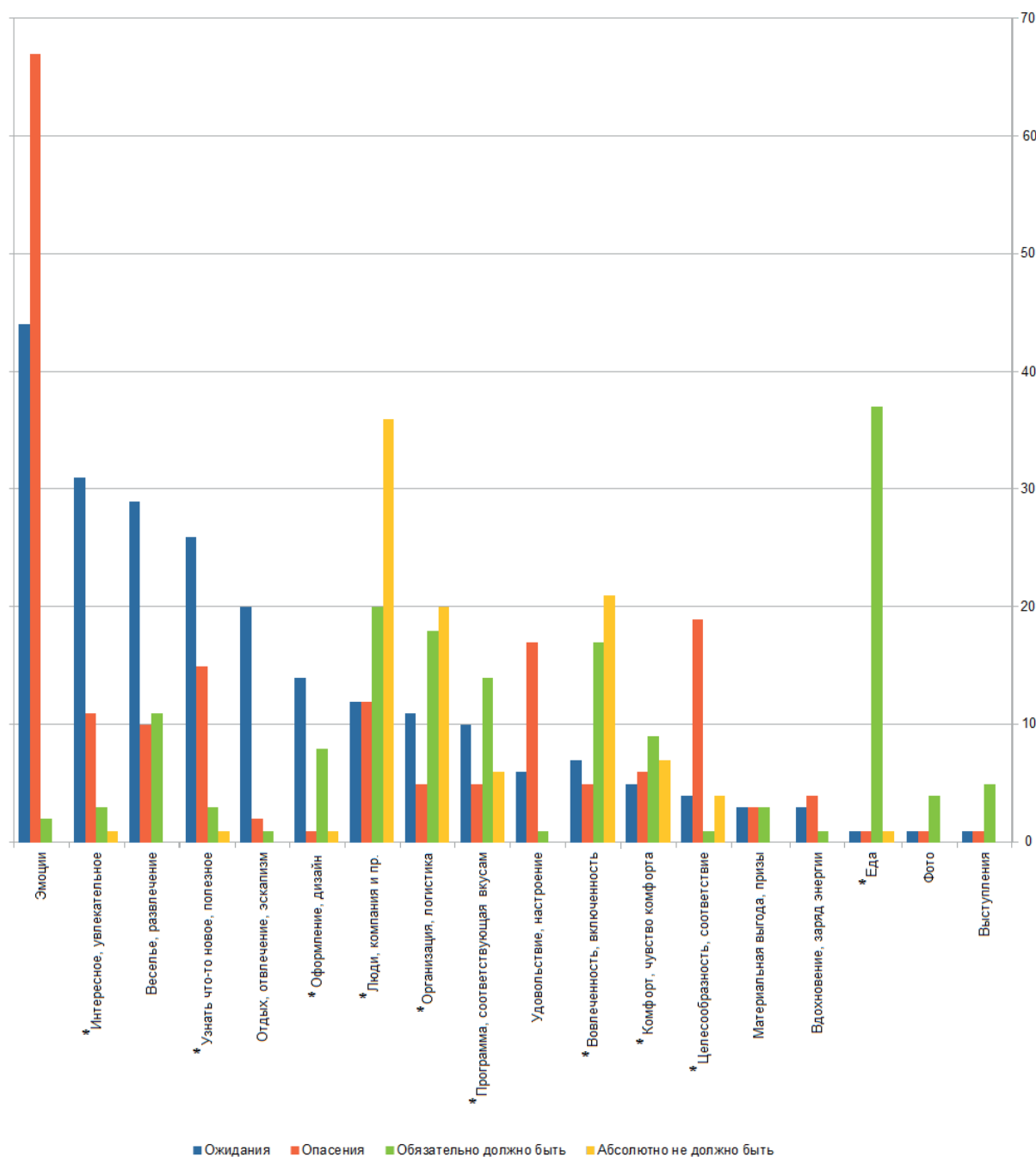

Рисунок 3. Сравнительная характеристика ответов по четырём изучаемым группам вопросов

к специальным – те, которые позволяют создать дополнительную ценность, не ожидаются изначально, но значимо проявляются в требованиях к наличию, опасениях отсутствия или негативного присутствия):

1. Интересность и увлекательность. Молодые люди ожидают этого, но поскольку категория абстрактна, опасения и предпочтения концентрируются на ином. Примечательно, однако, что это единственная абстрактная категория, попавшая в итоговый перечень.

2. Узнать что-то новое, полезное. Опасения не получить этого опыта достаточно велики, однако на инструментальном уровне (присутствие – отсутствие) категория не выражена. Наличие элемента формирует дополнительную ценность при наличии базового набора элементов.

3. Оформление, дизайн. Выражены упоминания только в положительных вариантах каждой пары вопросов, т.е. страх не получить этого практически отсутствует. Эти элементы стали привычными атрибутами мероприятия и представляют собой составляющую базового набора, но не влияют на создание дополнительной ценности.

4. Люди, компания. Для этого элемента ожидания показывают средние величины, однако при этом показатели важности присутствия и опасений относительно негативных проявлений значительно выше. Социальное окружение, опыт взаимодействия и наглядные ситуации могут как сформировать положительный опыт, создать «атмосферу», так и негативно повлиять на них, что является элементом дополнительной ценности.

5. Организация и логистика. Элемент также демонстрирует рост показателей «отсутствие – присутствие», при этом опасения невысоки. Элемент является базовым, априорно ожидаемым, однако при наличии заметных нарушений в работе площадки, задержки программы и т.д. он повлияет на ухудшение общего впечатления и снизит эффекта от мероприятия.

6. Содержание программы. Проявляется только в положительных формах вопросов, является базовым элементом. При этом опасения не получить его или получить не в полном соответствии с собственными вкусами невысоки. То есть при совокупном положительном эффекте от других элементов (в том числе и тех, которые создают дополнительную ценность) содержание программы не определяет конечные впечатления от нее. В отличие, надо отметить, от организованности программы, где, как пишут респонденты, не должно быть «слишком долгих заминок».

7. Вовлеченность и включенность. Проявляется преимущественно в отрицательных формах вопросов. Молодежь не так часто задумывается об этом элементе при ожидании мероприятия, но зато его отсутствие сказывается на опыте посещения негативно, что характеризует его с точки зрения дополнительной ценности. Равно как сказывается негативно и его некорректная реализация, о чем свидетельствуют такие ответы респондентов как «не должно быть насильственного вовлечения в процесс» или «не должно быть чрезмерного привлечения народа в какие-нибудь игры или активные части мероприятия» и пр.

8. Комфорт. Показатель невыраженно изменяется в четырех вопросах, демонстрируя определенный рост при отрицании и требовании к наличию, что позволяет отнести его к обеим группам, однако с большей вероятностью – к группе базовых.

9. Целесообразность. Элемент с активным ростом показателей при отрицательном условии, что позволяет оценить его как наиболее важный базовый элемент, влияющий как на посетительское намерение, так и на полученный опыт. При этом в ответах респондентов он в равной степени связывается с субъективной оценкой соответствия как временных и материальных затрат на посещение и полученного опыта, так и заявленной рекламы и фактической реализации мероприятия.

10. Еда. Элемент ярко проявляется только при указании на необходимость присутствия, практически не выделяясь в других вопросах. Несмотря на то, что он относится к базовым потребностям человека, показанное соотношение характеризует его, скорее, как элемент, формирующий дополнительную ценность.

Заключение

Проведенное качественное исследование позволило выявить следующие элементы, значимые для молодежи на социокультурных ивент-мероприятиях:

1. Ключевые элементы представлены одним обобщающим элементом (увлеченность), пятью базовыми (оформление, организованность, программное соот-

ветствие, комфорт, целесообразность) и четырьмя специальными, формирующими добавленную ценность мероприятия (познавательность, социальное окружение, вовлеченность, гастрономия).

2. Дополнительные элементы, влияющие на полученный опыт положительно и позволяющие манипулировать инфраструктурой мероприятия или содержанием его программы, включают: ведущего (его манеру, личность и т.д.), неординарных людей, интерактивы и мастер-классы, музыку. Они не создают непосредственной дополнительной ценности, однако их качественное выражение на мероприятии влияет на получаемый опыт.

3. Дополнительные элементы, влияющие на полученный опыт отрицательно, связаны с присутствием представителей охраны, несоответствующим ожиданиям социальным окружением, а также с прямым манипулированием организаторами отношением посетителей к некоему предмету (идее).

По каждому из заданных вопросов можно сделать следующие заключения:

1. Молодые люди ожидают от мероприятия: эмоционального отклика и запоминаемости, познавательного элемента, возможности отдохнуть, повеселиться и проявить социальную активность, а также слаженности работы организаторов, продуманной инфраструктуры при сохранении за самими молодыми людьми свободы выбора активностей на мероприятии, своего передвижения и участия. При этом им также важно понимать, что они не зря предпочли посещение этого мероприятия какому-либо своим делам. Это позволяет охарактеризовать молодых посетителей как в целом настроенных положительным образом ко многим мероприятиям, но при этом прагматичных, поскольку событийное разнообразие современного мира позволяет выбирать из нескольких вариантов.

2. Среди элементов, которые молодые люди опасаются не получить на мероприятии (или получить не в соответствии с собственными представлениями), были выделены элементы, связанные с комфортом, вдохновением, целесообразностью посещения. Также опасения связаны с неудачным социальным опытом на мероприятии и неудачным опытом участия в интерактивах. Для молодых людей важно получить не просто абстрактную эмоцию, но и некоторый «заряд энергии», который будет сопровождать их в повседневной жизни; и непосредственное социальное окружение на мероприятии, опыт взаимодействия с ним вносят значимый вклад в формирование этого опыта.

3. Молодые люди предполагают, что на мероприятии для них будет подготовлена соответствующая инфраструктура, включая как материальные элементы (еда, выступления, музыка, соответствующая программа, сувенирная продукция и пр.), так и элементы, связанные с получением собственного познавательного опыта (интерактивы, мастер-классы, другие виды вовлечения) либо с восприятием чужого опыта или личного примера (личность ведущего, присутствие неординарных персон и общий состав и настроение участников).

4. Анализ позволил выделить ситуации на мероприятии, которых следует опасаться. Современная молодежь проявляет чувство эмпатии, они способны почувствовать расположение организаторов (или ведущих) к аудитории (т.е. к себе), а также отношения внутри коллектива организаторов (как выразился один из респондентов, «видимая агрессия от организаторов и между ними»). Это подтверждает мнение, что для молодежи на мероприятиях важна «аутентичность во всем» (Как понравиться..., 2019). Последнее также обуславливает появление в списке нежелательных элементов «открытой пропаганды», так как она нарушает аутентичность проведения мероприятия и негативно сказывается на самовосприятии посетителя, который вместо

того, чтобы почувствовать себя значимым и достойным, будет воспринимать свое субъект-объектное положение.

В заключение отметим особенности данных респондентами ответов. Ответы, полученные на вопросы относительно ожиданий и опасений, содержат более общие и вместе с тем более субъективные категории (такие как, например, «эмоции»). Ответы же на вопросы относительно того, что должно и не должно быть на мероприятии, более конкретны и отражают состояние реальных явлений и процессов, имеющих место на мероприятии. На заданные вопросы-отрицания (об опасениях и о том, чего точно не должно быть на мероприятии) респонденты гораздо чаще затруднялись ответить, чем на вопросы-утверждения.

Можно заключить, что в основном у молодых людей нет сформировавшихся ожиданий относительно мероприятия или собственного видения того, каким должно быть идеальное мероприятие. Среди возможных причин можно выделить недостаточный опыт посещения мероприятий, несформированность собственных ожиданий, а также то, что выбор мероприятий не всегда определяется самими молодыми людьми, ввиду чего они не заинтересованы в рефлексии и анализе своих предпочтений (это, в частности, проявляется в частоте упоминания необходимости отсутствия принудительного посещения или вовлечения при ответе на вопрос о том, чего совершенно точно не должно быть на мероприятии.). Вместе с тем они имеют достаточно конкретные запросы относительно содержания мероприятия с точки зрения потребителя событийных услуг. Как в этом отношении четко указал один из респондентов, на мероприятии обязательно должна быть «клиентоориентированность».

Это одновременно усложняет и упрощает задачу организаторов мероприятий. С одной стороны, проведенное исследование показало, что даже в целом привлекательные элементы мероприятия при некорректной реализации, в несоответствии или противопоставлении восприятию посетителя способны спровоцировать негативную реакцию и добиться противоположного эффекта. С другой же стороны, отсутствие точного видения образа идеального мероприятия молодежью предоставляет широкие возможности для организации не только запоминающегося мероприятия, но и эффективно выполняющего общественно значимые задачи при условии разработки мероприятия в соответствии с принципами аутентичности и в согласовании с поколенческими особенностями восприятия.

Литература

- Алемасова, М.Л. (2020). Событийная коммуникация вуза в контексте подготовки к юбилею Победы. *Российская школа связей с общественностью*, 17, 181–188.
- Белозерова, И.А., Крикун, Е.В. (2020). Мониторинг культурно-досуговой деятельности студенческой молодежи. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 9(3), 30–34.
- Воловикова, М.И. (2018). Праздники российской молодежи: социально-психологическое исследование. *Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология*, 3(4), 31–42.
- Исаева, Е.Ю., Павлова, И.В., Бондаренкова, А.К. (2020). Диагностика досуговых потребностей как реализация возможностей студенческой молодежи в городской среде. *Гуманитарий Юга России*, 2 (9), 126–135.
- Кернерман, М.В. (2022). Событийный маркетинг в молодежной среде. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*, 4, 87–94. DOI: 10.24412/2310-1679-2022-447-87-94.
- Краснобаева, Е.А. (2019). Событийные коммуникации в системе дополнительного музыкального образования детей и юношества. *The Scientific Heritage*, 31, 7–10.
- Литвинов, В.Ю. (2022). Особенности восприятия праздников у молодежи из различных макрорегионов России. *Психологический журнал*, 1, 60–71. DOI: 10.31857/S020595920017738-7.
- Литвинова, М.В. (2019). Праздничный календарь как система педагогического проектирования в творческом вузе. *Преподаватель XXI век*, 2–1, 169–179.

- Максимова, К.А. (2020). Принципы формирования праздничного оформления городских общественных пространств. *Международный научно-исследовательский журнал*, 10-1, 46–51.
- Маркин, Р.Е. (2020). Городские массовые мероприятия: предпочтения молодежи. В Развитие территории в условиях современных вызовов: материалы национальной научно-практической конференции. Рязань: Изд-во Ипполитова, 168–174.
- Мартышенко, Н.С. (2020). Роль развлекательных ивент-мероприятий в организации досуга молодежи г. Владивостока. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 3(9), 256–259.
- Никитина, В.С. (2021). Сущность бренда: элементы и добавленная ценность. *E-Management*, 4(1), 58–67.
- Оселедчик, Е.Б., Велиев, Э.Э. (2017). Массовый праздник и молодежь. *Вестник Краснодарского государственного института культуры*, 2, 5.
- Петрова, Е.П. (2019). Структура и функции досуговой деятельности современной молодежи. *Экономика и социум*, 5, 1048–1055.
- Пищик, В.И. (2019). Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи. *Социальная психология и общество*, 10(2), 67–81.
- Хелал, М.Ю.И., Палей, Т.Ф. (2021). Эволюция концепции управления ценностью: обзор литературы. *Электронный экономический вестник Татарстана*, 1, 81–88.
- Ярошук, Ю.В., Иванова, И.В. (2021). Досуговые предпочтения современной молодежи. *Методист*, 3, 46–48.
- Kisilowska, M., Mierzecka A. (2019). Emotions, experience, identity – motivations of the teens' information behaviour in the area of culture. *Information Research*, 24(1), 1–16.
- Ramli, N., Januri, N.F.A., Ghani, W.S.W.A. (2018). The Influence of Event Performance Quality on Attendees' Satisfaction. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 8(7), 520–530. DOI:10.6007/IJARBS/v8-i7/4394.
- Stricklin, M.A., Ellis, G.D. (2018). Structuring quality experiences for event participants. *Event Management*, 22(3), 353–365. DOI:10.3727/152599518X15251972495591.
- Как понравится поколению Z: руководство для организаторов мероприятий. (2019). Режим доступа: <https://blog.eventrocks.ru/kak-ponravitsia-pokolieniu-z/>.
- «Окей, бумер», или Как организовать ивент для поколения Z (2019). Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/97666-okey-bumer-ili-kak-organizovat-ivent-dlya-pokoleniya-z>.
- Рикель, А. (2018). Обыденные ивенты поколения Z. Режим доступа: https://www.event-live.ru/articles/mnenie/mnenie-1_632.html.
- YouTube Culture & Trends Report 2022 (2022). Available at: <https://adindex.ru/news/tendencies/2022/12/6/308352.phtml>.

References

- Alemasova, M.L. (2020). Event communication of the university in the context of preparations for the anniversary of the Victory. *Russian School of Public Relations*, 17, 181–188.
- Belozerova, I.A., Krikun, E.V. (2020). Monitoring of cultural and leisure activities of student youth. *Research Azimuth: Pedagogy and Psychology*, 9(3), 30–34.
- Isaeva, E.Yu., Pavlova, I.V., Bondarenkova, A.K. (2020). Diagnosis of leisure needs as a realization of student youth opportunities in the urban environment. *Humanitarian of the South of Russia*, 2(9), 126–135.
- Kernerman, M.V. (2022). Event marketing in the youth environment. *Culture and education: scientific and informational journal of universities of culture and arts*, 4, 87–94. DOI: 10.24412/2310-1679-2022-447-87-94.
- Khelal, M.Yu.I., Paley, T.F. (2021). The evolution of the concept of value management: a review of the literature. *Electronic Economic Bulletin of Tatarstan*, 1, 81–88.
- Kisilowska, M., Mierzecka, A. (2019). Emotions, experience, identity – motivations of the teens' information behaviour in the area of culture. *Information Research*, 24(1), 1–16.
- Krasnobaeva, E.A. (2019). Event communications in the system of additional musical education for children and youth. *The Scientific Heritage*, 31, 7–10.
- Litvinov, V.Yu. (2022). Features of the perception of holidays among young people from various macro-regions of Russia. *Psychological Journal*, 1, 60–71. DOI: 10.31857/S020595920017738-7.
- Litvinova, M.V. (2019). Holiday calendar as a system of pedagogical design in a creative university. *Lecturer of XXI Century*, 2-1, 169–179.
- Maksimova, K.A. (2020). Principles of formation of festive decoration of urban public spaces. *International Research Journal*, 10-1, 46–51.
- Markin, R.E. (2020). City mass events: preferences of the youth. In Development of the territory in the face of modern challenges: materials of the national scientific and practical conference. Ryazan: Ippolitov Publishing House, 168–174.

- Martysenko, N.S. (2020). The role of entertainment events in the organization of leisure of youth in Vladivostok. *Research Azimuth: Economics and Management*, 3(9), 256–259.
- Nikitina, V.S. (2021). The essence of the brand: elements and added value. *E-Management*, 4(1), 58–67.
- Oseledchik, E.B., Veliyev, E.E. (2017). Mass holiday and youth. *Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture*, 2, 5.
- Petrova, E.P. (2019). The structure and functions of leisure activities of modern youth. *Economics and Society*, 5, 1048–1055.
- Pishchik, V.I. (2019). Value measurements of generations through actualized fears. *Social Psychology and Society*, 10(2), 67–81.
- Ramli, N., Januri, N.F.A., Ghani, W.S.W.A. (2018). The Influence of Event Performance Quality on Attendees' Satisfaction. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 8(7), 520–530. DOI: 10.6007/IJARBS/v8-i7/4394.
- Stricklin, M.A., Ellis, G.D. (2018). Structuring quality experiences for event participants. *Event Management*, 22(3), 353–365. DOI:10.3727/152599518X1525197249559.
- Volovikova M.I. (2018). Holidays of Russian youth: socio-psychological research Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. *Social and economic psychology*, 3(4), 31–42.
- Yaroshchuk, Yu.V., Ivanova, I.V. (2021). Leisure preferences of modern youth. *Methodist*, 3, 46–48.
- How to please Generation Z: A guide for event organizers. (2019). Available at: <https://blog.eventrocks.ru/kak-ponravitsia-pokolieniu-z/>.
- “Okay, boomer” or How to organize an event for generation Z (2019). Available at: <https://vc.ru/marketing/97666-okey-bumer-ili-kak-organizovat-ivent-dlya-pokoleniya-z>.
- Rikel, A. (2018). Everyday events of generation Z. Available at: https://www.event-live.ru/articles/mnenie/mnenie-1_632.html.
- YouTube Culture & Trends Report 2022 (2022). Available at: <https://adindex.ru/news/tendencies/2022/12/6/308352.phtml>.

Дата получения рукописи: 03.07.2023

Дата окончания рецензирования: 07.08.2023

Дата принятия к публикации: 16.08.2023

Информация об авторе

Шелгинская Виктория Алексеевна – аспирант кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: victoria.shelg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Shelginskaya Viktoria Alekseevna – postgraduate student of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia, e-mail: victoria.shelg@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

ПО СЛЕДАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ПУТЬ В НАУКУ»
(г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
20–21 АПРЕЛЯ 2023 г.)

Научная статья

УДК 327.55

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.7

EDN UEVSIA

**Риски и угрозы национальной безопасности России
в Азиатско-Тихоокеанском регионе****Даниил В. Яскевич¹**¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: daniil3008@gmail.com

Аннотация

Введение. Показаны основные особенности и акторы Азиатско-Тихоокеанского региона. Проанализирован комплекс возможных угроз. Рассмотрены ключевые геополитические конфликты и риски.

Методы. Методологическая основа работы – системный, рискологический и геополитический подходы к изучению национальной безопасности. В ходе исследования были использованы методы междисциплинарного и сравнительного подходов.

Результаты и их обсуждение. АТР – уязвимый регион с точки зрения безопасности из-за географических особенностей. На сегодняшний день существуют факторы, вызывающие нестабильность в АТР. Возрастает военное присутствие США и их союзников, а также растет напряженность со стороны КНДР и Кореи, особенно в свете их ядерного оружия. Кроме того, конфликты между Китаем и другими странами также могут представлять угрозу для безопасности АТР. Согласно проведенному исследованию, Россия находится в сложной геополитической ситуации в регионе, ее военный потенциал не соответствует потенциалу потенциальных противников. По мнению автора, большое количество устаревших самолетов в составе ПВО и недостаточная скорость обновления приводят к необходимости развертывания эшелонированной системы ПВО. Предложены меры по повышению безопасности и «москитному» формированию защитных сил.

Ключевые слова: национальная безопасность; угрозы национальной безопасности; Азиатско-Тихоокеанский регион; Дальний Восток; геополитическая угроза; военно-воздушные силы; военно-морские силы.

Для цитирования: Яскевич Д.В. (2023). Риски и угрозы национальной безопасности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 70–77. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.7

Risks and threats to Russia's National Security in the Asia-Pacific region**Daniil V. Yaskovich¹**¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: daniil3008@gmail.com

Abstract

Introduction. The main features and actors of the Asia-Pacific region are shown. The complex of possible threats is analyzed. The key geopolitical conflicts and risks are considered.

Methods. The methodological basis of the work is systemic, riskological and geopolitical approaches to the study of national security. Methods of interdisciplinary and comparative approaches were used during the study.

Results and discussion. The Asia-Pacific region is a vulnerable region from the point of view of security due to geographical features. To date, there are factors that cause instability in the Asia-Pacific region. The military presence of the United States and its allies is increasing, as well as tensions on the part of the DPRK and Korea, especially in light of their nuclear weapons. In addition, conflicts between China and other countries can also pose a threat to the security of the Asia-Pacific region. According to the study, Russia is in a difficult geopolitical situation in the region, its military potential does not match the potential of potential adversaries. According to the author, many of obsolete aircraft as part of the air defense and insufficient update speed leads to the need to deploy a layered air defense system. Measures to improve safety and “mosquito” formation of protective forces are proposed.

Keywords: national security; threats to national security; Asia-Pacific region; Far East; geopolitical threat; air force; naval forces.

For citation: Yaskovich D.V. (2023). Risks and threats to Russia's National Security in the Asia-Pacific region. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 70–77. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.7

Введение

В конце XX и начале XXI в. во всем мире наблюдается увеличение числа и масштабов общемировых кризисов природного, техногенного, социально-экономического и других типов. Главной особенностью подобных современных вызовов и проблем является их масштабность и непредсказуемость, а следовательно, усилившаяся сложность их прогнозирования и предотвращения в силу стремительного роста темпов глобализационных процессов по всему миру и их проникновения во все сферы общественной жизни. Различные типы, источники и масштабы угроз безопасности требуют соответствующих конфигураций систем для борьбы с ними. Специфический и всесторонний подход к преодолению угроз особенно важен в такой стране, как Россия.

Дальний Восток России потенциально может столкнуться с целым комплексом вызовов как внутреннего, так и внешнего характера. Геополитическое и географическое положение региона провоцируют борьбу за региональное лидерство между Россией, США, Китаем, Японией, КНДР и Южной Кореей. Центральное место Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в системе международных отношений, динамичный экономический и технологический рост стран АТР и растущий военный потенциал региона среди многих других факторов делают регион уязвимым и открытым конфликтным процессам с участием как глобальных, так и региональных стран-лидеров.

Геополитическая угроза рассмотрена В.П. Федоровым, который придерживается позиции, что прямая военная агрессия со стороны маловероятна, однако существуют другие геополитические проблемы, такие как демографическая экспансия, «мягкая сила» и информационные войны (Федоров, 2004).

Проблема во взаимоотношениях Тайваня с материковым Китаем в достаточной мере представлена в научном дискурсе. Исследователи анализировали исторические, военные и политические аспекты проблемы, прогнозировали дальнейшее развитие событий (Кулешова, Чэньи, 2022; Лексютина, 2022).

Вопрос Южных Курильских островов был рассмотрен в трудах таких исследователей, как А. Воронцов, А.А. Кошкин, Павлятенко и др. В их трудах были описаны основные этапы и события в развитии диалога между Россией и Японией по вопросу Южных Курильских островов, позиции сторон по этому вопросу и его правовые аспекты (Воронцов, 2007; Кошкин, 2007; Павлятенко, Семин, Тебин, Щербаков, 2006).

В статье В.Б. Евдокимова и М.В. Залоило были рассмотрены политико-правовые модели решения «Курильского вопроса», однако авторы пришли к выводу, что ни одна из имеющихся моделей («аландская», «гонконгская», «амурская», «модель парка мира» и иные варианты) не может быть использована в чистом виде (Евдокимов, Залоило, 2021).

В работах А.Я. Анцупова с соавт., А.А. Дегтярева, А.В. Дятлова с соавт. рассматриваются методологические вопросы исследования, описывается природа, особенности и принципы методов военно-политического анализа, которые в основном используются при изучении военной сферы и ее модернизации (Анцупов, Кандыбович, Прошанов, 2020; Дегтярев, 2014; Dyatlov et al., 2015).

Экономические и инфраструктурные проблемы были рассмотрены Е.В. Андрюшиной и Е.А. Пановой, в их работе анализируются экономические угрозы, которые могут возникнуть на Дальнем Востоке, включая снижение инвестиций и экономическую нестабильность. По мнению авторов, главным условием сохранения

Дальнего Востока является его развитие, учитывая различные перспективы и возможности региона в свете потенциальных угроз (Андрюшина, Панова, 2016).

Проведенный анализ демографической проблемы показал значительное различие по плотности населения приграничных регионов России и прилегающих к ним иностранных территорий (Буховец, 2006; Шмелев, 2006).

Основными угрозами являются афганский трафик и местное производство. Специфической особенностью Дальнего Востока в данном контексте из-за его географического положения является контрабанда через регион наркотических веществ в страны АТР. Близость с Китаем также оказывает существенное влияние из-за производства в стране запрещенных в РФ синтетических наркотических и лекарственных средств, ввоз которых в Россию облегчен безвизовым порядком пересечения границы (Ролик, 2012).

В настоящее время исследования национальной безопасности в рамках Дальневосточного и Азиатско-Тихоокеанского регионов фокусируются на отдельных аспектах, не рассматривая картину целиком. В то же время обеспечение национальной безопасности возможно только при комплексном анализе угроз и последующей разработке мер их преодоления.

Целью данной работы является выявление внешнего комплекса вызовов и угроз национальной безопасности РФ в АТР.

Методы

Методологической основой работы выступает: системный подход к изучению национальной безопасности, позволяющий рассматривать ее как состояние социальной системы, обеспечивающее последней успешное противостояние внешним и внутренним угрозам; рискологический подход, позволяющий выявить и описать основные угрозы национальной безопасности Российского государства; геополитический подход, открывающий возможности для исследования современных мировых процессов. В ходе решения поставленных в исследовании задач были использованы методы междисциплинарного, сравнительного и социокультурного подходов.

Результаты

Учитывая географические особенности и расположение, Дальний Восток с точки зрения обеспечения безопасности представляется достаточно уязвимым в отношении как военных, так и невоенных вызовов и угроз. Вопросы безопасности были и остаются ключевыми на протяжении всей истории региона. На данный момент существует ряд факторов, которые определяют нестабильность в АТР, риск усиления военного присутствия США и их союзников в регионе.

Также отметим, что повышение градуса риторики официальных лиц КНДР и Республики Корея в дополнение к тому, что КНДР владеет ядерным оружием, а союзником Республики Корея являются США, разжигание конфликтов между КНР и Тайванем и КНР и Индией могут нести следующие угрозы для ДФО:

- прямое втягивание в вооруженный конфликт;
- посредственное нанесение урона (например, радиация от объектов ядерной программы КНДР или атомных электростанций Японии и Китая);
- нарушение логистики и экономических процессов, что может повлечь серьезные экономические потери как для региона, так и для России в целом (например, уничтожение газопроводов, изоляция портов, снижение потребления или дополнительные санкции);
- беженцы с данных территорий, хоть данная угроза и не рассмотрена в научной литературе применительно к Дальневосточному региону.

В настоящее время наблюдаются активные внешнеполитические претензии Китая на гегемонию в Северо-Восточной и Южной Азии. С конца XX в. геополитическое положение России на Дальнем Востоке утратило свою стабильность и показывает отрицательные тенденции. После развала Советского Союза политическое влияние России на Дальнем Востоке начало катастрофически снижаться. Одновременно с этим процессом в течение последних нескольких десятков лет наблюдается экспансия Китая в экономическое и политическое пространство стран АТР. Китай приобрел статус экономической сверхдержавы и одного из основных субъектов международных отношений в регионе. Стоит отметить, что у России с Китаем также были вооруженные конфликты, в том числе и между Китаем и Советским Союзом, обладавшим гораздо большей военной мощью по сравнению с Китаем.

Военная безопасность является важной составляющей национальной безопасности. Несмотря на большое количество различных угроз, классические методы обеспечения безопасности сохраняют актуальность, учитывая географические и прочие особенности России.

С учетом вышесказанного был проведен сравнительный анализ военного потенциала России и других крупных государств, играющих важную роль в вопросах безопасности АТР. Большая часть Тихоокеанского флота РФ (ТОФ) находится в резерве или на ремонте, устаревшие боевые единицы мало что смогут противопоставить новым и многочисленным войскам потенциального противника (Ходаренок, 2021). Массового пополнения боевых надводных кораблей на Дальнем Востоке в ближайшей перспективе не будет.

Однако вооруженные силы Народно-освободительной армии Китая (НОАК) значительно превосходят военный потенциал России на тихоокеанском побережье. Например, военно-морские силы НОАК уже имеют один действующий авианосец, два находятся на испытаниях, а еще три находятся в процессе строительства (Затикян, 2017). По данным *The Military Balance* (*The Military Balance*, 2022), на вооружении морской авиации ВМС НОАК 74 военно-воздушные единицы (вторая армия в мире по этому показателю после американской). По данным ТАСС (Чем вооружен..., 2019), ВМС НОАК занимают первое место в мире по числу боевых катеров, эксплуатируют 28 эскадренных миноносцев (по данным *The Military Balance*, на 2020 г. – 23; третье место после ВМС США и Японии – 64 и 32 соответственно (*The Military Balance*, 2020)).

Кроме того, Российской Федерации предстоит решать серьезные территориальные проблемы с Японией относительно южных островов Курильской гряды. Несмотря на то, что с начала XX в. Россия старалась наладить дружественные отношения с Японией, эти старания не увенчались успехом. Япония, будучи одним из крупнейших игроков глобальной и региональной политики, вступила на путь территориальных захватов после революции Мэйдзи во второй половине XIX в. Кроме того, Япония была инициатором нескольких крупных военных конфликтов в АТР, в результате которых пострадали Корея, Китай, Россия и США.

На данный момент Силы самообороны Японии имеют в своем распоряжении более 250 тыс. человек личного состава и 8 тыс. в резерве.

На вооружении ВМС Японии стоит 4 авианосца, 36 эсминцев, 17 подлодок.

Тихоокеанский флот ВМС США считается крупнейшим региональным военно-морским формированием в мире. В зону его ответственности входят территории площадью 100 млн квадратных миль – от Антарктиды до Полярного круга и от Западного побережья Соединенных Штатов до Индийского океана. В состав флота входят более 200 кораблей и подводных лодок, около 1200 самолетов и более 130 тыс. моряков и гражданских сотрудников.

Сравнительный анализ военно-морских сил в АТР показывает, что ТОФ уступает по возможностям своим потенциальным противникам и не соответствует потенциально возможным угрозам, а также имеет достаточно уязвимое положение, которое может не позволить реализовать имеющиеся возможности.

Поскольку граница РФ и КНР составляет 4209,3 км, нам также представляется необходимым рассмотреть соотношение сухопутного (табл. 1) и воздушного потенциала.

Таблица 1

Сравнение боевого потенциала наземных сил РФ, КНР и Японии

Вид вооружения	Восточный военный округ Российской Федерации	Китай	Япония
Танки	900	9150	679
ББМ	1400	6600	> 3000
Пусковые установки тактических ракет	48	1500	Нет данных
Артиллерийские установки	1100	≈ 8450	> 800
Минометы	> 300	≈ 10000	
Реактивные системы залпового огня (РСЗО)	> 400	4000	
Противотанковые средства различных модификаций	> 450	≈ 8000	

Основным преимуществом сухопутных войск КНР является их массовость. Ни одна армия мира на данный момент не обладает личным составом численностью около 1,3 млн и резервом, превышающим 3 млн человек (Губин, 2018).

Военно-воздушные силы Китая занимают первое место в Азии и третье в мире (после США и России) по количеству технических единиц. В общей сложности они насчитывают 2100 боевых самолетов и 475 транспортных самолетов. Большинство китайских самолетов все еще старые, второго и третьего поколения, но темпы обновления парка позволяют предположить, что в ближайшем будущем большинство китайских самолетов будут четвертого и пятого поколения (Истомин, Водопьянов, Старостин, Ларионова, 2018).

Авиация Восточного военного округа РФ обладает примерно 250 боевыми самолетами и 150 вертолетами. Большое количество техники является устаревшим.

ВВС Японии насчитывают более 700 вертолетов и 1000 самолетов.

Наземная противовоздушная оборона РФ в районе АТР на данный момент не может считаться достаточной с учетом всех перечисленных угроз. Данную территорию можно считать не прикрытой ПВО, что является серьезной угрозой для военной безопасности региона и страны в целом.

На Сахалине и Курильских островах расположены две батареи противокорабельных комплексов «Бал», что позволяет незначительно снизить разрыв в оснащении флотов.

Отдельно стоит отметить слабо развитую инфраструктуру региона, такую как железные, автомобильные дороги (в некоторых районах сохраняется только речное сообщение), оптоволоконные линии и прочая связь с остальной частью России, что не позволит эффективно реагировать на угрозы, перестраивать логистику и проводить маневры в случае возникновения конфликта или чрезвычайной ситуации.

Нам также представляется, что значимую роль в обеспечении национальной безопасности играют современные информационные технологии, такие как суперкомпьютеры. Так называют высокотехнологичные компьютерные устройства, наиболее мощные в настоящий момент времени, предназначенные для решения особых задач. Примерами использования суперкомпьютеров могут быть разработка новых лекарственных препаратов, математическое моделирование и решение сложных задач, прогнозирование глобальных климатических изменений и т.д. Однако они могут быть использованы и в качестве защиты от информационных угроз национальной безопасности государства либо для атак на потенциального противника. Несмотря на то, что Россия имеет свои суперкомпьютеры, они не являются лидерами в общемировом рейтинге и не могут составить конкуренцию суперкомпьютерам Китая.

Таким образом, несмотря на актуальные шаги по обеспечению безопасности региона, имеющихся мер и средств недостаточно для реализации национальных интересов России.

На военном фронте сохраняются потенциальные военные угрозы со стороны НАТО и их союзников, которые стремятся ограничить присутствие России в ее исторических сферах влияния. Силовой потенциал российских войск сохраняет разрыв с силами потенциальных противников, однако российские воинские части, вооружения и военная техника стареют морально и физически. В стране наблюдается серьезный кризис в военно-промышленном комплексе, а также военно-политическая напряженность и очаги вооруженных конфликтов на периферии Российской Федерации.

Важным аспектом для снижения геополитической угрозы со стороны Японии являются взаимные усилия по преодолению исторических разногласий и различных интерпретаций исторических событий. Можно утверждать, что установление доверительных отношений между двумя странами и урегулирование территориальных споров является одной из важнейших предпосылок обеспечения безопасности и стабильности в регионе.

Учитывая географические особенности региона и современные концепции ведения боевых действий, наиболее выгодной выглядит «москитная» стратегия, которая включает в себя:

1. Развитие группировок БПЛА вида: искатель-охотник, где несколько разведывательно-ударных БПЛА (например, «Иноходец» или «Орлан») выполняют поиск и наведение на цель, а уничтожение происходит с помощью большого количества недорогих барражирующих управляемых боеприпасов различного типа.

2. Создание управляемых, с возможностью быстрого развертывания и перемещения, минных полей водного/подводного базирования с минимумом электромагнитной заметности.

3. Развитие «москитного» флота. В последних конфликтах тактика применения ОКР «Калибр» водного базирования (малые ракетные корабли проекта 22800 «Каракурт» и малые ракетные корабли проекта 21631 «Буян-М») показала высокую эффективность, а возможность нести в том числе противокорабельные ракеты повышает гибкость применения данного вида кораблей.

4. Усиление ПВО и ПРО. Доминирование в воздухе – одна из основных задач в любом конфликте, однако большое количество устаревшей авиации и недостаточная скорость обновления приводят к тому, что необходимо разворачивать эшелонированную систему ПВО (С-400, С-300/350, затем «Тор-2М», большое количество «Панцирь-1С» и ЗУ 23-4 «Шилка»).

Литература

- Андрюшина, Е.В., Панова, Е.А. (2016). Современная государственная политика по развитию Дальнего Востока: основные направления, проблемы и перспективы. *Власть*, 12, 51–56.
- Анцупов, А.Я., Кандыбович, С.Л., Прошанов, С.Л. (2020). Актуальные проблемы социологии. М.: Проспект, 296.
- Дегтярев, А.А. (2014). Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле исследования. *Политические исследования*, 1, 154–168.
- Буховец, О.Г. (2006). Россия: опасность утраты Сибири и Дальнего Востока в свете демографии и геополитики. *Белорусский экономический журнал*, 4, 38–49.
- Воронцов, А. (2007). Основные тенденции современной международной ситуации в Восточной Азии. *Проблемы Дальнего Востока*, 3, 28–29.
- Евдокимов, В.Б., Залоило, М.В. (2021). «Курильский вопрос»: политико-правовые модели решения в аспекте конституционных преобразований. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 26(3), 147–157.
- Затикян, Т.Т. (2017). Военный потенциал Китайской Народной Республики. *Актуальные проблемы современных международных отношений*, 9, 107–115.
- Кошкин, А.А. (2007). Россия на Курилах. *Проблемы Дальнего Востока*, 1, 92–96.
- Кулешова, Н.С., Чжан Чэньи (2022). Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем в контексте новой геополитической ситуации. *Обозреватель*, 9–10, 5–28.
- Лексютин, Я.В. (2022). Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем. *Международная аналитика*, 13(4), 76–93.
- Павлятенко, В., Семин, А., Тебин, Н., Щербаков, Д. Япония в 2005 году. *Проблемы Дальнего Востока*. 2006, 3, 98–108.
- Ролик, А.И. (2012). Наркопреступность в России и Азиатско-Тихоокеанском регионе: глобальные угрозы и стратегия борьбы. *Всероссийский криминологический журнал*, 4, 89–95.
- Федоров, В.П. (2004). Россия: внутренние и внешние опасности. М.: ОГНИ-Пресс, Крафт, 336.
- Шмелев, Н.П. (2006). Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего. *Белорусский экономический журнал*, 2, 7–15.
- Dyatlov, A.V., Kumykov, A.M., Lubsky, A.V. et al. (2015). National security: paradigmatic fundamentals of research practices. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(5 S4), 266–271.
- Губин, А.В. (2018). Действия ВМС США нарушают спокойствие у морских границ Китая. Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/52172/>.
- Истомин, И., Водопьянов, К., Старостин, Н., Ларионова, А. (2018). Политика США в Восточной Азии в период правления администрации Д. Трампа. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-dtrampa/>.
- Ходаренок, М. (2021). Юбилей «забытого флота»: что не так с Тихоокеанскими морскими силами России. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/2021/05/21/13602062.shtml>.
- Чем вооружен флот Китая (2019). Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6367033>.
- The military balance (2020). Available at: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>.
- The military balance (2022). Available at: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>.

References

- Andryushina, E.V., Panova, E.A. (2016). Modern state policy on the development of the Far East: main directions, problems and prospects. *Power*, 12, 51–56.
- Antsupov, A.Ya., Kandybovich, S.L., Proshanov, S.L. (2020). Actual problems of sociology. Moscow: Prospect, 296.
- Bukhovets, O.G. (2006). Russia: the danger of the loss of Siberia and the Far East in the light of demography and geopolitics. *Belarusian Economic Journal*, 4, 38–49.
- Degtyarev, A.A. (2014) Political analysis as an applied discipline: the subject field of research. *Political Studies*, 1, 154–168.
- Dyatlov, A.V., Kumykov, A.M., Lubsky, A.V. et al. (2015). National security: paradigmatic fundamentals of research practices. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(5 S4), 266–271.
- Evdokimov, V.B., Zaloilo, M.V. (2021). “The Kuril question”: political and legal models of solution in the aspect of constitutional transformations. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International Relations*, 26(3), 147–157.
- Fedorov, V.P. (2004). Russia: internal and external dangers. Moscow: OGNI-Press, Kraft, 336.
- Koshkin, A.A. (2007). Russia on the Kuril Islands. *Problems of the Far East*, 1, 92–96.
- Kuleshova, N.S., Zhang Chenyi (2022). The power path of unification of Taiwan with mainland China in the context of the new geopolitical situation. *Observer*, 9–10, 5–28.

- Leksyutina, Ya.V. (2022). Strategy and tactics of Taiwan's foreign policy in the context of escalating tensions with China. *International Analytics*, 13(4), 76–93.
- Pavlyatenko, V., Semin, A., Tebin, N., Shcherbakov, D. (2006). Japan in 2005. *Problems of the Far East*, 3, 98–108.
- Rolik, A.I. (2012). Drug crime in Russia and the Asia-Pacific region: global threats and a strategy to combat. *All-Russian Journal of Criminology*, 4, 89–95.
- Shmelev, N.P. (2006). Russia in 50 years: possible scenarios of the future. *Belarusian Economic Journal*, 2, 7–15.
- Vorontsov, A. (2007). The main trends of the current international situation in East Asia. *Problems of the Far East*, 3, 28–29.
- Zatikyan, T.T. (2017). The military potential of the People's Republic of China. *Actual problems of modern International Relations*, 9, 107–115.
- Gubin, A.V. (2018). The actions of the US Navy violate the calm at the maritime borders of China. Available at: <https://riss.ru/analytics/52172/>.
- Istomin, I., Vodopyanov, K., Starostin, N., Larionova, A. (2018) U.S. policy in East Asia during the administration of D. Trump. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-dtrampa/>.
- Khodarenok, M. (2021). Anniversary of the “forgotten fleet”: what's wrong with Russia's Pacific Naval Forces. Available at: <https://www.gazeta.ru/army/2021/05/21/13602062.shtml>.
- The military balance (2020). Available at: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>.
- The military balance (2022). Available at: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>.
- What is the armed fleet of China (2019). Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6367033>.

Дата получения рукописи: 27.07.2023

Дата окончания рецензирования: 07.08.2023

Дата принятия к публикации: 15.08.2023

Информация об авторе

Яскевич Даниил Витальевич – студент экономического факультета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: daniil3008@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about an author

Yaskevich Daniil Vitalievich – student, Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: daniil3008@gmail.com

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.334:61

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.8

EDN XRJJNL

**Комфортная городская среда: система общественного транспорта
в оценках жителей г. Ростова-на-Дону****Полина А. Зекунова¹**¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: polina.zekunova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Основной темой статьи является рассмотрение системы общественного транспорта как элемента комфортной городской среды. В ней также представлены результаты авторского исследования системы общественного транспорта в оценках жителей г. Ростова-на-Дону. В работе рассматриваются методологические подходы к исследованию системы общественного транспорта.

Методы. Эмпирическую основу статьи составляют результаты анкетного опроса, проведенного автором.

Результаты и их обсуждение. Исследования города, городской среды и ее комфорта в отдельных сферах, в том числе системы городского общественного транспорта, интересны и перспективны для социолога. Такие исследования предоставляют возможность получить содержательные эмпирические данные в динамике, сравнивать и оценивать города России по параметрам комфортности, а значит, дать практические рекомендации по улучшению благоустройства города и повышению комфортности для его жителей.

Ключевые слова: городская среда, общественный транспорт, система транспорта, комфортная среда.

Для цитирования: Зекунова П.А. (2023). *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 78–82. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.8>

**Comfortable urban environment: public transport system
in the estimates of residents of Rostov-on-Don****Polina A. Zekunova¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: polina.zekunova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The main topic of the article is the consideration of the public transport system as an element of a comfortable urban environment. It also presents the results of its own research of the public transport system in the estimates of residents of Rostov-on-Don. The paper discusses methodological approaches to the study of the public transport system.

Methods. The empirical basis of the article is the results of a questionnaire survey conducted by the author.

Results and its discussion. Studies of the city, the urban environment and its comfort in certain areas, including the urban public transport system, are interesting and promising for a sociologist. Such studies provide an opportunity not only to obtain meaningful empirical data in dynamics, to compare and evaluate Russian cities by comfort parameters, and therefore to give practical recommendations for improving the improvement of the city and increasing comfort for its residents.

Keywords: social trust; social distrust; institution of healthcare; COVID-19 pandemic; consumers of medical services; agents.

For citation: Zekunova P. A. (2023). Comfortable urban environment: public transport system in the estimates of residents of Rostov-on-Don. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 78–82. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.8>

Введение

Современный этап мирового общественного развития характеризуется ростом темпа урбанизации и дальнейшей эволюции роли города, а следовательно, интересом к городскому пространству как объекту исследования. Города являются сейчас не только субъектом экономического и территориального значения, но и социокультурным местом взаимодействия разных групп горожан. Предметная область изучения города расширяется и передвигается в сторону качества жизни горожан и комфортности городской среды (Дунаева, 2021).

Транспортная инфраструктура – важная составляющая и условие комфортности городской среды, удовлетворяющая потребности жителей в передвижении к различным городским объектам по доступной цене. По данным Росстата, пассажирооборот только автобусного транспорта в России за 2021 г. составил 8 063 755 тыс. человек (Транспорт, 1999–2023). Для того чтобы оценить степень комфортности системы городского общественного транспорта, могут применяться разные исследовательские подходы. Так, транспорт может быть оценен по объективным и субъективным параметрам. Объективные параметры формируются на основе статистических или числовых показателей: количество единиц транспорта в транспортных депо города, количество погибших в ДТП в общественном транспорте за год, средняя скорость того или иного вида транспорта, пропускная способность дорожно-транспортной сети, средний возраст автобусов и т.д. (Транспортные системы..., 2021). Субъективные параметры основаны на личном восприятии жителей города качества услуг общественного транспорта. Это показатели времени ожидания транспорта, чистоты салонов, отношения водителей и кондукторов, удобства существующих маршрутов, переполненности в час пик. Такой комплексный подход позволяет увидеть узкие места и перспективы роста качества транспортных коммуникаций городов, а значит, сделать их комфортнее и привлекательнее для жителей.

В данной статье принято следующее понятие системы городского общественного транспорта: это транспортные средства и вспомогательные элементы, которые используются в ходе или для целей оказания общедоступных услуг по перевозке людей внутри города.

Методы

Опираясь на методологию исследований транспортной системы различных российских городов (Цой, Щеколдин, Долгих, 2017), мы определили собственный выбор субъективных показателей оценки жителями транспортной системы Ростова-на-Дону. Для исследования были выбраны четыре района города: Левенцовский, Суворовский, Первомайский и центральный (включает в себя Ленинский и Кировский районы, которые были объединены по причине территориальной близости и схожести транспортных маршрутов). Выбор районов обусловлен несколькими факторами. Во-первых, для того чтобы выявить различия в оценках, были выбраны старые (центральный и Первомайский) и новые районы (Левенцовский и Суворовский). Их транспортные системы различаются возрастом формирования и степенью отлаженности функционирования транспортных маршрутов. Во-вторых, центральный район является основным узлом коммуникации, поскольку с него начинается и через него проходит большинство маршрутов. Такой выборочный подход позволяет сосредоточить внимание на типичных и особенных районах города и сделать заключение от части к целому, проверить гипотезу и получить необходимые данные для исследования, затратив меньшее количество ресурсов.

Левенцовский и Суворовский – молодые микрорайоны, которые начали застраиваться примерно в 2012 г. Они равноудалены от центра города на 12 км. Население каждого – 70–85 тыс. человек. Первомайский – старый район, образованный в 1936 г., удален от центра примерно на 11 км. Население – около 188 тыс. жителей. Кировский и Ленинский – центральные районы города, образованные в 1936 и 1920 гг. соответственно. На их территории проживает около 150 тыс. горожан. Их транспортные маршруты тесно переплетены, а иногда и вовсе совпадают, поэтому для исследования они были объединены в центральный район.

Опрос был проведен в онлайн-формате. Респонденты были набраны методом снежного кома. Из числа опрошенных 70% составили женщины, 30% – мужчины. В большинстве оказались представители молодежи от 18 до 35 лет – около 86 %, остальная доля пришлась на жителей в возрасте 36 лет и старше.

Основная часть анкеты состояла из тематических блоков, которые обозначали определенные группы эмпирических индикаторов. Каждый блок подразумевал шкальные вопросы для оценки определенного индикатора. Респонденты оценивали эти переменные по шкале от 1 до 5, где 1 – «совсем не удовлетворен», а 5 – «полностью удовлетворен».

Гипотеза исследования состояла в том, что оценки жителей новых районов и центрального будут существенно отличаться в пользу центрального, и жители последнего будут более удовлетворены работой общественного транспорта, поскольку на отлаженность системы в нем ушло длительное время и большие усилия городских служб; однако часы пик уравнивают это преимущество для жителей центрального района, оценки удовлетворенности по показателю переполненности салонов будут близки с другими районами, и эта проблема будет главной для жителей центра.

Результаты

По результатам исследования были выведены средние оценки для всех групп индикаторов для каждого района (рис. 1). Предполагалось, что наиболее удовлетворенными системой общественного транспорта окажутся жители центрального района, поскольку именно здесь сосредоточена деловая, культурная и досуговая городская жизнь, проходят наиболее протяженные и популярные маршруты общественного транспорта. Эта часть гипотезы подтвердилась: центральный район действительно получил более высокие оценки по удовлетворенности его жителей транспортной системой, однако вместе с ним такие же оценки получил Первомайский район. Несмотря на отдаленность от центра города, видимо, в силу своего возраста он имеет отлаженную систему общественного транспорта.

Рисунок 1. Средняя оценка районов по всем группам показателей (пятибалльная шкала)

Вторая часть гипотезы предполагала, что жители молодых районов, Левенцовского и Суворовского, будут менее удовлетворены работой общественного

транспорта, чем жители центрального района; это подтвердилось как при анализе оценок по каждой группе индикаторов, так и при подведении итогов: эти районы получили наименьшую оценку.

Последняя часть гипотезы касалась оценки переполненности салона транспорта в час пик: предполагалось, что проблема, связанная с чрезмерной наполненностью салонов транспортных средств в час пик, будет основной для жителей центрального района и этот показатель в целом будет характерен для жителей всех исследуемых районов.

Результаты оценок по районам этого параметра можно увидеть на рис. 2. Ни один из районов даже не достиг отметки «2» по пятибалльной шкале. Это самые низкие оценки у жителей всех районов.

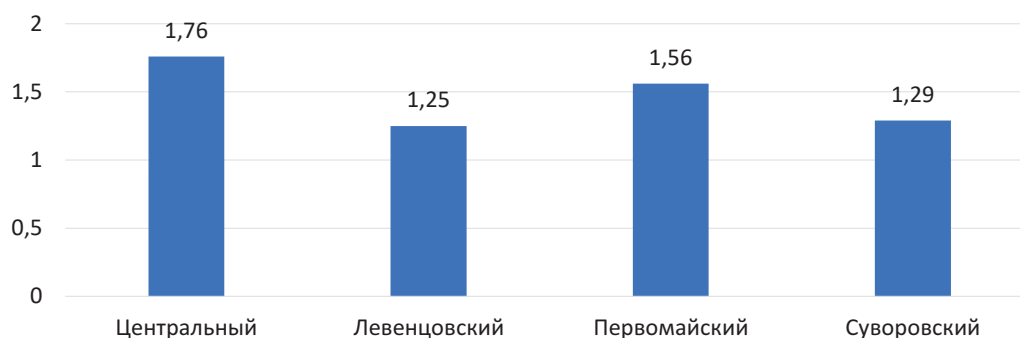

Рисунок 2. Средняя оценка жителей районов по параметру «Наполненность (теснота) салона в час пик» (пятибалльная шкала)

Заключение

Можно сделать следующий вывод: гипотеза, с одной стороны, подтвердилась. Транспортная инфраструктура центрального района действительно имеет более высокие оценки, чем молодые районы, однако набранные 3,5 балла по пятибалльной шкале указывают лишь на удовлетворительный уровень развития общественного транспорта этого района, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что жители какого-либо района действительно удовлетворены в полной мере предоставляемыми общественными благами.

Таким образом, исследования города, городской среды и ее комфорта в отдельных сферах, в том числе системы городского общественного транспорта, интересны и перспективны для социолога. Такие исследования предоставляют возможность получить содержательные эмпирические данные в динамике, сравнивать и оценивать города России по параметрам комфортности и на этой основе дать практические рекомендации по улучшению благоустройства города и повышению комфортности для его жителей.

Литература

- Дунаева, Д.О. (2021). Дискурсивные практики горожан как коммуникативный механизм формирования образа комфортного города (опыт полевого исследования). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 60, 137–150.
- Цой, М.Е., Щеколдин, В.Ю., Долгих И.В. (2017). Исследование факторов, влияющих на удовлетворенность потребителей качеством услуг городского общественного транспорта. *Российское предпринимательство*, 21, 3238–3256.
- Транспорт (1999–2023). Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport>.

Транспортные системы 25 городов мира. МакКинси. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights/building-an-efficient-transportation-system-five-takeaways-from-a-mckinsey-study-covering-25-cities-around-the-world>.

References

Dunaeva, D.O. (2021). Discursive practices of citizens as a communicative mechanism for forming the image of a comfortable city (field research experience). *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 60, 137–150.

Tsoi, M.E., Shchekoldin, V.Yu., Dolgikh, I.V. (2017). Study of factors affecting consumer satisfaction with the quality of urban public transport services. *Russian Entrepreneurship*, 21, 3238–3256.

Transport (1999–2023). Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport>.

Transport systems of 25 cities around the world. McKinsey. Available at: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights/building-an-efficient-transportation-system-five-takeaways-from-a-mckinsey-study-covering-25-cities-around-the-world>

Дата получения рукописи: 25.08.2023

Дата окончания рецензирования: 12.09.2023

Дата принятия к публикации: 19.09.2023

Информация об авторе

Зекунова Полина Александровна – студент IV курса Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: polina.zekunova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about an author

Zekunova Polina Aleksandrovna – 4th year student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: polina.zekunova@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.3

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.9

EDN MNYETP

Возможности и барьеры профессиональной самореализации молодежи в современной России

Алина Д. Иванова¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: alina.ivanova.work@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном обществе проблема профессиональной самореализации достаточно актуальна. Развитие профессиональных навыков и умений, выявление карьерных стратегий играют важную роль в экономике Российской Федерации. Существует определенный перечень возможностей, которые доступны любому гражданину государства: поступление в университеты и учебные заведения среднего специального образования по системе конкурсного отбора, работа учебных заведений по информированию молодых людей о перспективных направлениях деятельности и др. Государственная политика определяет множество направлений для создания необходимой среды для профессионального совершенствования молодежи. Также в статье рассматриваются некоторые барьеры, препятствующие профессиональной самореализации молодых специалистов.

Ключевые слова: профессиональная самореализация; личностный рост; развитие молодежи; карьерный рост.

Для цитирования: Иванова А.Д. (2023). *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 83–86. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.9>

Opportunities and barriers to professional self-realization of young people in modern Russia

Alina D. Ivanova¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: alina.ivanova.work@yandex.ru

Abstract

Introduction. In modern society, the problem of professional self-realization is quite relevant. The development of professional skills and abilities, the identification of career strategies plays an important role in the economy of the Russian Federation. There is a certain list of opportunities that are available to any citizen of the state: admission to universities and educational institutions of secondary special education through a competitive selection system, the work of educational institutions to inform young people about promising areas of activity, and others. The state policy defines many directions for creating the necessary environment for the professional development of young people. The article also discusses some of the barriers that hinder the professional self-realization of young professionals.

Keywords: professional self-realization; personal growth; youth development; career growth.

For citation: Ivanova A.D. (2023). Opportunities and barriers to professional self-realization of young people in modern Russia. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 83–86. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.9>

Введение

В настоящее время в научном и публичном дискурсе сохраняется актуальность проблемы самореализации молодежи, личностного становления, а также построения карьеры после окончания обучения в учебных заведениях высшего и среднего звена. Понятие «профессиональная самореализация» можно трактовать в рамках различных определений. Например, существует и многими исследователями считается признанным следующее определение профессиональной самореализации: это осу-

ществление внутренних возможностей, способностей и намерений личности в конкретном виде профессиональной деятельности (Манжос, Хазова, Хатит, 2015). Вектор профессиональной реализации для каждого человека индивидуален. Направление движения в карьере и других сферах жизни определяется многими факторами: культурно-социальная осведомленность, жизненные приоритеты, склонности к определенному виду деятельности, подверженность влиянию близкого окружения и др.

Профессиональное развитие молодежи играет важную роль в функционировании экономики России в целом. Именно молодые люди становятся движущей силой развития страны, их участие в совершенствовании различных отраслей народного хозяйства имеет большое значение. Во-первых, профессиональное развитие молодежи способствует созданию кадрового потенциала, что обеспечивает необходимую рабочую силу для различных отраслей экономики. Молодежь, обладая самой свежей информацией и новым образом мышления, приносит инновации и новые подходы в решение привычных задач. Это помогает привлечь инвестиции, обновить производственные процессы и стимулировать увеличение темпов экономического роста. Во-вторых, вследствие развития и поддержки молодых талантливых людей увеличиваются темпы модернизации экономической системы. Молодежь обладает более глубоким пониманием современных технологий, возможностей цифровизации и других инновационных решений.

Путь в профессиональной самореализации разнообразен, но можно выделить некоторые общие черты, характерные именно для молодых людей. Первый этап – выбор вектора профессионального развития. В это время человек принимает решение о том, с каким видом деятельности он хотел бы связать свою профессиональную карьеру и какое место он хочет занять в социальной структуре общества. Здесь совершается поиск наиболее подходящего направления, во время которого предпринимается достаточное количество попыток и проб себя как участника того или иного процесса в профессиональной среде, т.е. молодой человек пользуется возможностями попробовать себя в деле, которое для него незнакомо. После прохождения этого этапа формируется определенное представление о будущем профессиональном пути и выбор карьерного направления. Вторым этапом самореализации молодежи является профессиональное становление. Именно в это время молодой человек осуществляет первые шаги на карьерном пути. Здесь формируется базовый перечень навыков и умений, которые в дальнейшем будут совершенствоваться. На данном этапе значительную роль играет социальное окружение, а конкретно – люди, способствующие адаптации молодого специалиста к условиям выполнения определенных функций на рынке труда. Третий этап – профессиональное совершенствование. В начале этого шага человек уже обладает определенным набором навыков, благодаря которым он имеет возможность выполнять необходимый перечень задач. Далее этот перечень пополняется: происходит освоение новых навыков и умений, а также частым проявлением этого этапа является делегирование некоторых задач другим специалистам для формирования специалитета выполнения более сложных работ.

На каждом этапе профессиональной самореализации существуют способствующие ускорению этого процесса возможности. Так, согласно статистике, «в Российской Федерации в 2022 г. высшее образование получали 4 млн человек. Из них почти половина (1,9 млн человек) обучаются на бюджетной форме обучения» (Образование, 2023). Подобных показателей нет ни в одной другой стране мира. За последние десятилетия возможностей поступить в университеты для получения высшего профессионального образования стало значительно больше. Существуют различные способы:

прохождение олимпиадных испытаний, участие в конкурсе по баллам единых государственных экзаменов, участие в творческих вступительных испытаниях и др.

Поступление и обучение на направлении и специальности, которые молодой человек выбрал для себя, являются действительно значимой возможностью в формировании вектора развития молодежи в карьере. На базе университетов и образовательных учреждений среднего специального образования ведется масштабная работа по информированию студентов (молодых людей) о направлениях дальнейшей самореализации после успешного окончания учебного заведения: осуществляется сотрудничество с крупными коммерческими и государственными предприятиями, проводятся лекции и тренинги, направленные на обучение представлению себя как специалиста на рынке труда, формируются необходимые навыки для возвращения полезных психологических и внутренних качеств человека.

Внутренняя политика Российской Федерации направлена на формирование комфортной среды для развития полезных компетенций молодежи. Для этого создаются коммерческие и государственные проекты, организующие конкурсы, форумы, фестивали для молодежи, помогающие раскрыть внутренний потенциал каждого в отдельности, а также в процессе командообразования и объединения молодых людей для решения важных общественных вопросов формируются необходимые качества и навыки работы в группе. Кроме того, нельзя не отметить потенциал формирования устойчивых социальных связей среди участников подобных мероприятий. Это может стать хорошей инвестицией в будущее молодых специалистов. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в июле 2023 г. привел следующую статистику, которая подтверждает увеличение масштабов политики государства в направлении развития молодежи: «В 2017 году 37% молодых людей в стране считали, что в России созданы подходящие условия для самореализации. На сегодняшний день этот показатель превысил 80%» (Заседание..., 2023). Он отметил, что это является свидетельством работы государства в данном направлении.

В нашей стране с каждым годом увеличивается перечень возможностей, способствующих профессиональному становлению молодых людей. Однако профессиональная самореализация молодежи в современной России сталкивается с различными барьерами и препятствиями, которые могут замедлить и усложнить достижение успеха. Одним из барьеров можно считать неравномерное распределение доступности качественного образования. В некоторых регионах государства система обеспечения среднего и высшего образования недостаточна. Другим препятствием на пути к профессиональной самореализации может стать недостаточно эффективная система поддержки предпринимательской деятельности. Многие инициативные и имеющие необходимые способности молодые люди в начале предпринимательского пути сталкиваются с незнанием некоторых процессов данной деятельности, вследствие чего не продвигаются дальше в этом направлении. Недостаток менторства и поддержки со стороны успешных предпринимателей также может затруднить успех молодежи в этой сфере. Барьером считается и отсутствие мотивации и стимулов для самореализации. Это может быть связано с влиянием окружающих, которые формируют представление у молодежи о том, что шанс вырасти в карьере неизбежно мал и не стоит усилий, вследствие чего молодые люди не предпринимают попыток для роста в профессиональной деятельности, а остаются на одной ступени развития долгое время.

Таким образом, в современной России существует достаточно проработанная система для реализации профессиональных способностей молодежи, которая включает в себя множество возможностей, доступных для каждого гражданина государства. Стоит отметить, что барьеры, имеющиеся на пути самореализации, с каждым

годом становятся менее ощутимыми и в большей степени саморазвитие и карьерный рост зависят от усердия, целеустремленности и трудолюбия конкретного молодого человека и его окружения.

Литература

- Байлук, В.В. (2014). Профессиональная самореализация личности. В Социально-профессиональная мобильность в XXI веке. Сборник материалов докладов Международной конференции. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 208–213.
- Богатырева, О., Марцинковская, Т. (2009). Профессиональная самореализация в пространстве личностного развития. *Психологические исследования*, 2(3). DOI: 10.54359/ps.v2i3.1002.
- Богатырева, О.О. (2009). Личностные факторы профессиональной самореализации (кандидатская диссертация). М., 149.
- Зинченко, Ю.П., Бусыгина, И.С. (2013). Психологическое здоровье и профессиональная самореализация руководителя. *Национальный психологический журнал*, 1(9), 89–95. DOI: 2079-6617/2013.0112.
- Манжос, Л.В., Хазова, С.А., Хатит, Ф.Р. (2015). Особенности профессиональной самореализации педагогов в современных условиях. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология*, 3, 83–89.
- Заседание наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей» (2023). Президент России. Информационная платформа. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71697>.
- Образование (2023). Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education>.

References

- Bayluk, V.V. (2014). Professional self-realization of the individual. In Social and professional mobility in the XXI century. Materials of the International Conference. Yekaterinburg: Publishing house of Russian State Vocational Pedagogical University, 208–213.
- Bogatyрева, O., Martsinkovskaya, T. (2009). Professional self-realization in the space of personal development. *Psychological Research*, 2(3). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1002>.
- Bogatyрева, O.O. (2009). Personal factors of professional self-realization (candidate's dissertation). Moscow, 149.
- Manzhos, L.V., Khazova, S.A., Khatit, F.R. (2015). Features of professional self-realization of teachers in modern conditions. *Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 3, 83–89.
- Zinchenko, Yu.P., Busygina, I.S. (2013). Psychological health and professional self-realization of the manager. *National Psychological Journal*, 1(9), 89–95. DOI: <https://doi.org/2079-6617/2013.0112>.
- Education (2023). Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education>.
- Meeting of the supervisory board of the autonomous non-profit organization "Russia – the Land of Opportunities" (2023). President of Russia. Information platform. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71697>.

Дата получения рукописи: 18.08.2023

Дата окончания рецензирования: 28.08.2023

Дата принятия к публикации: 08.09.2023

Информация об авторе

Иванова Алина Дмитриевна – студент экономического факультета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: alina.ivanova.work@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Ivanova Alina Dmitrievna – Student, Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: alina.ivanova.work@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.485.6

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.11

EDN TJVBSO

Предупреждение конфликтов между украинскими беженцами и принимающим российским обществом на фоне проведения специальной военной операции

Данил А. Киселев¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: fordan13kiselev@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию проблематики предупреждения конфликтов между украинскими беженцами и российским принимающим обществом на фоне проведения специальной военной операции в 2022 г. Целью статьи является получение нового знания о влиянии специальной военной операции на конфликты между украинскими беженцами и принимающим российским обществом и способах их разрешения. Цель работы определяет постановку исследовательских задач, а именно: изучение понятий «беженцы» и «принимающее общество», анализ динамики их взаимоотношений; выявление причин конфликтов, возникающих между украинскими беженцами и принимающим российским обществом, а также способов их разрешения.

Методы. Эмпирическую основу статьи составляют вторичные социологические данные. Теоретико-методологический корпус исследования базируется на идеях интегрального подхода. При анализе динамики взаимоотношений украинских беженцев и принимающего российского общества задействованы отдельные положения бихевиоризма.

Результаты и их обсуждение. Благодаря использованию интегрального научного подхода и анализу выводов по теме, сделанных другими исследователями ранее, удалось прийти к выводу, что для достижения взаимопонимания между беженцами и принимающим обществом необходима двусторонняя работа по обеспечению социальной адаптации и интеграции вынужденных переселенцев, а также оперативная координация действий по улучшению жизненных условий как украинских беженцев, так и представителей принимающего их российского общества.

Ключевые слова: конфликт; беженцы; принимающее общество; миграция; социальная адаптация; социальная интеграция; предупреждение конфликтов.

Для цитирования: Киселев Д.А. (2023). Предупреждение конфликтов между украинскими беженцами и принимающим российском обществом на фоне проведения специальной военной операции. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 87–92. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.11>

Prevention of conflicts between Ukrainian refugees and the host Russian society against the background of a special military operation

Danil A. Kiselev¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: fordan13kiselev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the problems of conflict prevention between Ukrainian refugees and the Russian host society against the background of a special military operation in 2022. The purpose of the article is to gain new knowledge about the impact of a special military operation on conflicts between Ukrainian refugees and the host Russian society and ways to resolve them. The purpose of the work determines the formulation of research tasks, namely: the study of the concepts of refugees and host society, the analysis of the dynamics of their relationships; identification of the causes of conflicts arising between Ukrainian refugees and the host Russian society, as well as ways to resolve them.

Methods. The empirical basis of the article is secondary sociological data. The theoretical and methodological corpus of the study is based on the ideas of the integral approach. When analyzing the dynamics of the relationship between Ukrainian refugees and the host Russian society, certain provisions of behaviorism are involved.

Results and its discussion. Thanks to the use of an integral scientific approach and the analysis of conclusions on the topic made by other researchers earlier, it was possible to come to the conclusion that in order to achieve mutual understanding between refugees and the host society, bilateral work is necessary to ensure the social adaptation and integration of internally displaced persons, as well as operational coordination of actions to improve the living conditions of both Ukrainian refugees and representatives of the host society Russian society.

Keywords: conflict; refugees; host society; migration; social adaptation; social integration; conflict prevention.

For citation: Kiselev D.A. (2023). Prevention of conflicts between Ukrainian refugees and the host Russian society against the background of a special military operation. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 87–92. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.11>

Введение

Неизбежным следствием крупных конфликтов, увеличивающихся в масштабах и начинающих охватывать большую часть населения государств, оказывающихся втянутыми в международную конфронтацию, становится увеличение вынужденных миграционных потоков. Важно понимать, что миграционные потоки беженцев – это не просто передвижение населения с одной территории на другую, но глобальная проблема куда более всеобъемлющего характера, охватывающая практически все сферы жизнедеятельности: социальную, экономическую, политическую, религиозную, этническую, нравственно-психологическую (Прудникова, 2011, 10). Тем не менее она не утрачивает своей актуальности и по сегодняшний день, в связи не только с непрекращающимися затяжными конфликтами прошлых лет, но и с продиктованным текущей действительностью появлением новых. Одним из самых резонансных и актуальных является русско-украинский вооруженный конфликт, перешедший в феврале 2022 г. в стадию проведения специальной военной операции и неизбежно породивший новые волны беженцев среди мирного населения.

Взаимодействию беженцев с принимающим обществом и урегулированию конфликтов, которые способно породить такое взаимодействие, до сих пор не было уделено должного внимания. Именно поэтому как никогда важно определить, насколько значимым изменениям подверглась динамика отношений между украинскими беженцами и принимающим российским обществом в 2022 г. с учетом происходящих событий, какие конфликты она может потенциально породить и какие профилактические меры необходимо предпринять, чтобы снизить негативные последствия. Именно на эти вопросы в рамках данной статьи будет дан ответ, который позволит обозначить проблемные области в сфере работы с вынужденными беженцами на территории России и меры предупреждения большого количества самого широко спектра конфликтов, каждый из которых требует своего алгоритма для урегулирования. Исходя из вышесказанного, целью статьи является получение нового знания о влиянии специальной военной операции на конфликты между украинскими беженцами и принимающим российским обществом и способах их разрешения. Цель работы определяет постановку исследовательских задач:

- изучение понятий «беженцы» и «принимающее общество», анализ динамики их взаимоотношений;
- выявление причин конфликтов, возникающих между украинскими беженцами и принимающим российским обществом, а также способов их разрешения.

Методы

Для достижения поставленных задач использован интегральный методологический подход, который обычно применяется в построении объяснительной модели социальных беспорядков в этнических конфликтах и управленческих средств их

предотвращения. При анализе динамики взаимоотношений украинских беженцев и принимающего российского общества задействованы отдельные положения бихевиоризма.

Результаты

В соответствии с законом «О беженцах» в Российской Федерации беженцем признается лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой той страны или не желает пользоваться защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (Белькова, 2008). Важно отметить, что у каждого беженца существуют обязанности в отношении страны, в которой он находится. В силу этих обязательств, в частности, он должен подчиняться законам и распоряжениям, принимаемым для поддержания общественного порядка (Федеральный закон..., 1993).

Для предотвращения и разрешения потенциальных конфликтов между беженцами и гражданами государства, территорию которого они выбрали в качестве убежища, требуется интеграция вынужденных переселенцев в принимающее общество. Этот процесс подразумевает включение беженцев в сферы жизни принимающего общества на основе усвоения его ценностей и норм ради достижения жизненных планов и карьер мигрантов. Д.П. Каранов определяет принимающее общество как социокультурную среду, обладающую собственной структурой и комплексом представлений о своих отличительных чертах, а также набором культурно-ценностных установок и правил поведения. Все социальные группы, ведущие активную жизнедеятельность в этой среде, по мнению ученого, обязаны разделять присущие ей представления, усваивать их в процессе формирования общей идентичности (Каранов, 2013).

Деформация социального самочувствия русскоязычных в бывших республиках СССР, дискриминация и притеснения по национальному признаку, политика, проводимая национально-политическими элитами в ближнем зарубежье, отсутствие стабильности в личных правах и свободах – все эти проблемы к февралю 2022 г. разрослись до такого масштаба, что руководством Российской Федерации было принято решение о проведении специальной военной операции, направленной на демилитаризацию и денацификацию Украины. Начало боевых действий породило новые волны вынужденных беженцев, часть из которых направились на территорию Российской Федерации.

И.Б. Кузнецова в рамках своего исследования установила, что выбор России как страны убежища продиктован следующими группами причин: наличие родственников и друзей; экстренная эвакуация из зоны боевых действий с помощью российских гуманитарных служб; экономические мотивы (надежда найти работу); соображения личной безопасности; боязнь дискриминации; наличие российского гражданства у одного из членов семьи (Кузнецова, 2018).

Согласно результатам совместного исследования Т.В. Шитовой, Е.А. Голенцовой, Д.О. Каледы, у таких граждан Украины, помимо всех моральных и психологических трудностей, возникает проблема социальной адаптации. Лиц, переселившихся с Украины, можно условно разделить на две неравные группы. Первая, большая группа состоит из людей, изначально идентифицирующих себя как русских либо принима-

ющих для себя условия проживания в России. Меньшинство же состоит из людей, не желающих постоянно проживать в России. Оно может потенциально провоцировать конфликтные ситуации (Шитова, Голенцова, Каледа, 2019).

Согласно А.В. Дмитриеву с соавт., существуют объективные и субъективные причины возникновения конфликтов между беженцами и принимающим обществом (Дмитриев, Жуков, Пядухов, 2009). Примерами объективных причин могут быть: этнические различия; разный уровень образования; противоречия в системе ценностей. Объективными причинами конфликта могут выступать конкуренция и неравенство. Помимо объективных факторов конфликтогенности, существуют субъективные причины. Они связаны в первую очередь с индивидуальным восприятием отдельного человека. Так, конфликт между беженцами и принимающим обществом затрагивает тему толерантности и включает в себя национальный аспект.

Можно сказать, что взаимодействия между беженцами и населением принимающего общества проблематизируют социальную действительность принимающих обществ, создают потенциал конфликтогенности, основными причинами которой являются столкновение интересов местных жителей и вынужденных переселенцев, материальное и социальное неравенство между этими группами, а в некоторых случаях социокультурные и ценностные различия.

И.П. Чернобровкин высказал точку зрения, согласно которой противостояние местных жителей и вынужденных этнических мигрантов происходит в условиях неприспособленности или повышенных жизненных рисков мигрантов в принимающем обществе (Чернобровкин, 2019). Реализация региональных и муниципальных программ адаптации и интеграции мигрантов, обусловленная маргинальностью части переселенцев и неприятием этого факта коренным населением, способна снизить социальную напряженность и предупредить многие потенциальные конфликты.

Подобной точки зрения придерживается и ряд других исследователей. Так, в работе «Вынужденная миграция и беженцы в современной России (на примере беженцев Украины)», написанной А.С. Хилько с соавт., для благоприятного проживания беженцев на территории России и минимизации конфликтов принимающим государству и обществу предлагается предпринять следующие шаги: создать благоприятные условия для проживания; предоставить материальную и духовную помощь; быть открытыми для беженцев, проявлять взаимоуважение; содействовать адаптации беженцев; предоставлять большее количество рабочих мест, а также мест в школах и детских садах как представителям беженцев, так и коренным жителям; предоставлять бесплатную медицинскую помощь на равных условиях; прислушиваться к мнению беженцев и учитывать их желания при распределении по стране; оказывать защиту в экстренных ситуациях; делать все возможное, чтобы беженцы надолго остались в России, смогли успешно пройти процессы адаптации и интеграции, стать частью принимающего их общества (Хилько, Конева, Савченко, 2016).

Заключение

Таким образом, принцип социальной адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество в первую очередь направлен на предотвращение социальной напряженности и потенциальных конфликтов между вынужденными переселенцами и принимающим обществом. Социальной интеграцией принято считать процесс включения в различные сферы принимающего общества. В то время как социальная адаптация украинских беженцев – это, с одной стороны, процесс приспособления к новым условиям жизни посредством освоения ими навыков и знаний в области языка, истории, культуры принимающего общества, основ законодательства

государства и уважения его ценностей и норм; с другой же – действия принимающего государства и общества, способствующие этому. Важно помнить, что адаптация и интеграция вынужденных беженцев – это обоюдный процесс, предусматривающий совокупность действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, самих беженцев по созданию условий приспособления к жизни в принимающем обществе и включения в его сферы (Васюков, 2022). Национальная стратегия по минимизации этих проблем должна стать ключевым компонентом действительно гостеприимной политики как ответа на кризис указанных незащищенных групп, особенно в реалиях проведения специальной военной операции, стремления защитить украинцев от нацистского режима и желания объединить братские народы. В таких ситуациях гуманитарные принципы должны преобладать над другими соображениями, ведь и правительства, и все международное сообщество в качестве морального долга обязаны обеспечить предоставление необходимых ресурсов (Дятлов, Чигрин, 2018). В случае успеха удастся не только избежать социального напряжения и конфликтов с принимающим обществом, но и успешно адаптировать и интегрировать украинских беженцев, обеспечить для них комфортные условия проживания на долгие годы.

Литература

- Белькова, Е.Г. (2008). Беженцы и переселенцы: разграничение понятий. *Известия БГУ*, 3, 113–116.
- Васюков, А.В. (2022). Анализ вовлеченности социально-общественных институтов для эффективности оказания психологической помощи украинским беженцам. *Пензенский психологический вестник*, 1, 54–64.
- Дмитриев, А.В., Жуков, В.И., Пядухов, Г.А. (2009). Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. М.: РГСУ, 23.
- Дятлов, А.В., Чигрин, В.А. (2018). Социокультурные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 4(1), 3–9.
- Ибрагимов, А.М. (1997). Понятие и критерии установления беженцев в международном частном праве. *Российский юридический журнал*, 2, 97–109.
- Каранов, Д.П. (2013). Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде. *Полития*, 1, 24–35.
- Кузнецова, И.Б. (2018). Беженцы из Украины: миграционная политика и повседневность. *Журнал исследований социальной политики*, 4, 577–594.
- Прудникова, Т.А. (2011). Миграционные процессы и их влияние на общественную и национальную безопасность. М.: ЮНИТИ, 151.
- Шитова, Т.В., Голенцова, Е.А., Каледа, Д.О. (2019). Беженцы с Украины. Социальная адаптация. *Аграрное и земельное право*, 3, 103–105.
- Хилько, А.С., Конева, Ю.О., Савченко, Е.С. (2016). Вынужденная миграция и беженцы в современной России (на примере беженцев Украины). *Инновационная наука*, 2–5, 167–169.
- Чернобровкин, И.П. (2019). Этнический вигилантный конфликт: стратегии конфликтного управления. Курс лекций. Ростов н/Д: ЮФУ.
- Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» (1993). Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102021709>.

References

- Chernobrovkin, I.P. (2019). Ethnic vigilant conflict: conflict management strategies. A course of lectures. Rostov-on-Don: SFedU.
- Dmitriev, A.V., Zhukov, V.I., Pyadukhov, G.A. (2009). Migration: Conflict, security, cooperation. Moscow: Russian State Social University, 23.
- Dyatlov, A.V., Chigrin, V.A. (2018). Socio-cultural foundations for the “city management” model in the system of Russian municipal government. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 4(1), 3–9.
- Ibragimov, A.M. (1997). The concept and criteria for establishing refugees in private international law. *Russian Law Journal*, 2, 97–109.

- Karanov, D.P. (2013). Migrants and the host society: the cultural aspect of interethnic relations in the urban environment. *Politiya*, 1, 24–35.
- Khilko, A.S., Koneva, Yu.O., Savchenko, E.S. (2016). Forced migration and refugees in modern Russia (on the example of refugees in Ukraine). *Innovative Science*, 2–5, 167–169.
- Kuznetsova, I.B. (2018). Refugees from Ukraine: Migration policy and everyday life. *Journal of Social Policy Research*, 4, 577–594.
- Prudnikova, T.A. (2011). Migration processes and their impact on public and national security. Moscow: YUNITI, 151.
- Shitova, T.V., Golentsova, E.A., Kaleda, D.O. (2019). Refugees from Ukraine. Social adaptation. *Agrarian and land Law*, 3, 103–105.
- Vasyukov, A.V. (2022). Analysis of the involvement of socio-public institutions for the effectiveness of psychological assistance to Ukrainian refugees. *Penza Psychological Bulletin*, 1, 54–64.
- Federal Law dated 19.02.1993 No. 4528-1 “On refugees” (1993). Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102021709>.

Дата получения рукописи: 02.08.2023

Дата окончания рецензирования: 22.08.2023

Дата принятия к публикации: 01.09.2023

Информация об авторе

Киселев Данил Александрович – студент II курса магистратуры Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: fordan13kiselev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Kiselev Danil Aleksandrovich – 2nd year Master’s student of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: fordan13kiselev@yandex.ru

The author have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.614:6

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.2.12

EDN YEOUZG

Риски и социокультурные угрозы эпохи цифровизации**Екатерина А. Полякова¹**¹Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: ms.katerin2002@mail.ru

Аннотация

Введение. Сегодня нашу жизнь уже невозможно представить без различных технологических средств и полного погружения в условия глобальной цифровизации, когда технологии стали неразрывно связаны с нашей повседневной жизнью и всеми сферами общества посредством гаджетов, персональных компьютеров, социальных сетей и интернета. Именно в этих условиях интересно было бы рассмотреть новые возможности, открытые достижениями научно-технического прогресса, их место и сферу применения в разных отраслях, а также углубиться в изучение тех проблемных полей, которые возникли и уже сейчас трансформировались в ощутимые опасности в процессе их использования. В рамках данной работы описана актуальность этой темы как для всего российского общества, так и для рассматриваемой группы в частности. Автором представлено описание современных процессов, продвигающих темпы цифровизации в мире и российской действительности, а также описана классификация отобранных опасностей этого явления, которые в ходе работы были распределены по группам: отдельно риски и социокультурные угрозы. В рамках статьи также описаны основные результаты пилотажного исследования, посвященного изучению оценок рассматриваемого явления группой студенческой молодежи. Ведь именно современные молодые люди могут в полной мере знать характеристики, возможности и недостатки повсеместного распространения инноваций, являясь наиболее активными пользователями цифровых технологий и потребляя наибольшую долю цифровых ресурсов современного мира.

Методы. Эмпирическую базу работы составляют результаты пилотажного исследования, проведенного среди студенческой молодежи Южного федерального университета, а также анализ социологических исследований отечественных авторов.

Результаты и их обсуждение. В ходе повседневной жизни молодые люди неизбежно сталкиваются с определенными рисками цифровизации. Автором выявлено, что студенты имеют достаточное представление об обсуждаемых угрозах данного процесса и его влиянии на их жизнь. Но при этом наибольшую роль и опасность, по мнению опрошенных респондентов, несут те риски, с которыми они непосредственно сталкивались, а именно информационный стресс или мошенничество, кибератаки в интернете. В то же время масштабные социокультурные угрозы, влияющие на общество в целом, не являются для них столь пугающими.

Ключевые слова: цифровизация; риски цифровизации; молодежь; инновации; технологии.

Для цитирования: Полякова Е.А. (2023). Риски и социокультурные угрозы эпохи цифровизации. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), с. 93–96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.12>

Risks and sociocultural threats of the digitalization era**Ekaterina A. Polyakova¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: ms.katerin2002@mail.ru

Annotation

Introduction. Today it is no longer possible to imagine our life without the presence of various technological means and complete immersion in the conditions of global digitalization, when technology has become inextricably linked with our daily life and all spheres of society through the emergence of gadgets, personal computers, the global social network and the Internet. It is in these conditions that it would be interesting to consider the new opportunities opened up by the achievements of scientific and technological progress, their place and scope of application in different industries, but also to delve into the study of those problem fields that have arisen and have already been transformed into tangible dangers in the process of their use.

Within the framework of this work, we were able to describe the relevance of our topic both for the entire Russian society and for the group we are considering, in particular. We presented a description of modern processes that are promoting the pace of digitalization in the world and Russian reality, and also described the classification of the dangers of this phenomenon that we selected, which in the course of the work were distributed into groups: separately risks and sociocultural threats. Within the framework of this article, we will also describe the main results of a pilot study devoted to the study of assessments of the phenomenon under consideration by a group of student youth. After all, it is modern young people who can fully know the characteristics, opportunities and disadvantages of the widespread dissemination of innovations, being the most active users of digital technologies and consuming the largest share of digital resources of the modern world.

Methods. The empirical basis of this work consists of the results of a pilot study among students at the Southern Federal University, as well as an analysis of secondary sociological research by domestic authors.

Results and their discussions. In the course of everyday life, young people inevitably face certain risks of digitalization. We found that students have a sufficient understanding of the threats we discussed in this process and its impact on their lives. But at the same time, the greatest role and danger, according to the respondents we surveyed, come from those risks that they directly encountered, namely: information stress or fraud, cyber-attacks on the Internet. While large-scale sociocultural threats affecting society as a whole are not so frightening.

Keywords: digitalization; risks of digitalization; youth; innovation; technology.

For citation: Polyakova E.A. (2023) Risks and sociocultural threats of the digitalization era. *Caucasian Science Bridge*, 6 (2), p. 93–96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.12>

Введение

Современная действительность уже немыслима без наличия разнообразных технических и коммуникационных средств. Можно сказать, что достижения научно-технического прогресса, с одной стороны, стали незаменимыми помощниками человечества, реализовав инновационные проекты в разных областях и упростив нашу жизнь. Но нельзя забывать о том, что повсеместное распространение и глобальные масштабы такого явления уже сейчас вызывают множественные споры и опасения. Цифровизация в действительности не может оцениваться однозначно. Она носит двойственный характер, становится причиной для появления все новых рисков и различного рода опасностей (Лисенкова, 2018, 217–218). Поэтому важно и достаточно актуально уделять внимание не только рассмотрению возможностей и перспектив развития глобального технологического взлета, но и выявлению мнений касательно проблем и опасностей этого феномена. Кроме этого, особый интерес данная тема вызывает с учетом процессов трансформации сегодняшней российской действительности, когда наша страна оказалась отделена от многих глобальных процессов, начала движение по своей уникальной траектории, прекратив сотрудничество со многими зарубежными корпорациями, что существенно повлияло на темпы цифровизации и развитие технологических сфер.

Особенный интерес вызывает изучение видения рисков цифровизации глазами современной молодежи, так как именно эта социальная группа в наибольшей степени подвержена технологическому влиянию. Сегодняшняя молодежь буквально родилась в цифровом поле, развив с самого детства высокий уровень цифровых компетенций и понимание виртуальных структур, которые сейчас обеспечивают функционирование и развитие всех сфер жизни общества (Воскресенская, 2022).

Методы

В качестве объекта в рамках проведенной нами работы была выбрана цифровизация современных социальных процессов, в то время как предметом выступили риски и угрозы, возникающие в процессе цифровизации. Целью же исследования было выявить наиболее значимые риски и социокультурные угрозы цифровизации.

Для достижения данной цели нами был выполнен ряд научно-исследовательских задач, а именно: дано содержательное наполнение понятий «цифровое общество», «цифровая культура» и «цифровизация»; процессы цифровизация рассмотрены в контексте рискологической парадигмы; выявлены основные риски и социокультурные угрозы цифровизации в повседневной жизни молодежи; дана оценка восприятия студентами ЮФУ наиболее значимых опасностей процесса цифровизации. В качестве гипотезы мы выдвинули такой тезис: молодые люди в большей степени опасаются не зависящих от них рисков, связанных с утечкой информации и нарушением кибербезопасности, чем социокультурных угроз в сфере межличностных взаимодействий, интернет-зависимости или цифровизации образовательного процесса.

В ходе рассмотрения процессов цифровизации в контексте рискологической парадигмы нами были обозначены основные тезисы: риски цифровизации – это опасности для индивида и социума, возникающие под влиянием внедрения инновационных цифровых технологий в не зависящие от действий индивида сферы, по большей части связанные с социально-экономической и политической сферами общественной жизни. В то время как социокультурные угрозы цифровизации – это проблемы, обусловленные межличностным взаимодействием индивидов, социальным полем и психофизиологическими особенностями личности, затрагивающими социальную и культурную сферу жизни людей. Также была выстроена определенная классификация рисков и социокультурных угроз цифровизации, которая основывалась на диагностике жизненного пространства молодежи в современных исследованиях отечественных авторов (Кисляков, Меерсон, Силаева, Дмитриева, 2020, 8). Были отмечены и описаны наиболее актуальные для сегодняшнего дня риски цифровизации, а именно: киберпреступления, опасности, связанные с кибербезопасностью, взломы и утечки данных и персональной информации в повседневной жизни пользователей сети и на национальном уровне, а также социокультурные угрозы: разрыв межпоколенческих отношений в эпоху цифровизации, повышение информационного стресса и опасности цифровизации образования. Дальнейшее исследование, проведенное при помощи метода анкетирования, затрагивало именно эти опасности цифровизации.

Результаты

По результатам проведенного пилотажного исследования мы смогли не только оценить мнения молодого поколения и уровень осведомленности о современных рисках и социокультурных угрозах цифровизации, но и выявить наиболее актуальные и значимые опасности, которые студенты ЮФУ отмечали при прохождении анкетирования. В целом можно сказать, что молодежь достаточно оптимистично относится к явлению цифровизации, без опаски используют блага науки и техники в разных сферах своей жизни. Абсолютно каждый респондент владеет гаджетами и техническими инструментами, позволяющими коммуницировать с виртуальным пространством, подавляющее большинство на высоком уровне владеет цифровыми компетенциями.

Но при детальном рассмотрении разных опасностей, вызванных этим явлением, можно говорить, что пугающие студентов моменты все же есть. Данные показывают, что в наибольшей степени опрашиваемые опасаются угроз, которые связаны с информационным стрессом. Многие отметили, что подвержены влиянию цифровых факторов, которые негативно влияют на организм и психоэмоциональное состояние. При этом высоки показатели не только оценки собственного состояния, связанного с информационным стрессом, но и оценки актуальности этой проблемы для всего современного российского общества. Следующими по значимости оказались риски, связанные с киберпреступлениями в глобальном цифровом пространстве. Было от-

мечено, что такая опасность высоко оценивается и при опоре на личный опыт респондентов, и при оценке национальной кибербезопасности.

Менее значимыми, по оценкам опрошенных, оказались представленные в анкете социокультурные угрозы. Студенческая молодежь более спокойно воспринимает обострение межпоколенческих отношений в современном российском обществе, хотя и соглашается с тем, что данная проблема имеет место. То же мы видим и в отношении цифровизации образования. Респонденты хотя и соглашаются с тем, что данное явление несет в себе опасность, но все равно не считают его достаточно значимым, по крайней мере для себя.

Заключение

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сказать, что наиболее высоко студенческая молодежь оценивает опасность тех рисков, с которыми у респондентов была возможность встретиться лично, прочувствовать на собственном опыте. В свою очередь, высокой значимостью не обладают угрозы, которые затрагивают нравственную или духовную сферу, касаются культуры или межличностной коммуникации. Цифровизация оптимистично воспринимается молодым поколением в целом и студенческой молодежью Южного федерального университета в частности.

Литература

Воскресенская, Н.Г. (2022). Цифровизация глазами студенческой молодежи: перспективы, риски, препятствия. *Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки*, 16(1), 149–153. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-148-153.

Кисляков, П.А., Меерсон, А.-Л.С., Силаева, О.А., Дмитриева, Е.Е. (2020). Восприятие молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества. *Вестник Мининского университета*, 8(4), 8–14. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-4-8.

Лисенкова, А.А. (2018). Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект. *Российский гуманитарный журнал*, 7(3), 217–222. DOI: 10.15643/libartrus-2018.3.4.

References

Kislyakov, P.A., Meyerson, A.-L.S., Silaeva, O.A., Dmitrieva, E.E. (2020). Young people's perception of socio-cultural threats to the digital transformation of society. *Bulletin of Minin University*, 8(4), 8–14. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-4-8.

Lisenkova, A.A. (2018). Challenges and opportunities of the digital age: a socio-cultural aspect. *Russian Humanitarian Journal*, 1(3), 217–222. DOI: 10.15643/libartrus-2018.3.4.

Voskresenskaya, N.G. (2022). Digitalization through the eyes of student youth: prospects, risks, obstacles. *Bulletin of YarSU. Series: Humanities*, 16(1), 149–153. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-148-153.

Дата получения рукописи: 12.08.2023

Дата окончания рецензирования: 08.09.2023

Дата принятия к публикации: 16.09.2023

Информация об авторе

Полякова Екатерина Александровна – студент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: ms.katerin2002@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about an author

Polyakova Ekaterina Alexandrovna – student of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: ms.katerin2002@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 25.11.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),
 Научная степень, звание, должность,
 E-mail:
 Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),
 Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),
 Номер идентификатора ORCID,
 Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);
 Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);
 Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,
 (Anna V. Ivanova) *Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.*

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019) или при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторы шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (a, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания,

интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / а, b, c). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi:

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора и более

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL
Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL

Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА**КНИГИ**

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.

Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.

Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/ Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от *circa* – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарём определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.

6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.